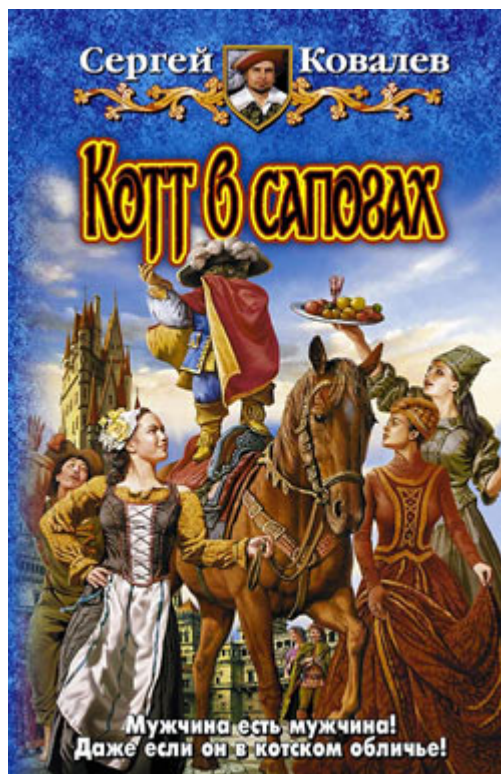

Сергей Ковалев Котт в сапогах

[://www.fenzin.org](http://www.fenzin.org)

«Котт в сапогах»: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2008
ISBN 978-5-9922-0231-1

Аннотация

Тяжела доля наемника. Особенно средневекового ландскнехта. Особенно когда твой враг – могущественный придворный маг, а из союзников лишь деревенский дурачок, юная ведьма да говорящая лошадь. Не говоря уж о том, что сам ты – кот. Пусть даже и в сапогах.

Удивительная, но абсолютно правдивая история бывшего капитана ландскнехтов Конрада фон Котта, написанная им самим для развлечения современников и потомкам в назидание.

Сергей Ковалев Котт в сапогах

ПРЕДИСЛОВИЕ

Итак, прекрасные дамы и милостивые государи, приступим... Ох, до чего же неудобно держать гусиное перо лапой! Хорошо хоть затачивать их самому не приходится – я предусмотрительно заставил нашего короля выделить в мое полное распоряжение специального слугу именно для этой цели... Да, а что? Вас смущает это «заставил» по адресу короля? Вы считаете, что какой-то там кот, пусть даже и говорящий, не должен отзываться о царственной особе в столь пренебрежительном тоне? Возможно, вы даже считаете это преувеличением и – не побоюсь этого слова – фанфаронством с моей стороны? Эх! В прежние времена я вызвал бы вас на дуэль за такое предположение, но – увы мне, увы! В нынешнем моем положении я вынужден ограничиться самыми искренними уверениями, что

написано то было мною отнюдь не из желания придать себе большей значимости, а исключительно из радения за правду. Прочтите эту историю до конца, и вы поймете – нашего любимого короля подвигнуть к активности, можно только заставив... Но я забегаю вперед!

На самом деле взяться за столь утомительный и неблагодарный труд, как написание автобиографии, меня подвигла все та же любовь к истине. Дело в том, что гостивший около года назад в нашей столице господин Шарль Перро выразил недвусмысленное желание описать события, приведшие нашего благородного государя на трон, а также мое в тех событиях участие. Господин этот показался мне весьма учтивым и образованным, потому ваш покорный слуга изложил ему всю историю без утайки и весьма подробно. Можете себе представить весь мой ужас, когда во дворец прибыл первый экземпляр книги господина Перро! Мало того что на обложке сего издания значится оскорбительное название «Сказки», тем самым намекая на вымышленный характер содержащихся в книге историй! Сами наши с королем злоключения были беспардонно и цинично переписаны автором. Из полной трагизма истории, которая могла бы послужить к вящему поучению, события тех дней превратились в жалкий пасквиль, годный лишь для развлечения бездельников!

Увы, на мое гневное письмо по поводу допущенных искажений господин Перро ответил в том смысле, что все равно в говорящего кота никто в здравом уме не поверит и вообще – книга уже вышла из печати и переписывать ее он не собирается.

Эта печальная ситуация и вынудила меня взяться за перо... Ох, лапки мои лапки! Но истина – дороже!

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт вступил в неравную схватку с магом во имя торжества Истины и какой неожиданностью это для него закончилось

Приключилась эта удивительная история примерно год назад, в самом начале сентября, непривычно жаркого и душного, каждое утро которого полно было обещанием грозы, к вечеру так и остававшимся обещанием. Ввиду засухи деревья и кустарники ранее назначенного природою срока окрасились желтым и всерьез уже намеревались сбросить листву, селяне же радовались, что урожай в этом году удалось снять без помех, и теперь по всей стране бурлили ярмарки и гуляли свадьбы.

Мне тоже грех было жаловаться на хорошую погоду – дороги в королевстве, как, впрочем, почти везде по Европе, где довелось мне побывать... ну, вы и сами прекрасно представляете, каковы дороги в Европе. В сыкотную погоду, боюсь, лошадке моей пришлось бы тяжело. Да и плащ, некогда вполне сносный и даже, можно сказать, почти шикарный, поизносился и служил жалкой защитой от непогоды.

«Стоп, стоп, стоп! – скажет в этом месте внимательный читатель. – Что-то вы, любезнейший, заговариваетесь! Что за плащ и с чего бы это вам скакать на лошади? Редко можно увидеть кота в плаще, а уж на лошади ему ну совсем никак не пристало ездить. И с какой стати кота волнует состояние дорог, ведь котам больше свойственно сидеть дома и ловить мышей, а не бродяжничать по дорогам».

Верно, отвечу я. Но есть один нюанс – на тот момент я еще не был котом, а был я вовсе даже человеком. А если точнее – капитаном ландскнехтов Густавом Конрадом Генрихом Мария фон Коттом. А если уж совсем точно – *бывшим* капитаном кучки неблагодарного сброда, выдающего себя за ландскнехтов.

Да, знаю, имя у меня смешное. Но виноват в этом исключительно почтенный мой батюшка, почитавший себя человеком прогрессивным и – в духе новых веяний – считавший длинные имена дворян архаизмом. Бедной моей матушке еле удалось уговорить его оставить в моем имени упоминание хотя бы тех родственников, на наследство которых мы могли рассчитывать в дальнейшем. К сожалению, надеждам этим не суждено было сбыться, но мне

хотя бы удалось избежать ужасной участи иметь одно-единственное имя, словно какому-нибудь простолюдину. Ведь даже сейчас детство свое под сенью столь короткого имени я вспоминаю с содроганием... Правда, с тех пор, как мне пришлось, спасаясь от унылого существования безземельного аристократа, податься в ландскнехты, даже это короткое имя нечасто доводилось услышать полностью. Обычно меня звали Конрад, фон Котт, капитан или «эй ты, гнусный мерзавец!».

Эх, тяжелые настали времена для «диких гусей» – чего уж там. Почти все правители и городские советы в тех городах, что покрупнее, давно обзавелись регулярными армиями, а что помельче – так с них и взять нечего. В наемники полезла всякая шваль, без малейших представлений о корпоративной этике. А это – смею заметить – основа основ! Не могу даже представить, чтобы ландскнехты, сражавшиеся в Бургундских войнах, взяли и сместили своего капитана!

С другой стороны, ребят тоже можно понять. Жизнь наемника – штука тяжелая и нервная. Да и сама служба не особо престижна. А если подумать о том, что ждет честного ландскнехта после безвременной (а когда ж она бывает-то вовремя?) кончины – так и вовсе бесперспективная. Только и остается радости – получить свои честно заработанные золотые и спустить на всякие приятные пустяки вроде выпивки, женщин и красивой формы.

А тут еще, как специально, год выдался уж больно неудачный и для всего моего отряда вообще, и для меня в частности. Наниматели наши все словно сговорились и вели себя совершенно неэтично: задерживали довольствие, не полностью выплачивали оговоренные суммы, проигрывали войны и попадали в плен к неприятелю. Последний же наш наниматель – барон д'Билл – и вовсе позволил себе погибнуть в бою, не расплатившись с нами за три месяца службы! Тут у кого угодно кровь вскипит. Так что пришлось мне уйти с занимаемой должности, подчиняясь решению общего собрания отряда... Ну ладно, если уж честно – пришлось мне бежать, прихватив только то, что было при мне в тот момент, да верную мою лошадь – Иголку. Признаться, я заранее ожидал чего-то нехорошего с того самого момента, как увидел, что этот олух – нанявший нас барон – срывается первым в атаку и, вполне естественно, погибает, затоптанный второй линией собственной же рыцарской конницы. Ну а когда дошла весть, что казначей под шумок смылся со всей баронской казной, тихий внутренний голос сказал мне: «Конрад, разворачивай-ка ты Иголку и сваливай!» Тут и остальной мой отряд узнал про казначея... Вот я и говорю – никаких понятий у современных наемников о корпоративной этике! Ну куда это годится – всего лишь из-за трехмесячного жалования сразу орать «Повесить капитана!!!».

Так и получилось, что подъезжал я к славному городу Либерхоффе об одну лошадь, с тремя золотыми в кошелье и в крайне скверном расположении духа.

Впрочем, назвав Либерхоффе «славным городом», я совершенно необоснованно польстил этой унылой деревне-переростку. Это стало совершенно очевидно, стоило выехать из леса и приблизиться к городским воротам на расстояние выстрела из мушкета. Именно с этого расстояния особенно бросалось в глаза, что ворот у города в общем-то нет. Городские стены – те были в наличии, хотя перепрыгнуть через те стены не затруднило бы и страдающего ожирением барана. Имели место также две башни... ну... невысокие такие и то ли недостроенные, то ли начавшие разваливаться, но все-таки – башни. Имелся даже заросший бурьяном овраг вдоль стены – очевидно, ров. Без воды. Ну это и понятно – жара ведь которую неделю. Но вот настоящих ворот в этом городе не было... Пространство между башнями перегораживала оглобля, которую унылый стражник с всклокоченной рыжей бородой и красным носом профессионального пьяницы опускал и поднимал при помощи нехитрого устройства из блока и двух веревок.

Занимался он этим, естественно, не развлечения ради. Двое других стражей во главе с дородным сержантом лениво осматривали стоящие в очереди возки и телеги в размышлении, с чего бы еще взять пошлину за въезд в город. К тому моменту, когда я достиг их, как раз заканчивался торг с солидным торговцем, восседавшим на плотно набитой мешками телеге. Заканчивался он, надо заметить, не в пользу стражников – совершенно одуревшие от жары в

своих кожаных колетах и раскаленных на солнце шлемах, они вяло сопротивлялись купцу, торговавшемуся изобретательно и увлеченно. Наконец стражники сдались и, приняв ту мзду, что соглашался заплатить торговец, пропустили его в город под аплодисменты очереди. Воспользовавшись тем, что оглобля поднялась, пропуская телегу, я направил Иголку вслед за искусным торговцем. Однако стражники, хоть и потерпели только что сокрушительное поражение, бдительности не утратили.

– Эй, милссударь, – раздалось у меня за спиной, – а за проезд кто платить будет?

Можно было бы, конечно, попытаться ускакать от них. Но потомку славного рода фон Коттов не пристало показывать спину каким-то там провинциальным стражникам. К тому же, не зная расположения улиц, попытка эта могла закончиться плачевно, а начинать свое пребывание в Либерхоффе с городской тюрьмы мне совсем не улыбалось. Все те тюрьмы, которые мне довелось повидать за время наемничества – как я уже говорил, фортуна редко улыбалась моему отряду, – запомнились мне полным отсутствием комфорта, и вряд ли тюрьма города Либерхоффе чем-то отличалась от них в лучшую сторону. Однако тратить и без того жалкие мои капиталы на пошлину я тоже не собирался. Потому, соорудив самую высокомерную мину, какую только смог изобразить, я поправил перевязь так, чтобы богато украшенные ножны меча и пистолеты было лучше видно, повернулся к подошедшим стражам, подчеркнуто медленно оглядел их с ног до головы и рявкнул так, что запряженный в ближайшую телегу вол от неожиданности испортил воздух:

– Смиррррррна!!!

Судя по результату, стражникам редко доводилось выполнять строевые команды. Вообще-то, глядя на причудливые позы, в которых они застыли, я заподозрил, что они не только никогда раньше не принимали положение «смирно», но и вообще смутно представляли, что от них требуется. Ох уж мне эти провинциальные гарнизоны! Еще раз окинув взглядом несвятую троицу, я процедил сквозь зубы:

– Позорище! Как стоите, солдаты?! Подбородки выше! Еще выше! Грудь вперед, пузо втянуть! Ишь разъелись на казенных харчах! Три поросенка, блин! Почему наконечники у копий ржавые? А? Почему шлемы не начищены? Почему не по форме одеты?

– А?

– Морковку на! Почему без кирас, спрашиваю?

– Дык это... вашбродь, жарко в кирасах-то... – испуганно забормотал самый старший из стражников. – Начальник стражи разрешил ввиду отсутствия наличия видимого противника...

– Молчать, когда я спрашиваю! – рявкнул я снова. – С начальником стражи я еще поговорю! Ишь распустились! Сейчас двое остаются на посту, один – в сторожку, и чтобы через пять минут каска блестела, как у кота... хвост! Потом поменяетесь. Вернусь через час – проверю лично. Выполняйте!

Грозно фыркнув напоследок, я направил лошадь в ворота. Проникшаяся важностью момента, Иголка перешла с привычной трусцы на парадный шаг, так что я успел услышать, как стражники перешептываются за моей спиной:

– А кто это такой был-то?

– Хрен его знает... сейчас начальства развелось – всех не упомнишь. Но зверюга, видать, тот еще. Эх, чую, ходить нам теперь в полной амуниции...

Я усмехнулся и подкрутил ус – если здесь все такие недотепы, то мне не составит труда получить хорошую должность в местном гарнизоне и немного поправить дела. А что? Мундир мой, в отличие от плаща, почти новый, два пистолета – из самых лучших оружейных мастерских, никогда не экономил на профессиональных инструментах. Трофейный меч, взятый при осаде какой-то французской крепости года три назад, стоит больше, чем все мое обмундирование, вместе взятое. Да и капитанский патент я предусмотрительно спрятал в кошель перед боем: мало ли – в плен возьмут... А жизнь-то, похоже, налаживается! Я снова подкрутил ус и залихватски подмигнул симпатичной горожанке, поливавшей цветы на балкончике. Барышня бросила мне цветок, засмушалась

своей смелости и шмыгнула внутрь дома, но я заметил, как из-за приоткрытой двери поблескивают ее глаза. Да, нас – ландскнехтов – дамы любят...

Не проехав и двух кварталов, я увидел впереди площадь, запруженную веселящимся народом. Следует заметить, что представление о веселье в таких маленьких городках везде примерно одинаковое и заключается в бесперспективных попытках выпить больше, чем под силу простому смертному. Так и здесь большая часть гуляк колебалась в состоянии от «легкого подпития» до «мертвецки пьян». Крутобокие бочки и характерный ячменный запах подсказали, что меня занесло на один из популярных в этой стране пивных фестивалей. Увы, хотя на моей родине и знают толк в славном напитке, сейчас мои финансовые дела были столь плачевны, что от всяческих соблазнов следовало держаться подальше. Ну да ладно, живут же как-то монахи в своих монастырях... Я проводил взглядом медленно падающего с помоста, на котором проходило соревнование кто больше выпьет, монаха-доминиканца и завистливо вздохнул. Поискав глазами объезд и не найдя такового, я спешил и повел Иголку через площадь в поводу – чтобы не затоптать случайно какого упившегося гуляку. В толпе меня мгновенно окутала пьянящая атмосфера праздника – пьянящая в прямом смысле, поскольку дышать приходилось практически сплошь пивными парами. Впрочем, такая близость к земле имела и несомненные плюсы: мне удалось незаметно стянуть изрядную краюху хлеба и копченый окорок – теперь не нужно будет тратиться в постоялом дворе на ужин. Еще меня несколько раз угостили пивом, а пара разудалых барышень, очарованных моим мундиром, сделала недвусмысленные намеки... но, к стыду своему, мне пришлось сделать вид, что намеков я не понял – не до романтических походов сейчас.

Почти уже миновав бурлящий водоворот площади, я вдруг услышал пронзительный голос, выкрикивавший что-то непонятное:

– Аббберхас!!! Грубарrrrrргат!!! Харrrrrрум!!!

Заинтригованный, я протиснулся промеж столпившихся вокруг стола людей посмотреть на источник этих воплей. Источником оказался тощий – кожа да кости – мужик с неопрятными седыми волосами и небольшой козлиной бородкой. Костюм крикуна представлял собою диковинную смесь самого различного тряпья, когда-то принадлежавшего, очевидно, бедному сарацину. Местным жителям, конечно, шальвары, чалма, вышитая жилетка и прочая дешевая экзотика должны были казаться удивительными и даже, может быть, чудесными, но мне-то доводилось воевать с османами, меня потрепанной чалмой не удивишь. Да и фокусников раньше видать приходилось, и, должен сказать, этот был из числа самых жалких и нелепых. В тот момент, когда я пробился в первые ряды, он как раз запутался в цветных лентах, которые пытался доставать из рукавов. Шипя сквозь зубы какие-то то ли заклинания, то ли ругательства, фокусник с трудом освободился от пут, достал кольца, попытался продеть их одно в другое, выронил, сделал неуклюжую попытку поймать и в результате рассыпал всякий «волшебный» хлам, спрятанный в одежде. Зрители тем не менее принимали его судороги вполне благосклонно, видимо, в силу выпитого на фестивале пива. А может быть, просто принимали его за шута. Тем временем фокусник попытался выпустить из чалмы голубя, но даже эта кроткая птица, очумев от жары, набросилась на бедолагу с явным намерением заклевать до смерти... В толпе стали делать ставки – ставили в основном на голубя.

Кое-как отогнав взбеленившуюся птицу, фокусник тяжело вздохнул, но взял себя в руки и надтреснутым фальцетом выкрикнул:

– А сейчас почтеннейшая публика узрит вершину моих изысканий в благородном искусстве алхимии! Многие алхимики пытались совершить Великое Делание и отыскать философский камень, но только ваш покорный слуга – величайший маг современности Дестротус – достиг вершин трансмутации! Смотрите и удивляйтесь истинному чуду превращения обычного железа в золото!

В толпе зашумели, подались вперед.

– Есть ли у кого-нибудь с собою гвоздь?

Ага, ну конечно – кто же ходит на пивной фестиваль без хорошего гвоздя в кармане?

Иезус Мария, ну что за тупой баран! Впрочем, я не сомневался, что гвоздь обязательно найдется – и именно такой, какой нужен. В том и суть фокуса. А! Вот из толпы раздался звонкий выкрик: «Есть! Есть гвоздь!» Чумазый парнишка-подросток ужом протиснулся к фокуснику и протянул ему довольно внушительных размеров ржавый гвоздь. Высоко подняв его над головой, фокусник выкрикнул:

– Сейчас вы увидите настоящее чудо!

Он поставил на стол глиняную плошку, отстегнул от пояса флягу и осторожно наполнил посудину. Осторожность его была мне вполне понятна – едкий раствор, что находился во фляге вместо воды, мог сильно обжечь. Я придвинулся ближе к фокуснику...

На самом деле меня всегда поражало, насколько наша судьба зависит от всяких мелочей! Действительно – стоило мне приехать в этот город чуть раньше или чуть позже, стоило мне выбрать другую улицу, стоило принять приглашение разбитных девиц или проехать мимо, не заинтересовавшись выкриками фокусника или не расслышав их в гомоне толпы... И даже уже наблюдая за мучениями шарлатана, я мог в тот момент просто промолчать – и моя судьба сложилась бы совсем иначе. Но со вчерашнего утра единственное, что попало мне в желудок, – три кружки пива, которые теперь оккупировали мой бедный мозг и настоятельно толкали меня на защиту истины. Потому, дождавшись, пока фокусник вволю помашет над плошкой с кислотой руками и покричит всякие грозные заклинания, я спокойно взял в руки гвоздь, с подчеркнутым вниманием рассмотрел его со всех сторон и произнес:

– С таким-то гвоздиком и я чудо сотворю!

Не давая фокуснику опомниться, я положил гвоздь на стол и наискось рубанул его кинжалом. На срезе блеснуло тусклым желтым металлом в тонкой окантовке из ржавого железа. На мгновение зрители затихли, потом кто-то неуверенно произнес:

– Да это ж золото!

– Обманщик!!! – радостно выдохнула толпа, предвкушая любимое времяпрепровождение пьяных горожан.

– Сволочь! – взвизгнул подросток, доставивший подделку, и с неожиданной для такого заморыша силой врезал мне по щиколотке. Скорее от неожиданности, чем от боли – доставалось мне и посильнее, – я выпустил руку фокусника, и тот попытался убежать, но пьяные-то пьяные, а среагировали гуляки мгновенно. В воздух взлетела чалма, откуда-то из-за сгрудившихся спин раздалась смачная шлепка. Били фокусника неумело, но зато от души. Заскучав, я вспомнил, что надо бы успеть до вечера найти приличный постоялый двор... Ну в смысле самый приличный из тех, что мне по карману.

Подходящее заведение пришлось искать почти весь остаток дня – из-за ярмарочной поры и пивного фестиваля в город съехалось много народу из окрестных сел и небольших городков, так что более-менее приличные и недорогие постоялые дворы были забиты до отказа. Все же в конце концов мне удалось найти комнату в довольно непритязательном трактире на самой окраине города. Трактир назывался очаровательно в своей незатейливости – «Зайди и выпей», на деревянной вывеске схематично, но вполне узнаваемо пенилась пивная кружка. Хозяин трактира поначалу хотел меня выставить, ссылаясь на отсутствие свободных комнат, но стоило мне продемонстрировать один из оставшихся золотых, как комната мгновенно нашлась. Мне даже выдали охапку чистого постельного белья.

Поскольку меня уже мучило от голода, я сразу закрылся в комнате, чтобы наконец перекусить своей дневной добычей. Однако хлеб оказался слишком черствым, а окорок – немилосердно пересоленным, так что даже моему неизбалованному желудку справиться с такой пищей всухомятку оказалось не под силу. Пришлось спускаться в общий зал и требовать с хозяина кувшин вина. Пока мальчишка-слуга бегал в погреб за вином, я стоял, облокотившись на стойку, и разглядывал публику. В основном это были крестьяне и мелкие торговцы, привезшие свой товар на ярмарку. Все в добротных, хотя и скромных одеждах, кряжистые, с одинаковыми стрижками «под горшок» – ну просто братья родные. Только парочка в самом углу выделялась из общего унылого благочиния. Во-первых, один из этой

парочки был тощим седым мужичком средних лет в грязной чалме и с изрядным синяком под глазом, а второй – мальчишка-подросток с распухшим носом. Во-вторых, парочка эта с нескрываемой злобой пялилась на меня.

Бывают же на свете такие совпадения! Да... в тот момент я еще не способен был увидеть в том Перст Судьбы и, отвесив фокуснику насмешливый поклон, преспокойно сгреб кувшин с вином, прихватил к нему еще кусок сыра и ушел в свою комнату. Действительно – ну что могли сделать мне эти жалкие шарлатаны?

Оказавшись в своем номере, я уже собрался было как следует набить брюхо, но нехстати вспомнил об Иголке. К стыду своему должен признать – обретение свободной комнаты в трактире так обрадовало меня, что обустройство верной моей спутницы было полностью доверено прислуге.

Сказать, что меня так уж мучила совесть, значило бы соврать. Просто в каждой профессии есть заведенный порядок вещей, который следует неукоснительно соблюдать, если хочешь быть настоящим мастером своего дела. Для ландскнехта это – кроме всего прочего – забота о снаряжении, оружии и лошади. Знал я, конечно, и таких наемников, которые искренне считали, что затачивать мечи и чистить мушкеты имеет смысл исключительно перед боем. А о лошадях должны заботиться полковые конюхи, да... Только долгой карьеры таких наемников не была: которые оказывались поумнее, те бросали это дело, а которые поглупее – рано или поздно погибали из-за давшего осечку мушкета, затупившегося меча или захромавшей лошади. Или просто потому, что оказывались совершенно непригодны к военному делу.

Именно поэтому, еще будучи молодым, но уже совсем ненаивным новобранцем, взял я за правило даже в самой мирной обстановке ничего из заведенного порядка вещей не пропускать и не перекладывать на других. Сглотнув голодную слюну и оставив свой скудный ужин скучать на столе, я спустился в конюшню, проверил, хорошо ли устроили там Иголку, хорошо ли вычистили ее, достаточно ли воды и овса и, оставшись доволен местными порядками, вернулся в трактир.

Поднявшись на второй этаж, я настороженно замер – в полумраке коридора выделялась полоска света, падавшая из приоткрытой двери моей комнаты. Внутри отчетливо скрипнула половица. Воры! А все мое оружие внутри, только небольшой охотничий нож при себе – за голенищем сапога. Ну да где наша не пропадала! Победа далеко не всегда остается на стороне тех, у кого нож длиннее!

Распахнув дверь ударом ноги, я с рычанием запрыгнул внутрь, готовый порвать в клочья наглых грабителей, сколько бы их там ни оказалось. Оказалось их там не особо много – всего один. Да и тот не склонен был оказывать сопротивление. Да и не смог бы при всем желании, куда уж тощему мальчишке-недомерку против опытного солдата!

– Ах ты, ослиное отродье! Обокрасть меня вздумал?!

Испуганно пискнув, помощник фокусника попытался сбежать, но я ловко перехватил его за шиворот, развернул к себе и уже собрался вытрясти из мерзавца дурь, но тут выдавшая виды рубаха мальчишки затрещала и расплзлась по швам, открывая... гм... вернее сказать, освобождая две маленькие, но, несомненно, женские груди.

– И-и-и-и! – завизжал мальчишка, пытаясь прикрыться руками.

– А-а-а-а! – в унисон присоединился я к нему, отталкивая прочь дьявольское наваждение.

Поймите меня правильно – я не из тех, кого может напугать растелешенная женщина. Совсем даже наоборот – сие есть прекраснейшее зрелище и отрада для взора старого солдата. Но в тот момент мне почему-то помстилось, что предо мною одно из тех порождений ада, что засылает в наш мир Сатана, – верх женский, низ мужской, хвост змеи, а ноги, прошу заметить, козлиные. Наш полковой капеллан про них часто и подробно рассказывал, и даже картинку соответствующую в книжке показывал. Он у нас вообще любитель был под вечер у костра такого понарасказывать, что ложишься потом спать с пистолетами в обнимку.

Ну да я отвлекся. Отскочив от меня, воришка почему-то не стал оборачиваться

демоном, а вполне по-женски попытался прикрыть грудь расползшейся рубахой, выругался и вlepил мне пощечину. От неожиданности я даже не попытался защититься, впрочем, оплеуха пошла мне на пользу – видать, мозги мои, встряхнувшись, встали на место и вновь заработали в верном направлении.

– Э, да ты же девка! Просто переодетая девка!

– Ну надо же, разглядел! – ехидно выпалила девица и, сверкнув зелеными глазами, выскочила за дверь. – Попомнишь еще меня!

Преследовать ее я не стал – пистолеты мои и меч по-прежнему лежали на столе, а больше и красть-то у меня особо нечего. Видать, введенный в заблуждение моим роскошным мундиром, фокусник вообразил, что у ландскнехта денег куры не клюют, вот и послал помощницу компенсировать сегодняшние неудачи за мой счет. Если честно, мне даже стало жаль эту нелепую парочку, и я мысленно отругал себя за то, что там, на площади, натравил на них толпу. Будь у меня кошель полон – а такие времена тоже бывали – отсыпал бы неудачникам золотых не считая... Интересно, а девица эта кем ему приходится? Дочь? Жена? Ученица? Ну да неважно, скорее всего, утром они поспешат покинуть город, и наши дорожки уже никогда не пересекутся... А жаль, если честно...

Отгоняя видение сверкающих гневом глаз девчонки и – чего уж там – крепких молочно-белых «яблочек», выпавших из разорванной рубахи, я взял со стола кувшин и сделал большой глоток. Вино показалось мне странным. Прокисшее подсунули, что ли?.. Я сделал еще глоток, чтобы разобраться с послевкусием, и тут меня качнуло, комната поплыла перед глазами... Я попытался опереться на стол, но руки больше не слушались меня, ноги подломились...

«Отравила, стерва...» – пронеслось в голове перед тем, как окружающий мир канул в черноту.

Пробуждение мое можно было смело назвать омерзительным. Болело все тело – от ногтей на ногах до кончиков волос. В голове трезвонили рождественские колокола по меньшей мере дюжины церквей, а во рту раскинулась пустыня, причем в ней успело нагадить целое стадо верблюдов. Ко всем этим страданиям добавилось что-то новенькое – нестерпимо чесалось все тело. До сих пор похмелья мои таким эффектом не сопровождалось... впрочем, возможно, просто в этом трактире обитают какие-то особо злобные клопы, пировавшие над моим бесчувственным телом всю ночь... Странно, как мне удалось так набраться? Вроде и взял-то один кувшин вина всего...

– Ах ты ж черт! – прокрипел я, внезапно вспомнив все события вечера. – Эта дрянь чего-то подсыпала в вино!

Хотела отравить меня, но что-то у нее не вышло. А скорее всего, она и не собиралась травить меня до смерти – все-таки за такое преступление можно и на костер угодить, просто усыпила... а это значит, что я остался без оружия, денег и, возможно, без мундира и лошади.

Я застонал от досады и невольно вздрогнул – изданный мною звук был весьма странным, даже учитывая мое плачевное состояние. Приоткрыв глаза, я увидел прямо перед собою нагромождение какой-то грубой ткани.

– Что за хрень? Где это я?

Пришлось изрядно повозиться, освобождаясь от груды тряпья. Ноги и руки слушались плохо, да еще чесотка усилилась и стала просто нестерпимой. Вывернувшись наконец из душной и пыльной западни, я с наслаждением начал чесать голову... что-то было не так... Я ЧЕСАЛ ГОЛОВУ НОГОЙ!

Нога была... впрочем, ногой ЭТО назвать было бы неправильно, это была самая настоящая звериная лапа, поросшая густой черной шерстью, с длинной вывернутой пяткой и пальцами, из подушечек которых нервно выскальзывали и вновь прятались острые как иглы когти. Я отпрянул от страшной конечности, но она – по вполне понятным причинам – последовала за мной. Тут обнаружились и прочие кошмарные изменения в моей внешности. Не только руки и ноги мои превратились в звериные лапы, тело мое также трансформировалось, стало длинным и гибким, покрытым такой же густой черной шерстью.

О том, что произошло с головой, можно было только догадываться, но зрение мое изменилось кардинально. Увеличился обзор и зоркость – мне удалось даже разглядеть паутину в углах плохо освещенной комнаты. Да и комната уже не казалась плохо освещенной. «Ого! Если действие яда не пройдет, мне цены не будет как стрелку...» – мелькнуло в голове, но я тут же вспомнил о плачевном своем виде. Каким стрелком?! Чем я буду держать мушкет? Вот этими лапами?!

Тут я наконец полностью осознал происшедшее, и волна ужаса, сильнее которого мне ни разу не доводилось испытывать, накрыла меня. Я заметался по ставшей неожиданно просторной комнате, пытаюсь убежать от собственного тела, которое послушно крутилось, скакало по стульям, столу, кровати, стенам – гибкое и сильное, только очень маленькое, – кошачье тело!

Пытаясь убедить себя, что все происходящее всего лишь кошмарный сон, я попытался ущипнуть себя, но вместо этого из подушечек пальцев послушно выскользнули когти и глубоко вонзились в... в лапу. Жалобно мявкнув, я рухнул в углу комнаты, устало переводя дыхание. Постепенно мысли мои перестали отплясывать джигу и выстроились в более-менее связную цепочку.

Вот, значит, что сделала девчонка! Вот как они с фокусником решили отомстить мне! Воистину злую шутку придумал чернокнижник... Получается, не такой уж он и шарлатан, раз сумел заколдовать меня. Ну ничего, раз сумел заколдовать – сумеет и расколдовать. Главное, перехватить парочку, пока они не сбежали из города.

Я попытался встать, но тело мое оказалось плохо приспособленным для вертикального положения и все время стремилось вернуться на четвереньки.

– Нет, так дело не пойдет, – сказал я, вновь вздрогнув при звуках собственного изменившегося голоса. – Не пристало потомку славного рода фон Коттов ползать на карачках, словно упившийся смерд... Вставай, ландскнехт!

После мучительных, но недолгих попыток мне удалось найти положение, в котором получалось более-менее передвигаться на ногах... эх! – на задних лапах.

Недолго думая я выбрался из комнаты, спустился по лестнице в общий зал – фокусника и дрянной девчонки там, естественно, уже не было, – вскочил на стойку и окликнул трактирщика, возившегося у жаровни:

– Эй, любезнейший! Давно ли ушла такая заметная парочка – седой тощий оборванец с синяком под глазом и... гм... молодой парень с ним?

– Дык кто ж знает? – философски спросил трактирщик, оборачиваясь и шаря взглядом вдоль стойки. – Расплатились они сразу, а когда ушли – я и не заметил... э-э-э...

– А они не говорили, куда направятся дальше? – продолжал я свои расспросы, легкомысленно пренебрегая наступившей в трактире тишиной и вылезшими из орбит глазами трактирщика.

– Йотп! Говорящий кот! – наконец сформулировал очевидное кто-то из посетителей.

– Эй!.. Послушайте!.. Черт! Да послушайте же!.. Мяууу! – Я совершил несколько немыслимых прыжков и кульбитов, уворачиваясь от ножей, мисок, поленьев, скамеек и прочего хлама, который начали азартно метать в меня все присутствующие.

– Это Сотона! – авторитетно провозгласил густым басом мелкий мужичок пропойного вида, выхватывая из камина занявшееся на конце полено. – Сожжем его!

Предложение встретили единодушным одобрением. Воспротивиться попытался лишь трактирщик, сообразивший, что сжигать меня собираются прямо вместе с его трактиром. Воспользовавшись теологическим диспутом, завязавшимся между хозяином трактира и его клиентами, я опрометью бросился в свою комнату. Уже на верхней ступеньке услышал, как град звонких оплеух оборвался тяжелым грохотом рухнувшего тела и радостными воплями толпы – видимо, аргументы трактирщика оказались менее весомы. Времени у меня почти не оставалось...

Нырнув в комнату, я навалился всем телом на дверь... увы, всего теперешнего моего веса хватило лишь на то, чтобы чуть-чуть прикрыть ее. О том, чтобы забаррикадировать ее

кроватью или столом, не приходилось и мечтать.

– Эй, Сотона, выходи! – раздалось из-за двери неуверенно.

– Я не Сатана! – попытался воззвать я к голосу разума. – Был бы я Сатана, стал бы я от вас убегать, недоумки!

– Он не Сотона! – радостно сообщил переговорщик толпе. – Значит, сдюжим его!

Толпа одобрительно загудела. Осознав свою ошибку – глупо звать к голосу разума, обращаясь к толпе, – я постарался зашипеть как можно громче и грозно крикнул: – Эй вы, олухи! Я не Сатана, но лучше бы для вас мне было оказаться Сатаной! Я могущественный колдун... эм-м-м... Пордулациус Запердониус! Сила моих заклятий велика! Первого, кто войдет в эту дверь, я превращу в камень на веки вечные!

– Ага, рассказывай! – Однако в голосе переговорщика опять зазвучали неуверенные нотки. – Лучше выходи, а то хуже будет...

– Чем же хуже? – Я метался по комнате... гм... словно драная кошка, стаскивая в вещмешок свои пожитки. Невероятно сложная задача, учитывая, что носить все приходилось в зубах. Хорошо еще, что я не успел толком распаковаться. – Вы же все равно меня сжечь хотите?

– Ну... э-э-э... – задумались за дверью. Занятие, похоже, оказалось непривычным, поскольку после длительного совещания никакой приемлемой альтернативы высказано не было, и из-за двери вновь донеслось: – Выходи, а то дверь вышибем!

– Вышибайте, это же не моя дверь, – резонно возразил я, пытаюсь приподнять мешок. Увы, он оказался не по кошачьим силам. – А я вас в мышей превращу. И съем.

За дверью встревоженно загомонили. Раздалась даже пара возгласов вроде «Да ну его на фиг, я домой лучше пойду!», но основная масса, к сожалению, желала продолжения веселья. Войти первым, впрочем, никто пока не решался. Кто-то особо умный высказался в том смысле, что надо бы сходить за инквизитором. Толпа согласно загомонила: мол, и верно – тащите сюда инквизитора, пусть поборет злопакастного колдуна.

Хреново. Знаю я этих ребят – сначала все кости переломают, а потом скажут: «Ну извини, ошибочка вышла!»

Мысленно обливаясь слезами, я вытащил из мешка пистолеты. Нести его, правда, все еще было невозможно, а вот волочить за собою по полу – вполне по силам. Я подтащил мешок к окну, взмахом когтей разодрал промасленную бумагу, постанывая от напряжения, втащил на подоконник мешок, вытолкал его на улицу и сам вывалился следом.

Спускаться по стене в кошачьем теле оказалось совсем просто. Участвуя в восточных кампаниях, мне как-то довелось повидать в деле арабских лазутчиков-убийц, именуемых в тех краях то ли ашашины, то ли гашишини – не помню точно. Эти самые лазутчики очень ловко взбирались по стенам при помощи железных крюков, которые привязывали к рукам и ногам. Но, конечно, эти приспособления не могли сравниться с моими когтями! Ну... впрочем, я и весил теперь намного меньше любого человека.

Оказавшись внизу, я вцепился зубами в мешок и потащил его в сторону конюшни. Оставляя взбесившимся смердам свою лошадь я, разумеется, не собирался!

Окончательно запыхавшись, я все-таки доволок свою поклажу до стойла Иголки и тихо окликнул ее. Лошадь даже ухом не повела. Пришлось забраться на перекладину перед ее мордой и орать прямо в ухо:

– Иголка!

– А?! Кто? Что? Где пожар?

– А-а-а-а! Говорящая лошадь! – Только инстинктивно выпущенные когти помешали мне свалиться на пол.

– А-а-а! Говорящий кот! – сварливо передразнила меня Иголка. – Ты чего орешь? Валерьянки нализался, лохматый?

– Иезус Мария... – Я обнаружил, что стою на четвереньках, выгнув спину и вздыбив шерсть. Похоже, в случае испуга или опасности мое тело реагировало так, как предписывала ему кошачья природа. – Никогда не подозревал, что ты умеешь разговаривать.

– А ты откуда... Иезус Мария?.. – Иголка повернула голову, уставившись на меня правым глазом. Потом проделала то же самое левым. – Господин капитан?!

– Увы... – Я сел на перекладину, уныло подперев голову лапами.

– Но как... что с вами случилось, господин капитан?

– Не видишь? Меня превратили в комок шерсти на четырех лапах. К тому же непосредственно в данный момент толпа пьяных бездельников собирается меня сжечь как колдуна.

– Гм... Все это несколько неожиданно для меня, но вы – мой командир. Какие будут приказы?

– Какие тут могут быть приказы, Иголка? Мотаем отсюда. Пока они притащат инквизитора, пока решатся вышибить дверь... Надеюсь, они не сразу сообразят, что я мог пойти сюда. Так что немного времени у нас есть.

– Есть, капитан! – Иголка издала воинственное ржание, но тут же осеклась. – В каком направлении выступаем?

– Понятия не имею, – признался я. – Сейчас главное – незаметно выбраться из города. Потом найдем колдуна и заставим его вернуть мне естественный вид.

– Задача понятна! – приободрилась лошадь. – В поход, труба зовет, ландскнехты brave – вперед!

– Тише ты! – Я с грехом пополам распутал поводья, с тоской покосился на почти новое седло. – Оседлать я тебя не смогу. Придется упряжь бросить...

– Ничего, мой капитан, – поспешила утешить меня Иголка. – Бывало и хуже. Вспомните хотя бы, как мы обороняли осажденный Дарменштосс и вы отправились в гости к жене коменданта города. Когда он неожиданно вернулся посреди ночи с заседания военного совета, нам пришлось бежать из города в чем мать родила. Я слышала, среди тех, кто осаждал город, с тех пор ходят легенды о призраке голого рейтара, напавшем в ту ночь на их лагерь под Дарменштоссом. Ваша милость произвела на противника такое тяжелое впечатление, что осаду сняли в то же утро, хи-хи-хи...

– Иезус Мария... – только и смог произнести я, устраиваясь на попоне. – Никогда бы не подумал... Ну ладно, сейчас не время предаваться воспоминаниям. Забрось этот мешок на спину и поехали. Только вскачь не пускайся, а то свалюсь.

– Есть, капитан! – Иголка осторожно выглянула из конюшни и, убедившись, что улица пуста, неспешно потрусила прочь от трактира, непатриотично напевая под нос маршевую Четвертого швейцарского. Должен признать, по части маршевых песен швейцарцы всегда имели перед нами преимущество. Зато мы им здорово всыпали в Бургундии!

Ворота мы миновали без всяких проблем – стража не высовывала носа из караулки и, судя по раздававшимся оттуда пьяным воплям и вульгарному женскому смеху, всю нарушала Устав караульной службы.

Отъехав на пару миль от города, я обернулся. Полная луна освещала с по-осеннему глубокого неба долину и маленький городок, приютившийся в ней. Я вспомнил, какие радужные планы лелеял еще утром, въезжая в Либерхоффе, и горько рассмеялся. Хриплое мяуканье жутковато разнеслось в ночном воздухе...

ГЛАВА ВТОРАЯ, **в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт** **повстречал грозного лесного разбойника и какой неожиданностью** **это закончилось для деревенского старосты**

Когда-то давно Либерхоффе возник на пути из столицы королевства к его восточным границам. Вернее, наоборот – от восточных границ к столице, поскольку на востоке были только лес да горы и трудно предположить, что кому-то в Куаферштадте понадобилось бы регулярно посещать эти глухие места. Либерхоффе был последним более-менее цивилизованным городом на этом пути. Ожидая, пока мне принесут вино, я немного

расспросил трактирщика о месте, в котором надеялся провести ближайшую пару лет. По его словам, проходя через Либерхоффе, за городом главная дорога распадалась на несколько малых, ведущих в соседние деревеньки. А уж из них можно было только вернуться обратно – дальше начинались непроходимые леса, упирающиеся в подножие гор. Я понадеялся, что фокусник тоже в курсе этой географической особенности и удирать будет по основной дороге. Однако, отъехав от города уже на довольно приличное расстояние, мы с Иголкой так и не догнали зловредную парочку. А ведь не так уж и долго провалялся я без сознания... Получается, либо колдун и его помощница раздобыли каким-то образом лошадей, либо, вопреки моим расчетам, все-таки отправились в другую сторону. Первый вариант казался мне сомнительным – колдун не производил впечатления человека, у которого хватит денег на покупку лошадей... Тут я осадил себя – колдун, кроме того, не производил впечатления колдуна, однако даже его помощнице достало умения заколдовать меня. Вполне возможно, они только прикидывались нищими ради каких-то своих зловещих колдунских планов... или колдовских? А, неважно!

Действительно важным на данный момент являлось то, что я стоял перед выбором – ехать дальше на запад, в сторону столицы, или вернуться, объехать стороной Либерхоффе и искать колдуна по окрестным деревенькам... По здравом размышлении, он вполне мог выбрать этот путь! Я ведь могу обследовать их лишь по очереди, а значит, проклятые чернокнижники имеют все шансы улизнуть. Эти соображения показались мне вполне резонными, и я послал Иголку в объезд крепостных стен. На выезде из восточных ворот города действительно обнаружилась торная дорога, через пару миль разделившаяся на две поменьше. Иголка остановилась на перепутье и вопросительно взглянула на меня.

– Не смотри на меня так, я понятия не имею, какую из них выбрать. Вот если бы колдун превратил меня в пса!..

– Попробуйте, командир! У котов тоже острый нюх, а беглецы проходили здесь недавно. Я бы и сама, только ведь не знаю, как они пахнут.

Я спрыгнул на землю и втянул прохладный ночной воздух... Да, пожалуй. Запахи не усилились, но их стало явно больше, появилось множество оттенков... Я молча махнул лапой в сторону левой дороги и запрыгнул на спину лошади.

– Вот видите, капитан! А вы мне не верили, – с торжествующей укоризной в голосе произнесла Иголка. – Ну теперь-то им от нас не уйти.

– Угу, – буркнул я под нос и несколько раз подряд чихнул, пытаясь избавиться от навязчивых ароматов. Вот ведь удивительно – пока мне было неизвестно о волшебном изменившемся чутье, я ничего особенного и не замечал. Но стоило лишь раз обратить на запахи внимание, как от них не стало спасения. Дорога пахла пылью. Пылью же пахли и окружающие дорогу травы и кусты, что не мешало им одновременно иметь и собственные сильные запахи дерева и зелени. При том – разной зелени, каждая травка источала собственный яркий оттенок. Ветерок доносил из лугов невообразимую смесь травяных запахов, а высящийся неподалеку Либерхоффе разбавлял все это великолепие гнусными миазмами горящего торфа и помоев.

Но сильнее всего, конечно, пахло лошадью...

– Нет, хорошо все-таки, что вас превратили в кота! – продолжала разглагольствовать Иголка. – Коты иногда спят у нас на спинах, зрелище, конечно, забавное, но ничего из ряда вон выходящего. А вот собака верхом на лошади – зрелище ну уж совсем неуместное. Хотя, конечно, чутье у собак куда лучше... О!

Дорога перед нами опять раздваивалась. Иголка выжидающе посмотрела на меня.

– Поворачивай... мм... снова налево.

– Капитан, но вы даже не принюхались!

– Нет смысла, Иголка. Я понятия не имею, как пахнут волшебник или его спутница. Я ведь встречался с ними только в человеческом обличье.

– А куда же мы едем тогда?!

– В самую левую из деревень. Если нам не повезет, отправимся в следующую. И так

далее, пока не поймает этого чертова колдуна.

– Тоже неплохой план! – Оптимизм Иголки показался мне несколько натянутым.

Дорога впереди вилась-вилась, да и нырнула в лес. Иголка остановилась на самой опушке.

– Ну чего стоим, кого ждем? – Я с неудовольствием сообразил, что шпор на мне нет и неизвестно, когда еще будут. – Поехали! Пешком они не могли далеко уйти, мы вот-вот их настигнем!

– Но там темно, капитан! Я даже не вижу, куда поставить копыто!

– Не выдумывай, все прекрасно видно! Ах да... понятно... – оборвал я сам себя, сообразив, что мягкий сумрак, совершенно не скрывающий деталей, существует только для моих новых – кошачьих – глаз. – Извини, сестренка, не сообразил. Придется нам встать на ночлег. Только давай немного зайдем в глубь леса, а то уж больно мы на виду.

Руководствуясь моими указаниями, лошадь зашла где-то на полмили в чащу, там и решено было устроить лагерь. Эх... Лагерь – одно название, ведь в нынешнем моем состоянии я не способен был ни дров насобирать, ни огня развести. Увы, кошачьи лапы не приспособлены держать огниво. В довершение печальных событий сегодняшнего дня меня вновь мучил голод. Окорок, оставшийся почти нетронутым на столе в трактире, больше не казался мне таким уж невыносимо соленым. Надо признать откровенно – спускаться за вином было с моей стороны жалкой уступкой чревоугодию. И что в результате? Окорок наверняка утаил и сожрал кто-то из штурмовавших мою комнату плебеев, мне же оставалось лишь ворочаться с боку на бок на широкой теплой спине Иголки и прислушиваться к урчанию в желудке.

Урчание это, надо сказать, действовало убаюкивающе на меня самого, так что, несмотря на голод, вскоре меня сморило окончательно. Поначалу сон мне снился вполне приятный: будто бы присутствую я на пиру во дворце барона д'Билла – тою самого, что был последним нанимателем моего отряда. И будто бы ломится его стол от всяческих яств и благородных напитков, что, по здравом размышлении, должно было меня сразу насторожить, ибо барон отличался при жизни легендарной скаредностью. Однако во сне мы редко бываем благоразумны, потому несообразие это меня ни в малейшей степени не удивило. Тем более что рядом со мною восседала юная ведьма, рубашка которой – прошу заметить – так и не приведена была в порядок. Вот с этого приятного момента сон мой неожиданным образом изменился, и стали мне сниться то колдун, мечущий в меня молнии, то инквизитор, под торжествующие вопли толпы сжигающий на костре окорок, то огромные мыши – в общем, натуральный кошмар. Мыши окружили меня, и одна из них шепотом сказала другой: «Ты хватай этого мелкого, а я на себя беру лошадь!» Даже во сне слова эти показались мне столь несуразными, что я проснулся. Мыши исчезли, но легче мне от этого не стало – вместо разговаривающих мышей я увидел перед собою трех очень голодных на вид волков.

Поначалу я даже не особенно испугался. Волки редко нападают на людей, да и вооруженному двумя пистолетами и мечом ландскнехту не пристало бояться диких зверей.

– Эй, проваливайте! – Тут настроение мое резко упало. Пистолеты остались в трактире, а меч мне в лапах не удержать. Потому закончил я уже менее уверенно: – Или не поздоровится...

– Крест, чё этот фряер твякает? – с неподдельным изумлением обратился один из волков к своему напарнику. Тот повернул ко мне здоровенную башку, на которой седая шерсть образовала что-то вроде креста. В глазах его мелькнул слабый интерес.

– Он, Беспалый, твякает на нас. Зоб надувает.

– Хорош тряслы проветривать, – тихо зарычал третий волк, заходя с противоположной стороны. – А то копытастую разбудите. Ломно по лаполому-то гнать будет, скинется. Мочите белку, а я копытастую завалю. Ужо брюхла напитаем сегодня!

– Свое трясло подбери! – рыкнул на него Крест. – Я рогатых валил, когда твой дед еще мамкину титьку сосал!

– Да я что? – сразу стушевался тот. – Я ж как лучше. Я ж и грю: ты – старый, Беспалый

– хромой, у меня жаба в нутре дышать мешает. Скинется копытастая, не догоним.

– Коли еда проявляет смелость, надо ей уважение оказать! – твердо прервал его седой волк. – Мы все еще волки, а не псы, надо традиций держаться. Эй, городская белка, ты можешь уйти, нам нужна только лошадь. Ты нам не нужен, все равно в тебе мяса – на один зуб.

Кровь разом бросилась мне в голову. Может быть, я и не лучший командир – не самый храбрый и не самый удачливый, – но ни разу не запятнал себя позором, спасая свою шкуру за счет подчиненных.

– Я вам не белка, блохастые сявки! – зашипел я, выгнув спину. – С вами говорит капитан ландскнехтов Густав Конрад Генрих Мария фон Котт! Убирайтесь, или, клянусь Девой Марией, я сошью из ваших шкур себе теплый плащ на зиму!

– Хрена себе! – Крест аж сел, услышав такую отповедь. Потом лег. На спину. И начал кататься по земле, поскуливая от смеха. Его банда не отставала в веселье от вожака.

– Капитан!

– Фон Котт!

– Вот умора!

– Убил... ох, не могу, натурально убил и съел!

И тут Иголка подо мною вздрогнула и открыла глаза. Неудивительно, в общем, при таком-то шуме. Увидев прямо перед своей мордой катающихся от смеха по земле волков, она закрыла глаза, помотала головой, открыла... Дико заржала и взвилась на дыбы. Толстому волку, жаловавшемуся на одышку, не повезло больше всех – опускаясь, Иголка приложила его копытом точно в лоб. Впрочем, мне повезло не больше – обезумевшая от страха лошадь рванула прочь с такой скоростью, что я едва успел вцепиться в край попоны и болтался в воздухе, в ужасе глядя на мелькающие вокруг деревья. Каким-то чудом Иголка, скакавшая не разбирая и даже толком не видя дороги, умудрялась не спотыкаться и не врезаться в деревья. Место ночлега мгновенно осталось позади. Беспалый и Крест пытались преследовать нас, но быстро отстали. Я уже было перевел дух, но тут увидел, что попона начинает потихоньку сползать, стаскивая заодно и мешок с моими вещами.

– Иголка, стой!

Бесполезно.

– Стой, волки отстали!

Бесполезно.

– Тпруууу!

Не слышит!

Я попытался перебраться по попоне вперед, на спину лошади, но добился только того, что проклятая тряпка окончательно соскользнула, и я закувыркался по дороге, словно сорванное ветром перекаати-поле. Сверху меня накрыло попоной да еще хорошенько приложило мешком. Когда я смог встать на ноги, лошади уже и след простыл.

– Проклятье... Проклятье! Проклятье, проклятье, проклятье... – От накатившей волны отчаяния у меня не было сил даже выругаться как следует. Я мог лишь тупо повторять одно и то же слово «проклятье», пока оно окончательно не потеряло всякий смысл. Все было плохо. Теперь у меня не осталось даже Иголки – единственного друга, единственной живой души, знавшей, кто я на самом деле. К тому же кошки – не бог весть какие ходоки, без лошади мне ни за что не догнать колдуна и его помощницу. Положение – хуже быть просто не может!

– Кто здесь? – неожиданно пробасил кто-то над моей головой.

В кустах заворчалось, затрещало, и на дорогу шагнул самый здоровенный парень, которого я видел в своей жизни. Конечно, то, что мне теперь на всех людей приходилось смотреть снизу вверх, тоже играю свою роль, но человечище и в самом деле был огромный. К тому же лохматый, бородатый и скверно пахнущий. Судя по одежде и дубинке в руках – разбойник. Кто тут сказал, что хуже быть не может?

– Кто здесь? – повторил разбойник, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте.

Мне-то вполне хватало того скудного света, что давало ночное небо, так что парень был у меня как на ладони. Спрятаться не составило бы труда, но мне было безумно жаль своего роскошного мундира, почти новых сапог, а особенно – меча! Я попытался тихонько уволочь мешок в кусты, но слух у разбойника оказался куда острее зрения. С неожиданной для такой туши скоростью он прыгнул ко мне и стал размахивать дубинкой, надеясь зацепить невидимого противника. И, надо признать, будь на моем месте человек обычного роста, этот прием наверняка сработал бы. А так, покрутившись и безрезультатно помахав дубиной, парень замер и вновь прислушался. Потом грозно рывкнул:

– А ну выходи! Бицца давай! Это лес Булыги!

Выходить я, разумеется, не собирался. Во-первых, пасть от дубины вонючего разбойника для капитана ландскнехтов позор неопиcуемый. Во-вторых, допустить такое непотребство в облике кота – как-то уж совсем нелепо. Семь поколений моих благородных предков не одобрили бы подобной глупости.

Напрасно прождав некоторое время, разбойник порылся в поясе и вытащил огниво. Быстро запалив трут, он подозрительно огляделся, подобрал сухую ветку и сделал из нее импровизированный факел. Тут уж не заметить мой мешок и попону мог разве что слепой.

– Ух ты! – Радостно хрюкнув, парень уселся прямо на дорогу и стал увлеченно потрошить добычу. Будь я в человеческом теле, ничего проще не было бы бросить вот так на виду мешок, а потом, когда противник станет в нем рыться, отложив оружие, застать его врасплох. Разбойника это не волновало. Похоже, в его маленькой головенке с едва заметным лбом не умещалось больше одной мысли зараз. Он как раз вытащил из мешка меч и таращился на украшенные самоцветами ножны, бормоча про себя: «Камушки! Вот свезло так свезло! Булыга умный, Булыга хитрый... Булыга не понесет меч барыге. Барыга никогда хороших денег не дает, барыга всегда обманывает Булыгу. Булыга хитрый – камешки выколупит и отнесет ювелирам...»

А вот этого допускать я не собирался! Мне меч самому пригодится – хотя бы и впрямь драгоценные камни продать, а на их место заказать подделки из стекларуса. Такая операция, пожалуй, позволила бы мне протянуть до весны, даже если не найду никакой службы... Одна загвоздка – сила явно не на моей стороне. Впрочем, капитан фон Котт никогда не уповал на одну лишь силу. Воинское мастерство наполовину состоит из ума и хитрости. Потому я неслышно подкрался к разбойнику и вкрадчиво произнес:

– Что, понравились вещички?

– Ага... Кто здесь?! – вновь завел шарманку парень, только на этот раз испуганно.

Даже в его тупую башку пришла мысль, что голос за спиной может означать нацеленный в затылок пистолет или нож. Увы, дворянская честь не позволяла мне бить в спину... да и, честно говоря, что я мог ему сделать в нынешнем своем положении? Расцарапать задницу, чтобы неделю не мог сесть? Потому я спокойно вышел у разбойника из-за спины и сел прямо перед ним. Выдержал паузу, чтобы до него точно дошло, КОГО он видит, и тем же вкрадчивым голосом промурлыкал:

– Чужое брать нехорошо. Знаешь такую заповедь: «Не укради»?

Конечно, полной уверенности в реакции разбойника у меня не было. Он мог с испугу и дубиной приложить. Но не приложил. Наоборот, горящая ветка, при свете которой он копался в моих вещах, выпала из ослабевшей руки, маленькие медвежьи глазки закатились, и амбал рухнул в обморок почище монахини, увидевшей голого мужика. Все бы хорошо, но рухнул он прямо на мешок, безнадежно скрыв под тушей все мое достояние. Дьявол! Я-то надеялся, что от испуга он бросит мои вещички и сбежит. Что за времена настали – даже разбойники какие-то жеманные.

Пришлось задействовать план «Б». То есть ждать.

Порода оказалась крепкая – парень очухался минут через пять. Все это время я терпеливо просидел на месте, подавляя мучительное желание заняться каким-нибудь полезным делом – например, вылизать шерсть на брюхе. Кошачья часть моей новой сущности возмущалась ужасным состоянием шкуры, но человеческая часть пока не готова

была к такому способу наведения гигиены. К счастью, разбойник наконец зашевелился и отвлек меня от внутренней борьбы. Посмотрев в его мутные глаза, я строго произнес:

– Только попробуй снова грохнуться в обморок! Нос откушу!

– Ы-ы-ы-ы-ы! – промычал парень, лихорадочно шаря за пазухой. Я с интересом наблюдал за этим, гадая, что он там ищет. Оказалось – нательный крест. Я откровенно зевнул, вежливо прикрыв рот лапой, потом, подождав, пока он вдоволь намашется крестиком, произнес:

– Ты был плохим христианином, Булыга. Очень плохим. Потому крест тебе не поможет.

– Ты заберешь Булыгу в ад? – всхлипнул разбойник и заплакал от жалости к себе.

– Хотел, – со всей возможной серьезностью произнес я. – Но вижу, ты искренне раскаиваешься...

– Да! Да-да-да! – Булыга принялся истово креститься. – Булыга раскаивается! Булыга больше не будет!

– Ну хорошо, хорошо. Только перестань мельтешить. Я вижу, ты парень не совсем пропащий, потому дам тебе шанс. Ты сможешь послужить делу добра и тем самым спасти свою заблудшую душу...

– А?

– Тьфу ты, черт! Короче. Поможешь мне – в ад не попадешь. Не в этот раз, во всяком случае... – добавил я про себя. – Скажи мне, мой скудоумный друг, далеко ли до ближайшей деревни.

– Ну... это... не-а, к утру можно дойти.

– Очень хорошо. Тогда слушай мою команду. Веши сложи в мешок, понесешь. Так... Взвали его на спину и держи аккуратно... – Я запрыгнул на поклажу. Булыга даже слегка покачнулся – все-таки размерами я значительно превосходил обычных котов. – Топай в деревню. А там я скажу, что дальше делать.

Разбойник перекрестился и послушно затрусил по дороге, освещая путь горячей веткой. Со стороны, наверное, зрелище было совершенно умопомрачительное. Но смотреть со стороны было некому.

Ехать на разбойнике оказалось совсем не так удобно, как на лошади. В плавности хода Булыга значительно уступал Иголке, да и разговор не поддерживал – при каждой попытке заговорить с ним лишь втягивал голову в плечи и начинал бормотать «Отче наш» – похоже, единственную молитву, которую знал. Ну да дареному... гм... коню в зубы не смотрят.

Мой столь неожиданно завербованный «рысак» не ошибся – солнце только вставало, когда тропинка вывела нас на окраину леса и побежала дальше уже через поле с аккуратными стожками сена. Невдалеке виднелась и деревня – где-то с дюжину маленьких чистеньких домиков за невысокими заборами. Я только подивился, как можно жить столь беспечно в окружении леса, по которому бродят разбойники и волки. Впрочем, меня это не касалось. Все, что мне нужно было от деревушки, поймать колдуна, если он был здесь, и заставить его вернуть мне человеческий облик.

– Ох-ох-ох... – неожиданно подал голос разбойник и остановился.

– Ну, волчья сыть, чего встал? – недовольно проворчал я, выглядывая из-за плеча гиганта. – Нам в деревню, если ты не забыл.

– Нельзя. Господин черт, нельзя. – В голосе Булыги отчетливо слышались испуганные нотки. – Булыга не пойдет дальше.

– Кто тебя спрашивает? А ну вперед, бегом, марш-марш!

– Нельзя! Здесь плохие люди! Злые!

– А где они добрые? – возразил я. – Булыга, мне плевать на морально-этические качества местного населения. Двигай в деревню, если не хочешь прямо сейчас отправиться в ад. Ты же не думаешь, что черти окажутся добрее этих людей?

После недолгих размышлений Булыга тяжело вздохнул и потрусил все-таки в сторону деревни. Меня должна была бы насторожить возникшая пауза, но на тот момент я еще плохо

разбирался в тонкостях душевной организации разбойника и не обратил внимания на его сомнения. Чтобы не нервировать крестьян, на околице я соскочил на землю и побежал рядом с Булыгой. Конечно, передвигаться на четвереньках наследнику тевтонских рыцарей не пристало, но идущий на задних лапах кот мог вызвать среди местного населения ненужный ажиотаж. Пришлось напомнить себе, что сейчас я как бы нахожусь в разведке, а разведчику и на четвереньках, а то и ужом поползать незачем.

Впрочем, как вскоре выяснилось, можно было и не переживать о производимом на крестьян впечатлении – никто на меня и внимания не обратил. Звездой сезона стал Булыга.

Первая же встреча селянка пару мгновений вглядывалась в моего спутника, после чего всплеснула руками и бросилась прочь, оглашая деревню пронзительными воплями. Что именно кричала женщина, мне разобрать не удалось, да и не до того было – на ее крик из домов начал вылезать народ, вооруженный вилами, топорами и прочим смертоубийственным сельскохозяйственным инструментом. Булыга испуганно икнул и нацелился было сделать ноги, но дорогу к отступлению уже перегородили несколько сурового вида мужиков, один из которых даже имел при себе настоящий старомодный меч. Выражение большинства лиц не сулило Булыге ничего хорошего. На меня пока никто не обращал внимания, и я предпринял обманный маневр, укрывшись в ближайших кустах. И вовремя! Булыга даже не пытался сопротивляться, да и о каком сопротивлении может идти речь, когда со всех сторон на тебя нацелены вилы? Разбойник лишь обреченно вздохнул и, бросив дубинку, позволил себя связать.

– Эй! Ты чего здесь делаешь?! Пошел вон! – неожиданно налетел на меня сзади бешено лающий комок шерсти. – Пошел! Пошел вон! Мой сад! Пошел вон!

Моя кошачья половина отреагировала быстрее, чем я сообразил, что происходит, – спина сама собой выгнулась, шерсть стала дыбом, клыки оскалились, а правая лапа самостоятельно нанесла увесистую оплеуху налетевшему на меня псу.

– С-с-сам пшшшел вон!

Учитывая, насколько я в нынешнем своем виде был крупнее обычных котов, удивительно, что этот пес вообще осмелился на меня напасть. Получив же когтями по морде, он и вовсе растерялся и, отскочив на приличное расстояние, жалобно завизжал.

– Ну чего ноешь? – раздраженно поинтересовался я, косясь на него одним глазом, а вторым посматривая, куда повели Булыгу. – Сам напросился. Нечего было насакивать...

– Я же на службе! – с обидой в голосе возразил пес. – Это вы, кошки, совсем порядка не знаете – где хотите, там и шастаете! А мы дворы охраняем!

– От кого? От меня, что ли? Нужен мне твой двор... Не видишь, что ли, я за тем человеком наблюдаю? Сейчас его уведут, и я за ним уйду. Подождал бы пару минут, шкура осталась бы целой.

– Это был бы бесчестный поступок! – возмутился пес. – Как бы я мог дальше служить суверену, если бы предал его интересы ради своей шкуры?

– Кому? А... ты имеешь в виду хозяина дома? – Я хмыкнул. – И ты искренне считаешь, что твоему... хе-хе... суверену не все равно, сколько кошек шастает у него по двору?

– Не имеет значения! Порядок есть порядок! Вдруг ты цыплят воровать пришел?

– Ну-ну... – проворчал я, окончательно теряя интерес к туповатому служаке. – Охраняй сколько угодно, только ко мне не суйся. Не до тебя. Сейчас досмотрю, куда повели моего приятеля, и сам уйду с твоего драгоценного двора.

– Я тебе и так скажу, куда его повели. В дом старосты. Запрут в погребе до завтра.

– А завтра что?

– А завтра будут судить. Его здесь хорошо знают. Лет пять назад он пришел в село. Устроился батраком к тогдашнему старосте. А через год старосту убил, дом его спалил, а сам ушел в лес и стал на дороге разбойничать. Как уж на него ни охотились, а выловить не смогли. Ан вот он и сам явился! Теперь наверняка повесят...

– Понятно. – Я почесал за ухом. – Слушай, а ведь твой двор – первый на дороге из леса, а ты все время во дворе...

– Ну?..

– Ты не видел – не приходили ли в деревню вчера или сегодня утром два путешественника – старик и девушка в мужской одежде? Или, может быть, прибежала испуганная неоседланная лошадь?

– Ерунду ты какую-то несешь, – недовольно буркнул пес. – Ничего подобного я не видел, а и видел бы – не сказал бы! Ты тут безобразия нарушаешь, а я буду тебе помогать?

– Да как хочешь, – фыркнул я, выбираясь на дорогу. – Нравится тебе в доблестного стражника играть – играй, кто ж тебе не дает? Думаешь, хозяин оценит твою верность? Как же! Разбудет молодого щенка, а тебя вышвырнет на улицу!

Конечно, столь мелкая месть недостойна благородного дворянина, но не вызывать же мне его на дуэль в самом-то деле?

Во всю прыть, которую только могли развить лапы, я припустил вслед за толпой, в середине которой возвышались широченные плечи и опущенная голова Булыги. Да... кошки явно не созданы для долгого бега! С места я рванул очень даже прилично, но вот долго такой темп выдержать не смог. Пришлось присаживаться, переводить дух и дальше уже бежать легкой трусцой. Нет, какой-никакой, а транспорт мне необходим...

Тем временем толпа довела Булыгу до жилища старосты – большого крепкого дома, крытого, в отличие от остальных, не соломой, а черепицей. Вышедший на шум мужик был под стать дому – крепкий и массивный. Изрядное чрево лишь добавляло ему солидности, как и гладкая благообразная борода. Как и все селяне, староста одет был неброско – будний день ведь, – но в почти новую одежду. При виде Булыги лицо его выразило сложную гамму чувств – начиная от испуга и заканчивая торжествующим злорадством.

– Ай, молодцы! Все-таки заловили душегуба! Кому удалось?

– Да это... – замялся один из «ловцов». – Сам он приперся. Клара пошла за водой к колодцу и увидела, как он топает прям по главной улице. Совсем обнаглел!

– Вот дела. – Староста обошел вокруг связанного разбойника, разглядывая со всех сторон, словно какую диковину. – Или и впрямь обнаглел, или окончательно сдурел. Он и раньше-то не великого ума был, а от жизни в лесу небось последний потерял.

– Ум-то, может, и потерял, да не весь! – встрял все тот же мужик. – Глянь, что у него в мешке заплечном нашли!

– Ишь ты... – Староста осторожно повертел в руках меч, потрогал ткань мундира. – Вещи-то знатные, явно дворянину или богатому купцу принадлежали. Признавайся, упырь, кого ограбил?

– Булыга не грабил! – с некоторым даже достоинством возразил разбойник. – Это моего господина. Он сказал нести.

– Нет, вы только послушайте! – всплеснул руками староста. – «Моего господина»! И как только ума хватило такое придумать?! Кто ж тебя, чучело лесное, в слуги возьмет? И где твой господин сейчас? Почему ты один пришел?

– Здесь... – Булыга растерянно огляделся, видимо только теперь сообразив, что меня рядом нет. Я благоразумно спрятался за калитку. – Был только что здесь! Господин! Господин, где вы?! Помогите мне, господин!

– Ой, умора! – сквозь смех простонал староста. – Он ведь, похоже, и впрямь какого-то господина зовет! Совсем умом тронулся! Ну ведите его пока в погреб, завтра разберемся...

Пока Булыгу под гогот толпы заталкивали в погреб, я незаметно прокрался в дом старосты – благо дверь он закрыть за собою забыл. Внутри дом производил еще более солидное впечатление – пожалуй, местный староста живет побогаче, чем иные знакомые мне дворяне! Да и, если подумать, остальные селяне выглядели вполне себе сытыми и довольными жизнью, одежда на всех справная... Интересно, чем же они таким промышляют в своем захолустье? Не торговля же овощами с огородов приносит такие прибыли?

Тут в дом вернулся староста, и я вынужден был немедленно искать убежище под кроватью. Покрывало свешивалось до самого пола, так что мне совершенно не видно было, что происходит в комнате, зато отлично все слышно. Надо сказать, кошачий слух не только

намного сильнее человеческого, но и чувствительнее – в том смысле, что разнообразные звуки приобретали множество оттенков, человеку недоступных.

Так, например, в звуке шагов старосты мне совершенно отчетливо слышалось раздражение и почему-то – страх. Страх этот выдавало и бормотание, с которым староста принялся расхаживать по комнате. Большей частью то были разнообразные и довольно заковыристые ругательства, но в том, как они произносились, в интонациях – во всем этом была растерянность и все тот же страх.

– Берта! Иди сюда! – решившись на что-то, рявкнул староста.

– Сам и иди, если тебе надо! – немедленно отозвался сварливый женский голос откуда-то из глубины дома. – Я тебе что, собачонка какая, по первому слову бегать? Некогда мне!

– Берта, я тебе сказал, иди сюда! Или сам приду, но ты отвоедаешь тумачков!

– Что-о-о?!

Хоть я и пребывал в безопасности под кроватью, но, услышав полный праведного гнева вопль, невольно втянул голову в плечи и зажмурился.

– Ах ты, тупоумный жирный бурдюк! Да как у тебя только язык повернулся такое сказать! – Загрохотали шаги, и в следующий момент голос уже раздавался в комнате. – Да чтобы у тебя все волосы повылезли, а новые проросли внутрь твоей пустой башки! Как ты только посмел такое мне сказать?!

– Заткнись, Берта! – Староста ударил кулаком по столу. – Заткнись! Андрэ вернулся...

– Как ты смеешь... Андрэ?

– Да.

– Не может быть!

– Повтори это хоть дюжину раз, но так есть. – Староста опустил на стул. – Заявился прямо среди дня в деревню.

– Его...

– Нет, к сожалению. Он никому не угрожал, даже не сопротивлялся, когда его вязали. Это-то меня и пугает больше всего! Значит, так и задумал, чтобы его живым повязали! Он хочет все рассказать!

– Да брось ты! У него ума на это ни в жизнь не хватило бы! Да и с чего бы теперь-то? Сразу ничего не сказал, а через три года вдруг решился?

– В том-то и дело. Сразу мог не сообразить – испугался, да и сколько ему тогда было? Семнадцать зим всего. Сидел все это время в лесу, думал, думал и надумал. К тому же он про какого-то господина плел. Я решил было – совсем у парня ум за разум зашел. А теперь думаю – вдруг и впрямь встретил его какой-то умный человек, выслушал и понял, какую выгоду из той истории извлечь можно!

– И где же этот господин? – В голосе Берты явно прозвучало недоверие. – У Андрэ на лбу написано, что он дурачок. Кто такого слушать станет?

– Не знаю. Вон на сундуке вещи лежат – при нем нашли, явно не с простого человека! Может, конечно, он кого-то ограбил в лесу, но вдруг и впрямь его господина? Правда, Клара – ну ты знаешь, вдова Клара, что на отшибе живет, – говорит, он так в село один и вошел... Да неважно! Может, и нет никакого господина, но Андрэ нам и в одиночку опасен.

– Опасен, – мрачно согласилась женщина. – Но от тебя в деревне многие зависят, твое слово всяко больше значит, чем бредни какого-то разбойника.

– Так-то оно так, да ведь многие и в спину ударить не прочь, – пригорюнился староста. – А если Андрэ на суде начнет все выкладывать, тут у них и повод появится. Свалить меня, конечно, кишка у них тонка, но крови нам попортят! Эх! И что ему было не сгинуть в лесу за эти годы по-тихому?! Или напал бы на кого и погиб...

– Или попытался сбежать и его охранник убил бы? – подхватила совсем другим тоном Берта. – А?

– Да он не побежит, – отмахнулся староста. – Не для того заявился.

– А ему бежать и не нужно, – вкрадчиво произнесла Берта. – Вы с ним почти одного роста, он, конечно, в плечах шире тебя и мордой не особо похож, но кто в темноте увидит?

– Да ты глупее Андрэ! – взвился староста. – Я, по-твоему, должен под стрелы лезть? А если меня убьют?

– Сам дурак! Ты староста или так – пописать вышел? Поставь на ночь охранять дом самых косоруких стрелков. Вот хотя бы Жака и Филиппа-мясника – два тюфяка пара! Что один, что другой с двух шагов в стог сена не попадут. Мелькнешь перед ними в темноте разок и спрячешься. Они стрел от испуга накидают, там мы Андрэ и положим...

– Мы? – нервно сглотнул староста. – А... а... как же мы его...

– Угадай? – со злой издевкой произнесла женщина. – Заварил кашу, теперь расхлебывай. Проткнешь стрелой и бросишь. Да только выведи сначала в сад тайком, а то весь погреб перемажешь кровью, а мыть кому?

– Боже...

– Поздно ты о нем вспомнил, Демьен. В эти места он уж и не заглядывает небось...

– Не богохульствуй, женщина!

– Ха! Я-то хоть на словах богохульствую, а ты – в делах!

– Стерва, – злобно буркнул староста, сдаваясь. – Ладно, видать, другого выхода нет...

– Конечно нет. Ничего, не трясись так. Будешь меня слушаться – выпутаемся и на этот раз. Пошли на кухню, мой кабанчик, я тебе для храбрости можжевелевой настойки налью.

Стоило шагам заговорщиков стихнуть, как я выбрался из-под кровати и бросился к сундуку. К счастью, увлеченный мыслью о предстоящем возлиянии, староста забыл спрятать мои пожитки. Замечательно! Вещи я вернул, в деревне этой подозрительной меня больше ничего не держит – колдун сюда, похоже, не заглядывал...

Выбравшись из дома старосты, я дотащил мешок до ближайшего куста и тут совершенно некстати вспомнил про бедолагу Андрэ. Нет, понятно, что громила – всего лишь жалкий тупоумный смерд, к тому же разбойник. Любой офицер в бою жертвует такими андрэ, Жаками и фрицами без счету – крестьяне плодovиты и к следующей войне нарожают нового пушечного мяса... Но я всегда был плохим офицером, чего уж там – себе врать смысла нет. Правда, за все годы, что я командовал отрядом, мы потеряли всего десяток ландскнехтов, но кто это оценил? Громких побед за нами не числилось, молва обо мне шла как о командире талантливом, но трусоватом. Даже собственные солдаты не ценили того, что их не бросают в тупую резню, они предпочли бы рискнуть шкурой, лишь бы за хорошую плату. Правильно говорят – добрые дела наказуемы!

Не слушая здравых увещаний рассудка, я отволол вещи подальше в сад, хорошенько запрятал и вернулся к дому старосты. Ну не мог я бросить Булыгу! Ладно бы он и впрямь виноват был и ждал бы его справедливый суд. Но ведь его собирались подло убить непонятно за какую тайну, которой он, подозреваю, и сам толком не знал.

Да и в конце концов таскать самому мешок с барахлом и меч оказалось слишком тяжело.

Надо признать, в нынешнем моем положении были и несомненные плюсы. Например, из меня получился бы идеальный лазутчик. Кошки ведь обычно не привлекают особого внимания, все привыкли, что они ходят, где им вздумается – ну крутятся рядом с домом какой-то приبلудный кот, мало ли, может, мышей учуял. Да и сам дом, закрытый для человека, для меня был, можно сказать, гостеприимно распахнут. Сдвинув в сторону расшатавшуюся черепицу на крыше, я легко проник на чердак, где обнаружил подвешенные к поперечной балке колбасы, окорока и прочие копчености. Это был настоящий подарок судьбы, ведь шли уже третьи сутки моего вынужденного поста. Утолив голод и без малейших угрызений совести утащив пару колец колбасы в садовый «склад», я устроился на ветвях яблони рядом с домом – дожидаться сумерек.

Кошачья природа и тут проявила себя наилучшим образом – в прежние времена я терпеть не мог сидеть в засаде. Гордые потомки фон Коттов не признают подлых способов ведения войны, да и не умею я подолгу оставаться в бездействии. Это у меня с самого детства, что не раз отмечал сельский священник, пытавшийся обучить меня грамоте. Сколько он ни пытался привить мне усидчивость посредством розог, эффект получался

прямо противоположный ожидаемому. Теперь же стоило мне занять свой наблюдательный пост, как веки немедленно смежились и накатила умиротворяющая дрема. Но это был не просто сон – непростительно было бы мне, опытному наемнику, заснуть на посту, нет, какая-то часть сознания продолжала бодрствовать и внимательно наблюдать за происходящим вокруг.

Впрочем, вокруг ничего не происходило до самого вечера.

Солнце уже клонилось к закату, когда староста наконец соизволил покинуть дом. Судя по сочному цвету лица и особой плавности и гибкости движений, все это время Демьен подбадривал себя можжевелевой настойкой. К настоящему моменту душевное его состояние явно достигло того ключевого пункта, когда подвигов еще хочется, а здраво оценить их последствия уже не очень получается. Обычно когда такого состояния достигают собутыльники в кабаке, неизбежно вспыхивает драка. Но старосте подраться было не с кем, потому он ограничился нелестными замечаниями относительно неких абстрактных недоброжелателей, которым было грозно обещано что-то показать. Пошатавшись по двору, Демьен отпустил вооруженных крестьян, охранявших двери погреба, наказав вызвать на смену Жака-шорника и Филиппа-мясника.

Искомые «герои» явились незамедлительно – похоже, староста руководил в деревне железной рукой. Впрочем, на воинских качествах «охраны» это никак не сказалось. Глядя на двух сонных мужиков в плохо сидящих разрозненных деталях давно устаревших лат, на ум приходили разные эпитеты, но ни «грозный», ни «воин» среди них не было. Вооружены оба были примерно одинаково – переделанными из кос алебардами и охотничьими луками. У Филиппа к тому же на поясе висел устрашающих размеров тесак. Видимо, в силу профессии мясник считался наиболее близким к воинскому ремеслу человеком, хотя выражение уныния на его лице свидетельствовало, что сам он вовсе так не считает и с удовольствием бы провел предстоящую ночь дома. Демьен раздал путаные распоряжения и скрылся в доме, а я перебрался поближе к дверям. Пока мне было совершенно непонятно, как староста собирается проникнуть в погреб и вывести Булыгу в сад прямо на глазах у двух свидетелей. Устроившись прямо за спинами «стражников», я прислушался. Поначалу разговор шел о вещах, несомненно близких обоим селянам. Но вот лично мне обсуждение отличия местного пива от пива в Либерхоффе показалось как-то не особо увлекательным. Однако, как я и предполагал, разговор в конце концов свернул на личность охраняемого разбойника.

– А чё, ты как кумекаешь, он приперся-то? Жак выразительно покосился на массивную подвальную дверь. – Скока лет из лесу не казался, а тут – нате вам! Чо хотел-то?

– Хрен его знает. – Филипп сделал тупое лицо, обстоятельно обдумывая вопрос соратника, но ничего, видимо, не придумал и, многозначительно подняв палец, повторил: – Хрен его знает. У него и сразу-то мозги набекрень были, когда еще тока пришел. Помнишь?

– Помню, а то! Только знаешь чё... вот не верю я.

– Во что?

– Ну это... Не убивал Андрэ старика! – понизив голос и опасливо поглядывая на дом старосты, выпалил Жак. – Не верю!

– Тихо ты! – Филипп огляделся. – В то мало кто верит. С чего бы ему старика жизни лишать? Староста ему вместо отца был. И кому он поперек горла стоял – про то всем ведомо. Только все молчат. Да и тебе лучше помолчать. Тебе этот недоумок что – брат или сват?

– Да я чё? Мне же просто интересно – чего он вернулся-то? Вдруг решил рассказать, как оно все было на самом деле?

– Ну и что? Кто его слушать будет – разбойника-то? Да и кому эта правда нужна? Разве что Ансельм опять бучу поднимет, он давно на место старосты метит. Только кишка у него тонка. Покричат, поспорят и быстренько Андрэ вздернут, чтобы воду не мутил...

Так-так, кое-что прояснилось. Как я и предположил, у старосты рыльце в пушку... Не иначе как сам он старосту и убил, а потом каким-то образом вину на Андрэ свалил. Что, если вспомнить невеликий ум разбойника, было делом не особенно трудным. А теперь, когда я,

можно сказать, привел бедолагу прямо в руки Демьену, он его наверняка убьет как опасного свидетеля. Правда, остается непонятным главное – как он собирается провернуть это маленькое дельце?

Не успел я об этом подумать, как заметил какое-то шевеление у задней стены дома. Сумерки уже сгустились настолько, что занятые разговором «стражники» ничего не заметили, а вот мне отлично были видны две грузные фигуры, крадущиеся прочь от дома. Проклятье! Конечно же из дома должен быть еще один ход в погреб! Не станет же хозяйка бегать через улицу каждый раз, когда на кухне понадобится что-то из запасов. Как я мог не подумать о такой простой возможности?!

Я метнулся вслед за беглецами, в несколько прыжков догнал их и пристроился в арьергарде. Первым крался Демьен, за ним, след в след, с неожиданной для такого амбала сноровкой – Андрэ. Отойдя шагов на двадцать от дома, староста остановился.

– Ну все, Андрэ, дальше ты сам...

– Спасибо, Демьен! – Булыга растроганно шмыгнул носом. – Демьен добрый. Приходи в лес – зажарю оленя!

– Спасибо, Андрэ... Ну ступай, а то еще увидит кто.

Булыга беспечно повернулся к своему «спасителю» спиной. Староста немедленно вытащил из-под полы стрелу и уж было воткнул ее под лопатку Булыге, но тот каким-то звериным чутьем уловил опасность и успел отшатнуться, расплатившись лишь царапиной на боку.

– Ты эта... зачем эта? – Лицо Андрэ выражало только недоумение и детскую обиду. – Ты же сам отпустил!

– Зачем? – зло прошипел сквозь зубы староста, примериваясь для нового удара. – А ты зачем приперся? Сидел себе в лесу, никто тебя не трогал. Так нет же, тебе справедливости захотелось! Вот и будет тебе сейчас справедливость!

Булыга превосходил старосту и ростом, и сложением, но за исход их поединка я бы не поручился – Андрэ был растерян, обижен и явно не настроен драться. Тут со стороны дома донесся пронзительный женский крик:

– Помогите!

Андрэ вздрогнул и на мгновение отвлекся от противника, чем староста и не преминул воспользоваться: бросившись на Булыгу, ударил его плечом в грудь так, что отчетливо затрещали ребра. Оба покатались по земле, ломая кусты.

– Вор! Убийца! – не унималась жена старосты. – Сбежал! Да не стойте же вы пнями! Ловите его! Стреляйте!

– Куда стрелять-то? – рассудительно возразил Филипп. – Не видно же ни зги.

– На звук стреляйте! Слышите – вон он через сад ломится! Ну что за мужики пошли! Дай сюда лук!

Демьен между тем сумел подмять Булыгу и примерился уже воткнуть ему стрелу в шею, когда я решил, что пора вмешаться.

– Ну хватит. Поиграли, силой померились – и хорош. Пока до смертоубийства не дошло... Хватит, я сказал! – Мне пришлось все-таки привлечь к себе внимание, со всей силы вонзив когти в толстую ляжку старосты.

Демьен взревел, выронил стрелу и очумело заозирался – в сумерках-то меня непросто было рассмотреть.

– Я здесь, – терпеливо произнес я. – Опусть глаза ниже, Демьен. Видишь меня? Это я с тобой разговариваю...

– Хозяин! – радостно прокомментировал мое появление Андрэ. – Господин черт, я уж думал, вы меня бросили!

Реакция старосты была предсказуема. В обморок он, правда, не упал и даже напротив – очень резво вскочил на ноги и вломился в кустарник, подвывая от ужаса. Над нашими головами немедленно засвистели стрелы – похоже, жена старосты завладела-таки луком.

– Хозяин... эта... жизнь мне... никогда не забуду!

– Спасибо скажешь потом, – оборвал я косноязычные благодарности Булыги. – Надо нам сматываться побыстрее, а то сейчас тут вся деревня соберется. А я как-то недолюбливаю ночную охоту с факелами и собаками. Особенно когда охотятся на меня.

В человеческом теле мне было бы ни за что не отыскать кусты, в которые днем запрятал вещи – в темноте все казалось не таким, как днем. Помог кошачий нюх – я и не замечал раньше, что мои сапоги так омерзительно сильно пахнут. Рядом не менее отчетливо пахло потом, чесноком и свежей кровью. Впрочем, Демьена не нужно было искать по запаху – он шумно ворочался на земле и жалобно стонал, пытаясь вытащить торчащую из ягодицы стрелу.

– Надо же, а она неплохо стреляет вслепую! – восхитился я, разглядывая эту картину.

Демьен испуганно умолк, безуспешно стараясь слиться с окружающими кустами.

– Да ладно, не трясись так. Я не по твою душу... пока. – Мне показалось забавным слегка попугать старосту. – Но если и дальше будешь жить без стыда и совести – мы скоро встретимся.

Булыга легко вскинул на плечи мешок, и мы побежали прочь из сада.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт посетил преудивительнейшее племя горных карликов и какой неожиданностью для него это закончилось

Мы шли всю ночь, благо погода выдалась хорошая и небо было ясным. Не сказать, конечно, что в лесу было светло как днем, но по дороге вполне можно было идти, не рискуя напороться на низко свисающий сук или споткнуться о корень. Погоню за нами так и не снарядили – видать, я здорово напугал Демьена и он решил, что повторная встреча может дорого ему обойтись. К полудню мы с Булыгой вышли к месту моего болезненного расставания с Иголкой. Я осмотрелся – ошибки быть не могло, никаких других тропок в этом месте не было, значит, лошадь ускакала по той дороге, что вела в негостеприимную деревню. Но в деревню не прискакала. Конечно; полностью доверять псу не стоило. Пусть он и показался мне слишком простоватым, чтобы специально обмануть меня – ну хотя бы из желания отомстить за расцарапанный нос, но ведь он просто мог не увидеть Иголку. Не вечно же он сидит у забора и смотрит на дорогу? Хотя... он бы наверняка почуял незнакомый запах. К сожалению, собственное мое чутье сильно уступало собачьему – для меня запах лошади давно успел выветриться, и ее след я потерял еще ночью. Оставалось предположить, что где-то по пути она свернула в лес, а там – увы, надо реально смотреть на вещи – скорее всего, ее настигли волки. Потеря Иголки меня сильно расстроила. Она и раньше была мне настоящим боевым товарищем, а с тех пор, как я стал понимать ее речь, и вовсе стала другом. Что ж, нет смысла сидеть и оплакивать Иголку – этим ей не поможешь. Надо идти...

От грустных размышлений меня отвлек тяжкий вздох. Булыга, каким-то образом уловивший мое подавленное настроение, брел понурый, загребая дорожную пыль башмаками.

– Ладно, приятель, не кисни! – решил ободрить я своего неожиданно завербованного оруженосца. – Неприятности не могут длиться вечно.

– Правда, господин черт? – немедленно воспрянул духом простак. – Значит, скоро поедем? У меня уже брюхо сводит – так есть хочется!

– Ты же только недавно смолотил целых два круга колбасы! – Меня охватило возмущение, стоило вспомнить об украденной у старосты колбасе. – Даже кусочка мне не оставил!

– Разве черти едят человеческую еду? – искренне изумился Булыга. – А священник говорил, будто бы черти, ведьмы и колдуны едят жабью икру, червей, плесень и прочую гадость.

– Гм... Ну знаешь – у всех вкусы разные, – ушел я от щекотливой темы. – Но мы говорим не обо мне, а о тебе. Ты же недавно ел. И снова голодный?

– Я всегда голодный, – покаянно развел руками гигант. – С детства это у меня. Тятя меня потому и прогнал. Не сразу, правда, сначала надеялся, что у меня это пройдет. Ну и я же поначалу много не ел – маленький был. Подумаешь – горшок сметаны! Там и сметаны в том горшке-то всего ничего. Если бы я к нему ковригу хлеба не припас, так бы и голодным остался!.. Ну... вот... Когда мне десять зим исполнилось, тятя стал дверь в погреб от меня запирасть. Но мне-то что те запоры? Я же глупый был – подойду, учую, как соленья да колбасы пахнут, надавлю плечом – дверь с петель и соскочит. Пока тятя на шум прибежит, окорока-другого уже и нет. И бил он меня, и к знахарке водил, и к священнику водил – бесов изгонять – все без пользы. Побои его мне уже тогда были как быку комариные укусы, знахарка нас прогнала: пока они с тятей разговаривали, я у нее весь запас лечебных корешков и грибов съел. А священник сказал, что во всем виноваты какие-то гены и он ничего с этим поделать не может. Сказал, чтобы тятя дурью не маялся и к какому-нибудь делу меня приспособил. Видать, какие-то особенно зловредные бесы в меня вселились, с которыми даже церкви не сладить. А работа у меня никакая не ладилась. Очень уж все инструменты хлипкие какие-то – все ломается в руках. Вот только деревья хорошо у меня валить получалось, к этому делу меня тятя и приставил. Вроде неплохо начали жить – я в лесу деревья валю и в село притаскиваю, тятя их на доски распиливает и продает. Но потом приехал барон, которому принадлежали наши земли, и начал ругаться и называть нас ворами – мол, мы его лес крадем. Вот ведь жадный человек был – подумаешь, несколько деревьев у него повалили...

– Был?

– Ну-у-у... он сначала-то кричал, а потом распалился, меч выхватил и на нас коня направил, хотел нас с тятей собственноручно зарубить. Я испугался! А там как раз бревно лежало... Я очень испугался! – Булыга грустно вздохнул. – Ну потом, когда их похоронили...

– Их?

– Э-э-э... Ну с бароном несколько стражников было. Две дюжины... Но половина успела убежать!!!

– Ага... понятно...

– Ну вот... Тятя сказал: мол, хорошо, конечно, что одним кровопивцем на земле меньше стало, но другие сеньоры все равно так этого не оставят. А двенадцатилетний ребенок не сможет победить целую армию. Да и прокормить меня все труднее становилось. В общем, тятя сказал, что мне уходить надо и никому про свою силу не рассказывать... Ой! А я вот вам рассказал! Ну да ведь это не считается – вы же черт, значит, и так все знаете. Небось тот барон вам в аду про меня рассказывал?

– Угу, именно он, – хмыкнул я. – И что дальше было?

– Да в общем-то ничего, господин черт. Бродил я из села в село, пытался как-то прокормиться...

– Ну я смотрю – это тебе удалось довольно неплохо.

– Плохо, господин! Иногда – хорошо, но чаще всего – плохо. Меня охотно в батраки брали – я ведь сильный. Хозяин скажет силу показать, дык я телегу за ось приподниму или подкову в руке сломаю – меня сразу и берут. А потом, как увидят, сколько я ем, тоже сразу и выгоняют. Только прежний господин староста хорошо ко мне относился. Он один жил – жена от него ушла давно, а другую он брать не стал – видать, прежнюю любил сильно. Детей у него не было, а сам он уже старый был, ему трудно с хозяйством приходилось, вот он меня и взял к себе вроде как и батраком, и в поле работать, и дома по хозяйству помогать. Я-то к тому времени уже половчее стал, научился не всю силу в старание вкладывать, так что инструмент ломать почти перестал. Эх, хорошо у старосты жилось, кормил он меня от пуза...

– Кстати, о старосте. Что с ним на самом деле произошло?

– Не знаю я, господин черт. Честное слово – не знаю. Только лег спать, слышу, за стеной кто-то ходит и разговаривает. За стеной – это, значит, у хозяина. А я, значит, в чулане спал. Рядом с кухней – хорошо...

– Ты не отвлекайся. Что ты услышал?

– Ну что... Сначала хозяин говорил. Потом ему кто-то отвечать стал – голос такой противный, тонкий... Потом они вроде как ругаться стали. Кричать друг на друга. Они долго кричали, я аж опять засыпать стал, и тут вдруг дом загорелся. Я хотел хозяина спасти – честное слово хотел! – вышиб дверь в его комнату, но за ней сплошь огонь, даже не видно ничего. Тогда я из кухни во двор выскочил, дом обежал – думал, там, может, через сени или через окно как... А дом уже весь полыхает. Никогда не видал, чтобы так сразу пожар разгорелся. Тут народ начал сбегаться, попытались тушить – да куда там! Еле-еле соседние дома уберегли. А потом Демьен ко мне подошел и говорит, мол, тебя винят в смерти старосты. Хотят повесить. Беги, мол, пока есть возможность. Ну а я что? В селе мне повсякому делать больше нечего было, я и ушел.

– Любопытно... – Я-то было заподозрил в убийстве прежнего старосты Демьена и его жену, но голоса супругов вряд ли можно было назвать тонкими. – А ты по голосу никого не узнал?

– Не, у нас в селе таких точно нет. Это небось бергцверг какой-нибудь был.

– Кто?

– Бергцверг... ну у них город в здешних горах. Миль десять через лес.

– Мне говорили, леса дальше непроходимые.

– Дык это вам в Либерхоффе так сказали? Тю! Для этих горожан любой лес непроходимый. Да и бергцверги все одно под землей ходят – очень быстро. Где захотят, там наружу и вылезут... Странно, господин черт, что вы про них не знаете. Я думал, они вам вроде как родня.

– Э-э-э... ну когда столько родни, всех просто не упомнишь, – выкрутился я. – Значит, эти «горные карлики» в селе появлялись?

– Появлялись, еще как появлялись. У них же там под горой ничего, кроме грибов, не растет. А если одними грибами питаться – так и затоскуешь. Оно, конечно, даже грибы лучше, чем ничего. Особенно если на масле их поджарить...

– Булыга, не отвлекайся! – зарычал я, перекрывая голодное урчание в животе.

– А?

– Ты говорил, что бергцверги раньше часто в деревню приходили!

– А, ну да. Так они и сейчас приходят. Они овощи всякие скупают. На обмен золото приносят и камешки драгоценные. У нас давно порядок такой заведен – все овощи селяне сносят в погреб к старосте. Потом ночью приходят карлики, еду забирают, а на следующий день староста каждому его долю золотом отдает. Бергцверги людей не любят, а торговать как-то надо, вот такой порядок и завели, чтобы, значит, только с одним человеком дело иметь. В ту ночь они как раз должны были за новым урожаем прийти. Вот я и думаю – там бергцверг в комнате был...

– Вот оно как. Значит, все-таки народец тут благодаря огородам живет... Но зачем этим самым бергцвергам было убивать старосту?

– Я не знаю... Может, что-то не понравилось. Или платить не захотел, сколько хозяин запросил.

– Интересно, а золото и камни на пожарище потом нашли? – задумчиво пробурчал я под нос. – Иначе зачем бы Демьен тебя так спешил спроводить?

– Я не знаю, господин...

– Это был риторический вопрос, Булыга...

– Рито... что?

– Риторический... Э-э-э... забудь.

– Спасибо, господин.

Я тихо выругался. Ну а с другой стороны – что тут поделаешь? Бедолага не виноват,

что мозгов ему отмерено маловато. Да и то сказать – даже среди благородных людей, с коими сводила меня судьба, встречал я немало таких, что Булыга в сравнении с ними просто Сократ и Цицерон в одном лице.

Между тем разговор о горных карликах навел меня на одну здравую идею. О всяких волшебных существах, называемых обычно «древним народцем», мне доводилось слышать и раньше. Я, конечно, будучи воспитан отцом в прогрессивных идеях, считал эти рассказы глупыми сказками. Но ведь я и колдовство считал глупыми сказками и шарлатанством! Приходится признать – непосредственное столкновение с «глупыми сказками» здорово повлияло на мои взгляды! Если человека можно обратить в кота, то почему бы не существовать горным карликам? Если бергцверги – не просто племя низкорослых людей, а именно «древний народец», то они владеют волшебными силами. Может быть, они согласятся снять с меня заклятие?

– Так, Булыга, разворачивайся – у нас новая цель! Мы отправляемся к этим твоим бергцвергам!

– Ой-ой! – Гигант тяжело рухнул на задницу и обхватил голову руками. – Не губите, господин черт!

– Ну что еще? – недовольно проворчал я. – Тебя и там не любят?

– Не любят, – обреченно кивнул Булыга. – Бергцверги, господин черт, вообще никого не любят. Вас-то они, может, и не тронут – родственник как-никак. А мне пропадать...

– Ерунда. Я не позволю им причинить тебе вред. – Я постарался придать голосу уверенность, которой на самом деле совсем не испытывал. – Вставай и пошли! Или прямо отсюда отправимся в ад!

Встать-то Булыга встал и даже пошел, но стонов, охов и жалоб при том издавал столько, что начал я уже подумывать – так ли уж тяжело будет путешествовать в одиночку? Зарыть, допустим, меч где-нибудь в приметном месте, а мешок с мундиром и сапогами я как-нибудь уж смогу нести. Нытика же этого отпустить – пусть катится на все четыре стороны. Под эти здравые рассуждения и нескончаемый поток жалоб я незаметно задремал и проснулся, только когда разбойник вышел к опушке леса и остановился. Спрыгнув на землю, чтобы размять ноги, я на всякий случай вновь обнюхал дорогу. Да, Иголкой здесь и не пахло. Бедная моя боевая подруга! Какая нелепая смерть для лошади ландскнехта!

– Ну что же, в село нам соваться не стоит, значит, обогнем его по кромке леса.

– Я знаю тут несколько звериных тропинок, господин черт. Только пообещайте, что защитите меня от карликов!

– Обещаю, обещаю! – чуть не рассмеялся я. Надо же! Эта гора мышц, в одиночку истребившая баронский отряд, боялась каких-то карликов! – Я же сказал – не тронут они тебя! Пошли уже...

Тропки и впрямь оказались звериными – человек, особенно габаритов моего разбойника, вынужден был пробираться с большим трудом. Я трусил вслед за Булыгой, снедаемый нетерпением и тревогой.

– Ну что, далеко еще до этих чертовых карликов?! – наконец не выдержал я.

– А что тебе за дело до нас? – ответил кто-то.

– О! – обрадовался Булыга. – Кажется, мы пришли, господин...

– Это точно, громадина. Только я бы на твоём месте не радовался.

– Эй, любезнейший! – Я огляделся, принялся, но так и не обнаружил говорившего. – Вышел бы, показался. А то неудобно так разговаривать...

– Зато мне удобно держать вас на прицеле. Говорите – зачем пришли в наши земли?

– Пугните их, господин черт! – азартно прошептал Булыга. – Превратитесь в дракона. А то чё они!

– Черт? – Невидимый наш собеседник, к несчастью, прекрасно расслышал шепот разбойника. – Черт? Это кто там из вас черт? Вот этот жалкий человечиска в шкуре не менее жалкого домашнего животного? Ой, не могу – насмешил так насмешил!

– Что же вы, господин черт? Господин... – Булыга растерянно уставился на меня.

– Э-э-э... Сейчас не время, Булыга. – Еще не хватало оправдываться перед простолюдином! Я надменно уставился в глубину леса и произнес: – Капитан Густав Конрад Генрих Мария фон Котт просит аудиенции у... э-э-э... почтенного короля бергцвергов!

– Ишь фон-барон! – На невидимого нахала мои слова явно не произвели особого впечатления. – Нету у нас короля. Ни почтенного, ни малопочтенного. Начальник Участка вас примет, если доложите по форме, кто вы такие и зачем приперлись. *Может быть*, примет.

– Я... я пришел... мне нужна помощь знающего волшебника. – Я спиной чувствовал взгляд Булыги. – Меня... э-э-э... случайно превратили в это животное. Я надеялся...

– Понятно, – оборвал меня нахал. – А что за гора мяса у тебя за спиной?

– А... На него не обращайтесь внимания. Это местный селянин, согласившийся проводить меня к вам. Он уже уходит...

– Никуда он не уходит. Начальник Участка решит, что с вами обоими делать. Вы нарушили запрет, зашли к закрытую зону, видели наши секреты...

– Но мы ничего не видели! – запротестовал я, но в тот же момент земля ушла у меня из-под ног. Рядом что-то испуганно завопил Булыга. Мы катились по крутому склону в полной темноте, потом склон закончился, я больно шлепнулся боком на каменный пол и немедленно откатился в сторону. Вовремя – в следующее мгновение пол содрогнулся от падения Булыги. Вспыхнул неестественно яркий и ровный свет.

– Теперь увидели, – раздался все тот же голос совсем рядом.

Мы очутились в низком овальном помещении, как мне показалось – целиком вырубленном в камне. Одну из стен занимало загадочное приспособление, напоминающее трубу астролога и часовой механизм одновременно. В кресле перед приспособлением восседал странного вида человек. Я инстинктивно встряхнулся и встал на задние лапы, дабы незнакомец не вообразил, что я ему кланяюсь. Теперь мне стало понятно, почему человек показался мне странным: он был лишь на голову выше меня. Впрочем, недостаток роста компенсировала ширина – больше всего незнакомец напоминал вырубленный из серого камня куб. Причем скульптор не особо утруждал себя проработкой деталей, так что лицо получилось карикатурно грубым. Но маленькие глазки, поблескивавшие из-под утесоподобных надбровных дуг, явно принадлежали существу очень хитрому и ехидному. Одежда бергцверга была столь же странной, как и его внешность, – очень простого покроя камзол и штаны из грубой серой ткани были сшиты в одно целое без всяких признаков шнуровки или пуговиц, так что непонятно было, как карлик умудрился это на себя надеть. Возможно, конечно, что одежду сшили прямо на нем, но тогда как он справлял естественные надобности? Или у бергцвергов их нет? В правой руке гном держал нацеленный на нас пистолет с четырьмя стволами, а в левой сжимал курительную трубку. Эта трубка произвела на меня даже большее впечатление, чем угрожающих размеров пистолет. Табак не так давно вошел в моду благодаря голландцам и англичанам и до сих пор оставался довольно дорогим удовольствием. То ли коротышка занимал немалый пост в иерархии бергцвергов, то ли «горные карлики» и впрямь бессовестно богаты.

– Ну чего уставился? – довольно недружелюбно проворчал бергцверг. – Стой смирно, сейчас за вами придут.

Не успел я ничего ответить, как в глубине коридора раздались торопливые шаги, и вскоре нас окружило пятеро таких же кубических угрюмых карликов в серых одеждах и с такими же громадными пистолетами.

– Так, парни, ведите этих двоих в Контору. Этот, который с хвостом, из благородных. Хочет с Начальником Участка говорить. А этот здоровенный – крестьянин из нашего села, сопровождал его. Только я что-то не помню там такого мордоворота. Надо разобраться.

– Будет сделано, гражданин Коленвал! – браво отрапортовал один из бергцвергов и ткнул меня в спину пистолетом. – Двигай, негражданин.

Хотя слова карликов остались для меня не совсем понятны, нацеленное промеж лопаток дуло вполне доходчиво подсказало, что от меня требуется. Вели нас довольно долго,

невыносимо хотелось опуститься на четыре лапы, но показывать слабость перед какими-то подземными коротышками я не желал. Булыге тоже приходилось несладко – коридор, вполне широкий и высокий для бергцвергов, совершенно не был рассчитан на человека. Бедолаге Андрэ пришлось сложиться чуть ли не пополам, притом он постоянно задевал плечами стены, спотыкался и толкал сопровождающих нас конвоиров. Бергцверги, впрочем, на эти толчки, способные свалить средних размеров быка, реагировали примерно так же, как и каменные стены. То есть никак.

Наконец коридор и вместе с ним наши мучения закончились. Шедший впереди бергцверг открыл толстую металлическую дверь, и мы вошли в просторный зал. Ну... просторный для гномов, конечно. Булыга стоял, почти упираясь макушкой в потолок, сводя одним этим на нет все великолепие зала. А зал был действительно великолепен – пол из затейливо подобранных мраморных плиток разного цвета, немыслимо гладких и уложенных так плотно, что казался единым целым. Это огромное каменное зеркало отражало в себе блеск самоцветов, покрывавших стены зала сплошным ковром. Своды потолка, подсвеченные спрятанными светильниками, восхищали искусными мозаичными картинами, несколько однообразными, впрочем, на мой взгляд – на всех изображены были бергцверги, выполнявшие какие-то действия с разнообразными незнакомыми мне механизмами. То есть я не хочу сказать, что хорошо разбираюсь в механике, если не считать осадных и оборонительных механизмов. Но то, что было изображено на мозаиках, не походило ни на что из мира людей. О том, что это именно механизмы, я догадался исключительно по тому, что в некоторых из них наличествовали шестеренки. Из-за одинаковой одежды и практически одинаковой внешности все изображенные карлики казались копиями друг друга, и мне пришло в голову, что неплохо было бы на месте художника приписать рядом с каждым кто есть кто. А заодно – что происходит на картине, на случай, если в зал забредет чужой человек... Впрочем, судя по приему, чужаков здесь не жаловали.

Между тем один из конвоиров куда-то ушел, вернулся через пару минут и важно заявил:

– Начальник Участка примет вас. Следуйте за мной.

Чувствуя, как под шерстью бегают мурашки, я заковылял вслед за карликом. Мы прошли в примыкающую к залу комнату, тоже довольно просторную... до того момента, как внутрь протиснулся Булыга. Сидевший за массивным столом карлик даже отодвинулся, чтобы видеть его целиком.

– Вы... э-э-э... это что такое? – неожиданным дискантом спросил карлик нашего сопровождающего.

– Это к Начальнику Участка, гражданка Шестерня, – просипел придавленный к стене карлик. Тут я сообразил, что у сидящего за столом бергцверга нет бороды, зато присутствуют два выдающихся полушария под серой тканью. Надо же, значит, у гномов все как у людей... В связи с этим открытием вопрос со странной одеждой вновь завладел моим воображением. – Гражданин Коленвал должен был прислать депешу.

– Проходите, гражданин Маузер. – К гномихе вернулась ее невозмутимость. – И эти неграждане пусть проходят, их ждут.

За следующей дверью оказался зал, лишь немногим меньше того, который мы только что миновали, но гораздо менее роскошный. Никаких украшений, сплошной строгий серый камень на полу и стенах. Лишь красная ковровая дорожка от самой двери и до письменного стола в глубине нарушала эту скромную серость. Стол также демонстрировал собою образец утилитарности – просто куб из однотонного мрамора. За столом восседал карлик с неожиданно коротко остриженными седыми волосами и небольшой бородкой. Он без особого интереса взглянул на нас и, кивнув, продолжил что-то быстро писать, непонятно бормоча под нос:

– Согласно параграфу девять статьи сто восемь подраздела девять бис... Имя, фамилия, происхождение, род занятий?... следует незамедлительно составить... Что молчите? Я вас спрашиваю!.. отчет по проведенным мероприятиям... Ну?!

– Назовитесь же, – прошептал вошедший с нами карлик. – Вы нерационально тратите время Начальника Участка.

– Так это он нам? Гм. – Я собрался с мыслями и как можно значительнее произнес: – Капитан Густав Конрад Генрих Мария фон Котт к вашим услугам. Я...

– Несущественно. Значит, человек... – поднял глаза от своих бумажек бергцверг. – Офицер. Судя по имени – из дворян. А этот молодой человек? Я давно не видел людей, но, если память мне не изменяет, раньше они были мельче.

– А? – в своеобразной манере отреагировал Булыга.

– Это Андрэ, крестьянин из соседнего села. Он просто сопровождает меня...

– Понятно. – Гном уже потерял к нам интерес и опять уткнулся в бумаги. – По пункту первому означенного циркуляра... Что вы стоите? Я вас уже внес в реестр. Можете идти.

– Куда идти?

– Как куда? Куда шли, туда и идите. – Начальник Участка сердито уставился на нашего конвоира. – Гражданин Маузер, почему посторонние до сих пор в моем кабинете?

– Пойдите! – Я попытался оттолкнуть конвоира – все равно, что толкать скалу. – Вы нас даже не выслушали!

– Негражданин, что вы себе позволяете? – возмущенно фыркнул Начальник Участка. – Здесь вам не тут! Здесь граждане работают! Ваши заявления будут рассмотрены в установленном порядке. Покиньте помещение.

Видимо, слова карлика были каким-то особым заклинанием, потому что меня охватила непривычная апатия и я послушно проследовал за нашим конвоиром. На выходе гнома выдали нам с Булыгой по какой-то бумажке с цифрами, после чего мы вновь оказались в роскошном зале.

– Не поведу я вас к остальным. – Наш конвоир выудил из кармана трубку, неспешно набил табаком, со вкусом затянулся. – Куда вас там? И сами задохнетесь, и граждан передадите. Здесь будем ждать.

– Чего ждать-то? – Меня так и подмывало выгнуть спину и зашипеть. – Он даже не стал меня слушать!

– А зачем? – невозмутимо пожал плечами бергцверг. – Вот что ты хотел ему сказать? Что хочешь вернуть человеческий облик? Да? Ну так он это и так знает. Даже я это знаю. Или Булыга что-то хотел ему сказать?

– А?

– Вот видишь. Он вас в реестр внес, заявки ваши рассмотрят... ну-ка дай на твою карту глянуть... так, у тебя номер сто двадцать шестой, у твоего спутника – сто двадцать пятый. Вот видишь, перед тобой сто двадцать шесть заявок, это хорошо – обычно бывает больше. К концу дня наверняка ваши дела рассмотрят и примут решение.

– Безумие какое-то... – проворчал я, несколько успокоенный уверенным тоном собеседника.

– Нормальный рабочий процесс, – пыхнул ароматным дымом бергцверг. – Представляешь, что было бы, выслушивай Начальник Участка каждого, кто приходит с заявкой?

– А что было бы?

– Эффективность производства упала бы! – значительно поднял палец карлик. – Вам, людям, этого не понять еще лет двести...

Я воспользовался советом нашего каноника: «Хочешь, чтобы о тебе шла слава как о человеке многомудром, – больше молчи». Не знаю, что имел в виду бергцверг, когда говорил об эффективности, но ожидание наше затянулось едва ли не до самой ночи. Правда, здесь – под землей – ночь никак не отразилась на поведении бергцвергов. Коротышки продолжали деловито сновать туда-сюда, груженные какими-то инструментами и кипами бумаг. Возможно, впрочем, что эти существа и не нуждаются в сне, я же успел несколько раз задремать и проснуться под нескончаемую болтовню нашего конвоира. Булыга тоже весь измаялся, но по другой причине – здоровяка все сильнее мучил голод. Да и я был бы не

прочь чего-нибудь перекусить.

– Послушай, уважаемый! – прервал я очередную непонятную сентенцию нашего сопровождающего. – А нет ли у вас здесь какого трактира или кабака?

– Трактира? Кабака? – Гном вытаращился на нас, словно я спросил про дом с непотребными девками, а он как минимум папа римский.

– Ну хоть самого захудалого трактира? – не терял я надежду. – Нас вполне устроит.

Булыга оживился и закивал, всем своим видом демонстрируя, как его устроит даже самый захудалый трактир. Даже просто лоток с горячей требухой – тоже вполне устроит. Однако по маловыразительному лицу бергцверга отчетливо читалось, что надежды наши напрасны.

– Понятно. Вы что же, не только не спите, но и не едите?

– Почему это? Едим. У нас в каждом секторе есть высокотехнологичные общественные едальни. Но там питаются только работники данного сектора. А вы ни к какому сектору не приписаны.

– Э-э-э... а можно нас как-то приписать? Ты не беспокойся, деньги у меня есть, – вспомнил я о паре золотых, которые так и не успел потратить.

– Как это – приписать? – изумился бергцверг. – Совершенно невозможно! Когда бергцверг рождается, он автоматически приписывается к тому сектору, в котором родился. Там он работает, там он и питается. И живет там же.

– А... а если он захочет жить в другом месте?

– Как это?

– Ладно, забудь. Так что же нам делать? Мой оруженосец сейчас потеряет сознание от голода. Думаю, это будет серьезным нарушением порядка.

– Сознание? – Бергцверг взглянул на Булыгу, который немедленно закатил глаза и начал пошатываться. – Чтоб меня обвалом накрыло! Эй! Подожди... Тут не положено сознание терять! Не вздумай! Меня же отправят щебенку выгребать! Сидите здесь, я сейчас что-нибудь придумаю!

– Молодчина! – подмигнул я враз «пришедшему в себя» Булыге.

Примерно через полчаса Маузер вернулся с подносом, уставленным мисками. Судя по запаху, это были всего лишь вареные овощи – даже без мясной подливы. Но я так проголодался, что готов был грызть сырой лук. О Булыге и говорить нечего – он опустошал миски с завораживающей скоростью. К счастью, еды было много – то ли бергцверг учел размеры Булыги, то ли гномы и сами далеко не дураки поесть.

– Пришлось обмануть дежурного по пищеблоку, – грустно вздохнул гном. – Сказать, что беру для себя...

– Это серьезное нарушение? – спросил Булыга, отрываясь от вареной репы. – Тебя накажут?

– Да... то есть нет... То есть это нарушение порядка, конечно, но меня не накажут, потому что иначе было бы еще более серьезное нарушение порядка.

– Так чего ты страдаешь? – удивился я, отодвигая миску. Невероятно, насколько быстро утоляют голод вареные без соли и мяса овощи.

– Вам не понять этого, вы же люди. Есть установленный порядок, благодаря которому многие поколения гномов живут спокойно и счастливо. Каждый с рождения знает свое место в этом порядке, свои обязанности и права. Мы следуем порядку, и потому у нас не бывает конфликтов, несчастий и всяких катастроф, коими изобилует жизнь людей. А я этот порядок нарушил...

– Но ведь случай был такой, которого не предугадаешь.

– Вот именно! – еще больше расстроился гном. – С вами, с людьми, никогда заранее ничего не угадаешь. А потому – вечно какие-то проблемы и нарушение порядка.

– Не расстраивайся. Сейчас ваш Начальник Участка наши просьбы рассмотрит, мы уйдем и нарушать порядок больше не будем.

– Это точно... – Тут крошечные глазки гнома изумленно округлились, а трубка выпала

из руки. – Что за...!

Я обернулся. От дверей к нам торопливо семенил сам Начальник Участка, за которым едва поспевала мадам Шестерня. Судя по их виду, случилось какое-то совсем уж вопиющее нарушение порядка, и виной тому были мы. Булыга, видимо придя к тому же выводу, стремительно доел все, что оставалось в мисках, облизал их и застыл с покорным выражением на лице.

– Ужасно! – завопил Начальник Участка, подбегая почему-то именно к разбойнику. – Это, неграждане, уже какой-то саботаж!

– А?

– Если вы насчет еды беспокоитесь, то зря. Я готов заплатить, хотя, если по чести признать... – попытался я внести ясность, но меня никто не слушал.

– Ужас! Катастрофа!

– ...повара вашего надо гнать.

– Разрушение! Гибель!

– Гражданин Штуцер, вам нельзя волноваться! На вас ответственность за Порядок!

– Это наша гибель!

– Совершенно с вами согласен! Вареная репа с вареной капустой – натуральная гибель для желудка...

– А?

– Особенно в закрытом помещении, – закончил все-таки я.

Начальник Участка перевел взгляд на меня и стал какого-то странного цвета. Приглядевшись, я сообразил, что это он так краснеет. Точь-в-точь командор д'Брэ – тот тоже, бывало, когда пребывал в гневе, так же краснел, только у покойного д'Брэ морда от природы была белая, а у Начальника Участка – серая...

– Плевать на еду! – взвизгнул неожиданным тенором бергцверг, потом вдруг сразу обмяк и уселся на пол, обхватив голову. – Кого вы с собой притащили, капитан? Вы гибель нашей системы притащили!

– А?

– Э-э-э... – для разнообразия поддержал я оруженосца. – Булыга? Гибель системы?

«Гибель системы» тарачил глаза на гнома и всем своим видом демонстрировал полнейшую безобидность.

– А вы не ошибаетесь? Нет, я, по правде говоря, знаю этого юношу всего пару дней, но он совсем не производит впечатление опасного... То есть производит, конечно, но только внешне. По сути же он кроток, аки голубь. Ну или агнец. В крайнем случае – теленок... К тому же хочу заметить – проблема решается совершенно просто – вы расколдовываете меня, и я уйду. И гибель уходит вместе со мной...

– Капитан... замолчите, – устало проворчал бергцверг. – У меня и так голова болит. Ваша просьба уже рассмотрена и по ней дан отрицательный ответ. Основное правило наших взаимоотношений с людьми – не вмешиваться в ваши конфликты. Это позволяет нам сохранять мир уже много сотен лет.

– Да о чем вы?! Кто с вами воевать будет, если вы мне поможете? Фокусник-шарлатан и его подружка?

– Дело в принципе. Один раз нарушишь правило в мелочи, потом в чем-то большем, а потом правило перестанет быть правилом.

– По-моему, это бред. Среди моих предков был один доблестный рыцарь с такими же фанабериями в голове. Отправляясь в крестовый поход – не помню уже, в какой по счету, он таскался в Святую землю каждый раз, стоило кому-то кинуть клич, – дал обет не произносить ни слова до конца похода. И тупо держался этого обета несколько месяцев. А потом как-то ночью вышел из лагеря по нужде – на звезды полюбоваться или там еще что сделать. Полюбовался он, значит, на звезды, возвращается назад и в темноте натывается на караульного. Тот кричит, как положено: «Стой, назовись или буду стрелять!», а предок мой молчит – обет же! Ну и получил стрелу в плечо. Но он и тут помнил про обет и молча

продолжал идти вперед. Караульный, видя такое дело, пускает в него еще одну стрелу и попадает в бедро. Мой богобоязненный предок продолжает молча хромать вперед, надеясь, что успеет добраться до караульного и быть узанным, прежде чем его окончательно изрешетят. Караульный, видя, что утыканный стрелами человек молчит и направляется к нему, вообразил, что на него нападает восставший из могилы мертвец.

К чести его надо сказать – пост он не покинул, хотя мне кажется – просто от страха не смог, зато воплями своими перебудил весь лагерь. Когда же славный рыцарь подобрался совсем близко, караульный, вопреки надеждам моего предка, вовсе не стал разглядывать молчаливого пришельца, а от души приложил его палицей. Бедный мой предок, и без того уже дважды раненный, упал, но продолжал мужественно молчать, даже когда прискакавшие на вопли караульного рыцари несколько раз случайно проехали по нему в темноте.

В конце концов его обнаружили и, к счастью, узнали. В общем, когда его несли в лазарет, то в дополнение ко всем несчастьям уронили. Тут-то он все, что думает о боевых товарищах, о караульном, о стрелах, о Боге и Богоматери, и высказал. Получается, и обет нарушил, и дырки в плече и ноге получил, в лоб палицей схлопотал, кони его копытами истоптали, да еще и священник, который его услышал, наложил строжайшую епитимью за богохульство. Ну и кто он после этого? – Тут я заметил, что гном как-то нехорошо смотрит на меня, и решил, что пора сменить тему. – А, кстати! Что за погибель несет мой оруженосец вашей системе? По мне – он совершенно безобиден... когда сыт, во всяком случае.

– Уф... Он – корень из минус единицы.

– Гм... Вот в арифметике я никогда не был силен. Поясните по-человечески.

– Это трудно объяснить по-человечески, – вздохнул Начальник Участка. – Поймите, основой основ нашего существования является порядок.

– Это нам уже объяснили. Порядок есть порядок.

– Вы не понимаете. Это не просто порядок, а Порядок. – Гном сумел голосом выделить большую букву, с которой он произнес это слово. – Его недопустимо нарушать, иначе катастрофа. Рано или поздно. Этот юноша несколько лет назад был батраком у старосты деревни, с которой мы имеем торговые контакты. Так вышло, что староста нарушил договор, существовавший между нами, и поставил наше поселение под угрозу.

– А что произошло-то? – заинтересовался я. – В селе никто толком ничего не знает.

– Согласно уговору, мы поддерживали отношения с одним человеком – старостой деревни. Это условие мы ввели специально, чтобы свести контакты с людьми, а значит, риск непредвиденных ситуаций к минимуму. Даже дни, когда наш посланец забирал припасы и отдавал плату, были тайной. К сожалению, староста каким-то образом раскрыл эту тайну другому человеку – Демьену Решти. А может быть, тот и сам пронюхал и явился в дом старосты, когда наш посланец как раз передавал оговоренную ранее плату. Демьен нагло потребовал увеличить сумму почти вдвое. Староста попытался его урезонить, но Решти заявил, что старик слишком глуп и не может как следует позаботиться об интересах односельчан. Разыгралась безобразная сцена... увы, наш посланец оказался несдержан и допустил ошибку. В результате случилось несчастье – староста погиб, дом его сгорел. Вот вам яркий пример того, как одно мелкое нарушение порядка тянет за собой целую лавину проблем. Мы не успели вывезти собранные продукты, а драгоценности, собранные в уплату, наш посланец потерял во время пожара – он сам сильно обгорел и чудом остался жив. Мы потеряли надежного и нелюбопытного партнера в лице старосты и получили взамен наглеца Решти, который постоянно нарушает обязательства и взвинчивает цены. К тому же Демьен обвинил в гибели старосты его батрака – Андрэ. Который сейчас сидит здесь!

– Я что-то плохо понимаю... Вы же по-прежнему ведете дела с деревней. С тем самым Демьеном, который вас обманул!

– Да. Это и есть одно из последствий. Мы не должны нарушать порядок и иметь дело с ненадежным человеком. Но нам нужны овощи и фрукты! Когда эта проблема встала перед нами, я принял решение – конфликт был между двумя людьми, а мы не вмешиваемся в человеческие конфликты. Значит, мы можем иметь дело с человеком Демьеном Решти.

– Не сказал бы, что формулировка идеально честная...

– Я знаю! – вспыхнул гном. – Знаю... Это было второе нарушение Порядка, уже более существенное. Но я надеялся, что все последствия останутся на поверхности. Но вот явились вы – вместе с Андрэ. Согласно Порядку я должен решить его проблему, ведь его обвинили в убийстве, которого он не совершал, по нашей вине. Но я не могу этого сделать, потому что тогда я вмешаюсь в конфликт между людьми. И, кроме того, я рискую лишит наше поселение одного из основных источников пищи. И получается, что бы я ни решил, это будет очередное нарушение Порядка, еще более глубокое.

– Да-а-а, кажется, начинаю понимать, – хмыкнул я. – Но не могу сказать, что сочувствую.

– Сочувствуете? Да я же вижу – вы злорадствуете! Впрочем, что еще ждать от потомка обезьян?

– Я своих предков знаю до самого Зигфрида, так что не надо мне тут про обезьян! – оскорбился я. – А вы что, ждали, что я вам буду сочувствовать? Из-за вашего Порядка я, между прочим, не могу вернуть себе человеческий облик! Так что – поделом! Впрочем, если хотите, могу подсказать выход.

Бергцверги с надеждой уставились на меня.

– Выход очень простой. Попросите Андрэ отказаться от претензий к бергцвергам.

– Как это? – изумился Начальник Участка. – Он же...

– Он согласится. – Я повернулся к Булыге. – Андрэ, у тебя есть претензии к бергцвергам?

– А? Это... А что это за пер... пертензии? У меня ничего такого нету – я в прошлом месяце мылся!

– Андрэ, слушай внимательно и попробуй понять, о чем идет речь. – Я подошел вплотную к разбойнику и тихо сказал: – Это из-за бергцвергов погиб старик. Понимаешь? Ну вот... Ты можешь потребовать, чтобы они подтвердили перед твоими односельчанами, что ты не виноват. Не понимаю почему, но они считают, что обязаны это сделать. Ну закон у них такой. Но они очень не хотят этого делать. Ты хочешь отсюда выбраться?

– А то! Тесно мне здесь...

– У нас есть два варианта – либо ты не станешь требовать оправдать тебя и мы уйдем сегодня же, либо потребуешь, и они будут долго решать что делать.

– Они не станут меня защищать, – с неожиданной проницательностью заявил Булыга. – И в село я не хочу возвращаться – что мне там? Старосты больше нет, а другие меня в батраки не возьмут – там все меня знают. Я пойду с вами, господин...

– Ну и отлично. – Я обернулся к гномам. – Он отказывается от претензий.

– Навсегда?

– Навсегда.

– Сейчас, сейчас... – Начальник Участка что-то быстро накорябал на листе пергамента. – Пусть подпишет здесь...

– Андрэ, поставь здесь крестик... Хорошо. Теперь мы можем уйти?

– Конечно. Но... вы меня удивили, капитан.

– Думали, я стану вас шантажировать?

– Признаться...

– Признаться, была у меня такая мысль, – кисло усмехнулся я. – Не знаю, почему я решил этого не делать.

– Спасибо, капитан. Знаете, я не могу нарушать Порядок и вмешиваться в конфликты между людьми. Но я могу подсказать вам, что в секторе два проживает один старый специалист по человеческой магии. Вот гражданин Маузер прекрасно знает его. И если вы случайно будете проходить мимо, он ведь не сможет помешать вам навестить почтенного бергцверга – просто с целью проконсультироваться. А во время консультации чего только не случается, заклятия – такая ненадежная материя...

– Да, я думаю, нам стоит посетить этого почтенного чело... бергцверга. Спасибо,

гражданин Штуцер. Прощайте!

– Прощайте, удачи!

Мы довольно долго блуждали по переходам и пещерам, пока наконец Маузер, руководствуясь одному ему известными признаками, не остановился перед дверью, ничем не отличавшейся от нескольких сотен других, мимо которых мы прошли, и забарабанил в нее изо всех сил.

– Гражданин Эйсмарх! Гражданин Эйсмарх, вы дома?.. Дядюшка Эйс, к вам гости! Откройте, я ведь знаю – вы дома!

– И вовсе незачем кричать об этом на весь сектор, – донеслось раздраженное ворчание из-за приоткрывшейся двери. – Я, хоть ты, конечно, вправе не поверить старому Эйсмарху, делом тут занимаюсь. Если бы я хотел пригласить к себе всех бездельников с округи, я сам бы вышел и покричал: «Эй, старый Эйсмарх дома, заходите к нему на кружечку!» И обошелся бы, прошу заметить, без помощи всяких малолетних оболтусов...

– Проходите, не бойтесь, – усмехнулся в седеющую бороду «малолетний оболтус». – Дядя Эйсмарх немного странный старикан, но это потому, что он еще застал времена, когда мы жили на поверхности. Если вам кто и сможет помочь, то только он.

– Что вы там застряли? Заходите уже!.. Это что за помесь тролля и медведя? Боги подгорные, да это же люди! Кого ты ко мне привел, Маузер?!

Трудно сказать, что именно этот бергцверг был странным – по мне, так все бергцверги были весьма странными существами. Но гражданин Эйсмарх был странным даже для бергцверга. На самом деле, когда мы вошли в довольно большую комнату, загроможденную книжными шкафами, какими-то загадочными механизмами и столами, уставленными алхимическими посудинами, я даже не сразу обнаружил самого хозяина комнаты. И вовсе не потому, что он был небольшого роста. Как раз наоборот, он превосходил того же Маузера ростом головы на две. Правда, при этом оказался невероятно тощ и согбен в три погибели. Из-за этого, да еще и из-за белого цвета одежды я сначала принял его за некий причудливый механизм. Сходство усиливалось огромными очками сложной конструкции, сквозь которые на нас неподвижно взирали печальные глаза мудрого старого филина. Когда старик вновь заговорил, я даже вздрогнул от неожиданности.

– А-а-а... любопытно, любопытно! Что мы тут имеем? – Он бесцеремонно схватил меня за шкурку и поднял перед своим лицом. – Какая интересная трансформирующая формула!

– ...в твою... душу... бога... Отпусти меня немедленно, старый пень! – со всей возможной в такой ситуации учтивостью попросил я ученого бергцверга. Однако моя просьба была полностью проигнорирована. Чертов старик крутил меня перед глазами как... как нашкодившего кота!

– Не дергайся! Так... так... очень хорошо!

– Что хорошего, ты, засушенная ящерица?! Поставь меня немедленно на пол!

Тщетно. Тонкие как палки руки оказались удивительно сильными. Старик с унизительной легкостью разложил меня на столе, небрежно сдвинув в сторону склянки с таинственными препаратами, и занес надо мною какую-то трубу, зловеще расширяющуюся на конце.

– Прощай, Булыга! – простонал я, встретившись с испуганным взглядом Андрэ, и покорно закрыл глаза.

Описывать все, что проделал со мною гражданин Эйсмарх, мне не позволяют природная стыдливость и многочисленные провалы в памяти. Очнувшись в последний раз, я сообразил, что лапы мои свободны, и хотел наброситься на мерзавца, но сил моих хватило лишь на то, чтобы наблевать ему на одежду.

– Коновал! Палач! – прохрипел я, пытаюсь сползти со стола. – Тебе в инквизиции цены бы не было...

– О, инквизиция! Таки я вам скажу – это был замечательный период моей жизни! Как меня ценили! Если будете в Праге, найдите... а, впрочем, они все уже умерли. Век людской

так короток. Но если бы они не умерли, то охотно подтвердили бы, как ценили старика Эйсмарха! Увы, никакого развития, никакой перспективы – специфика работы. Пришлось расстаться с ними ради чистой науки.

– Почему я не удивлен? – Голова наконец перестала кружиться и я начал немного соображать. – Судя по моему виду, у тебя ничего не вышло?

– Отрицательный результат в науке тоже считается результатом.

– Ах ты, старый сморщенный гнилой гриб! Ты чуть меня не убил и все ради чего?! Отпусти меня, Андрэ, я ему морду расцарапаю!

– Молодой человек, держите котика крепче! Или я за себя не ручаюсь!

– Неграждане, неграждане, прошу вас, не усугубляйте!

– Я убью тебя, клистирная трубка!

– Господин, может, не надо? Вы еще слишком слабы...

Увы, это была истинная правда! Вспышка гнева отняла остатки сил, и я беспомощно обвис в руках оруженосца.

– Вынеси меня отсюда, Андрэ! Я не могу видеть эти морды...

– Вот она – современная молодежь! – развел руками Эйсмарх. – Для них стараешься, а вместо благодарности...

– За что я тебе благодарен должен быть? За то, что ты меня чуть не до смерти умучил?

– Но ведь ты жив? И все органы у тебя в целости и на своем месте.

– И я все еще кот. И весь прок от визита к «лучшему специалисту» – несколько мучительных часов, и все осталось как прежде.

– Каких часов? Я тебя обследовал всего четверть часа.

– Ага, – подтвердил Булыга в ответ на мой вопросительный взгляд. – Быстро он вас, господин...

– Что же касается результата, то, прошу заметить, за столь короткое время я полностью разобрался в структуре наложенного на тебя заклятия. Увы, я не могу его снять. И никто не сможет, кроме человека, его наложившего. Так что один полезный совет я-таки могу дать – не трать время на поиск других магов, ищи именно того, кто наложил заклятие. И на твоём месте я бы поспешил.

– Это еще почему?

– Потому что заклятие еще не вошло в полную силу. Это произойдет в ночь накануне Дня всех святых.

– И тогда... – Я уже, в общем, догадался, что услышу.

– И тогда его уже никто не снимет, – равнодушно закончил старик. – А теперь уберите. Я и так потратил на вас слишком много времени!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт повстречал хозяина бродячего цирка и какой неожиданностью закончился обычный обед

– Вы, господин, сразу видно – грамотный очень. Наверное, у вас учитель был собственный? Или вы к священнику ходили учиться?

– Да с чего ты взял? – Я прервался, пораженный как многословием, так и неочевидностью умозаключения оруженосца.

– Ну мы уже четыре мили идем, а вы еще ни разу не повторились, – с завистливым восхищением пояснил Андрэ. – Я большую часть таких слов и не слышал раньше!

– Иезус Мария! Какой неожиданный вывод... Нет, Булыга, на учителя у нашей семьи никогда не было средств, а к священнику я ходил очень недолгое время, научился немного читать и считать – вот и все. Книжная грамотность благородному человеку ни к чему – вот что я тебе скажу. Всему полезному я научился потом, как-то само собой из жизни. Что касалось ругательств – это я за время службы нахватался. Умение по большому счету

бесполезное, но иногда помогает облегчить душу – вот как сейчас.

– Да вы не расстраивайтесь, господин! Найдем мы вашего колдуна. А не найдем, так котом тоже неплохо. Я вот иногда думал – хорошо котам. Спишь себе весь день, ночью пару мышей придавишь – чтобы утром хозяйке предъявить и свое блюдечко сметаны заработать. И опять спишь весь день. Хорошо!

– Булыга, замолчи!

– Нет, правда, господин! Вот куда хуже быть собакой, или лошадью, или там какой другой скотиной...

– Булыга!

– Молчу, молчу!

Мы давно миновали развилку и теперь приближались к второй деревне – «Большим Куроцапам», как извещала надпись на почерневшей доске дорожного указателя. Как пояснил Андрэ, деревня, в которой мы недавно побывали, называлась Малые Куроцапы, но указателя не удостоилась – никому их деревушка не нужна была, да и сами селяне особым гостеприимством не отличались, боялись, что про их торговлю с бергцвергами узнают в других селах. А вот Большие Куроцапы, напротив, вели оживленную торговлю и с Либерхоффе, и с другими городами и селами, имели собственный постоялый двор, ратушу, рыночную площадь и претендовали вскорости стать полноценным городом.

Претензии эти становились очевидны при первом же взгляде на настоящий ров, окружающий село, и очень основательный забор из заостренных поверху кольев. Была ли в таковых средствах реальная необходимость или жители разорились на них из чистого пафоса, но Большие Куроцапы от вражеского нападения защищены были даже лучше того же Либерхоффе. Ворота – ввиду дневного времени – были открыты. У ворот на перилах моста сидел мальчишка в весьма приличной даже по городским меркам одежде и грыз семечки. При виде Андрэ он оживился, соскочил со своего наместа и, заложив руки за спину, обошел гиганта, демонстративно разглядывая его с ног до головы. Булыга от такого внимания к собственной персоне мгновенно растерялся и уставился на маленького нахала разинув рот.

– Ну и битюг! – Завершив осмотр, мальчишка вновь забрался на перила и вернулся к прерванному занятию. – Я тебя раньше здесь не видел.

– Раньше я здесь и не бывал, – невозмутимо ответил Булыга. – Ты местный?

– А тебе что за дело?

– Да так... Может, видел – не появлялись ли в городе бродячие циркачи?

– А что ты мне дашь, если я скажу?

– Могу в ухо дать. Больше у меня ничего нет, – честно признался Булыга.

– Не, в ухо – это ты себе дай, – отказался от щедрого предложения мальчишка. – Может, мозги на место встанут. Ты мне кота лучше отдай.

– Да на что он тебе?

– Найду на что. Вон какой вымахал – на зиму шубу себе сошью. А мясо съем.

– Да он первый тебя съест, замухрышка. Не хочешь говорить – сам узнаю.

– Да ладно, что мне, жалко? Есть тут циркачи. Уже два представления дали – ух, закачаешься! Сегодня – последнее, так что вечером обязательно на рыночную площадь приходи. Пропустишь – потом жалеть будешь.

– Пошли, хватит болтать! – прошипел я на ухо Булыге. – Тоже нашел собеседника.

– Эй... – Мальчишка с трудом удержался на перилах. – Чего это было?

– Чего? – наивно округлил глаза оруженосец. – Ты о чем?

– Это... Мне показалось...

– Тебе показалось, – отрезал Булыга и шагнул в ворота.

Стражу тут пока выставить для сбора податей не осмелились, но, судя по будке смотрителя, к тому шло. Да, богато живут Большие Куроцапы, и управляют ими, видать, люди деловые и с амбициями. Правда, в Малых-то Куроцапах все дома были как на подбор – гномы платили щедро. Здесь же окраину заселяла явная беднота – покосившиеся заборы,

почерневшие от времени и непогоды стены домов – кое-где дым идет из дыр в крыше: топят по-черному. Народец одет бедно и грязно, да и сам вид имеет мрачный и изможденный.

– Топай к постоялому двору, – скомандовал я озирающемуся по сторонам Булыге. – Ждать вечернего представления я не могу. Вдруг они опять ускользнут?

– Вот! Я опять это слышал! – завопил мальчишка. – У тебя кот разговаривает!

– Ты рехнулся. Не сиди столько на солнце.

Булыга двинулся в сторону центральной площади, а я свернулся на вешмешке, делая вид, что сплю. Мальчишка было увязался за нами, подозрительно сверля меня взглядом, но потом куда-то пропал. Оглядевшись, я снова стал инструктировать шепотом оруженосца.

– Они должны быть на постоялом дворе – куда им еще деваться? Я сначала решил, что они убегают от меня, но, похоже, ошибся. Или девица не рассказала своему спутнику, что натворила, или они не считают меня серьезной угрозой. Видимо, они так и планировали – отправиться по деревням со своими выступлениями. Логично – здесь публика не такая избалованная, как в городах, к криворукому фокуснику отнесутся снисходительно. Но днем по селу они бродить не станут – на что тут смотреть? Достопримечательностей: ратуша да рыночная площадь. Значит, есть хороший шанс застать их в своей комнате. Потому сделаем так – заходишь, спрашиваешь, в какой комнате поселились циркачи, и заказываешь что-нибудь поесть. Забалтываешь хозяина, а я тем временем проберусь незаметно в их комнату.

– А... это... чем мне его забалтывать?

– Да чем хочешь. Спроси про цены на урожай, про местные сплетни – да про что угодно. Это же трактирщик – они все обожают языком трепать!

– Господин! Я не справлюсь! Я не умею этого всего. Давайте лучше наоборот – вы его будете забалтывать, а я пойду к циркачам?

– Иезус Мария! – Я досчитал про себя до десяти и тяжело вздохнул. – Знаешь, Булыга, я было начал подозревать, что ты умнее, чем притворяешься...

– Спасибо, господин! – расцвел гигант.

– Не за что. Потому что я только что убедился – мои подозрения напрасны. Ты и впрямь идиот! Как ты представляешь себе мой разговор с трактирщиком? Меня уже один раз хотели сжечь за такую попытку!

– А... О, а мне и в голову не пришло!

– Ладно, продолжаю. Значит, ты отвлекаешь хозяина, а я поднимаюсь в комнату циркачей и заставляю фокусника или девку – чую, она всем заправляет – расколдовать меня.

– Господин... а можно вопрос?

– Ну что еще?

– А как вы их будете заставлять?

– То есть?

– Ну... вы же кот. Нет, вы, конечно, очень большой кот и когда разговариваете – по первости можно в штаны наложить от страха. Но, по-моему, *они* вас не испугаются.

– Черт... Похоже, я от тебя заразился. – Я задумался. До этого момента главной целью для меня было найти фокусника и ведьму. Дело, наверное, в том, что я так и не привык осознавать себя котом. В прошлой жизни заставить что-то сделать другого человека для меня не составляло особого труда – иначе не был бы я капитаном. Тут ведь главное даже не сила мышц или громовой голос, а уверенность, что тебя обязательно послушаются. Но недавняя встреча с бергцвергом Эйсмархом изрядно поколебала мою самоуверенность. Действительно, что помешает фокуснику просто взять и вышвырнуть меня за дверь хорошим пинком? Или вообще свернуть шею?

– Булыга, меняем диспозицию. Ты скажешь хозяину постоялого двора, что тебе надо поговорить с циркачами по делу. Например, хочешь наняться к ним силачом – рвать цепи, гнуть подковы, ну и чем там еще силачи занимаются?... Это будет правдоподобно. Мы войдем к ним вместе, ты возьмешь чернокнижника за глотку и пообещаешь придушить, если девка меня не расколдует. Или даже лучше девку хватай. А то вдруг она своего спутника не так уж и ценит?

– Господин... – Булыга встал как вкопанный. – Я... я не справлюсь.
– Ну что такое опять? Почему?
– Я не могу. Не могу других людей... это... Ну бить не могу.
– Почему?
– Мне их жалко!
– Иезус Мария! А кто мне недавно рассказывал, как целый отряд во главе с бароном на тот свет отправил?
– Так то барон...
– Замечательная логика! А как же ты разбойником-то был?
– Ну... я такой разбойник... ну... это...
– Да телись же ты!

И Булыга – мыкая и мекая, с трудом подбирая слова – рассказал, как он разбойничал все эти годы. А разбойничал он, как выяснилось, очень оригинальным, я бы даже сказал, новаторским образом. Увидев на дороге путников или телегу с товаром, он выскакивал из леса с грозным ревом, вращая над головой дубину. При его устрашающих габаритах и величине его дубины зрелище это производило на путников впечатление крайне деморализующее. Обычно демонстрации силы оказывалось достаточно, чтобы жертвы охотно расставались с имуществом – лишь бы остаться живыми. Самое же интересное начиналось, если жертвы оказывали сопротивление. В этом случае человек-гора так же стремительно скрывался в лесу, даже не пытаясь перейти к физическим действиям, сколь бы смехотворны ни были силы сопротивления. Однажды Булыгу обратил в бегство одинокий монах, вооруженный лишь посохом да тяжелым молитвенником. Неспособность гиганта к насилию имела форму даже не убеждения, а какого-то душевного недостатка – при одной мысли о том, чтобы ударить человека, беднягу начинало трясти, а при виде крови он просто терял сознание.

– Господи милосердный, всевидящий и всепрощающий! – обратил я к небу глаза, выслушав нелепую исповедь. – Чем же я провинился перед тобой, что шлешь ты мне столь идиотские испытания? Одних убивают на войне, другие умирают от болезней и ран, третьих в далеких Америках и Индиях умучивают и съедают дикари. Все это – достойные христианина испытания. Но нет! Капитан фон Котт будет подвергнут испытаниям в высшей степени мучительным, но при том таким, о которых в приличном обществе не расскажешь!

– Нет в мире справедливости! – торжественно согласился проникшийся моей жалобой Булыга.

– Вот что... миротворец ты наш... – вернулся я к насущным делам. – Попробуем тот же вариант, но без насилия. Ты врываешься и просто пугаешь обоих. Они ведь не знают, что ты такой... оригинал. Делаешь морду пострашнее и грозно рычишь – надеюсь, этого окажется достаточно. Только умоляю – ничего не говори! Говорить буду я.

– Что-то мне страшновато, господин! – признался Булыга, подходя к воротам постоянного двора. – А ну как не получится по-вашему?

– Все получится, Булыга, не трепещи. Все, я умолкаю. Действуй по плану.

Постоялый двор производил впечатление умиротворенной скуки. Неспешно бродили пестрые курицы и цыплята-подростки под надзором роскошного матерого петуха. Возле корыта дремали свиньи. Тощий конюх, лениво чинивший упряжь у ворот конюшни, поднял на нас равнодушный взгляд, не увидел лошадей и вернулся к своему занятию. Андрэ на подгибающихся ногах проковылял к дому, и я начал сомневаться в плане – слишком уж откровенно мой оруженосец трусил.

В общем зале посетителей почти не было – естественно для середины буднего дня: парочка явных завсегдатаев, неспешно угощавшихся пивом, да какой-то купец, видимо только что приехавший и решивший закусить после долгой дороги. Закусывал он основательно – стол перед ним был плотно уставлен блюдами с холодным, а с кухни тянуло оглушающим запахом жарящегося мяса. Наши с Булыгой желудки издали согласный жалобный вопль.

– Господин... – краем рта прошептал оруженосец, шумно сглатывая слюну. – Может, сначала поедим? На сытый желудок воевать сподручнее...

– Тебе-то откуда знать, трус несчастный?

– Так говорят.

– Глупости говорят. С набитым брюхом бегать тяжело – что наступать, что отступать. А ранят в живот – так и вообще... э, э, стоп, не вздумай! – чуть не в голос завопил я, чувствуя, как зашатало при этих словах впечатлительного оруженосца. – Если ты сейчас в обморок упадешь – клянусь! – я тебе нос все-таки отгрызу!

– Я не падаю, господин! Честное слово!

– Ну так пошли. Обещаю – как только разделаемся с этим делом, куплю тебе столько еды, сколько в тебя поместится.

От этой перспективы Булыга сразу воспрянул духом и вполне бодро прошел к стойке. Хозяин постоянного двора, пребывавший в том же состоянии благодостной расслабленности, что и все подчиненное хозяйство, на вопрос о циркачах лишь буркнул «в седьмой» да махнул рукой в сторону лестницы, так что даже не пришлось врать про поиски работы. Подгоняемый видениями окороков, колбас и жареных цыплят, Булыга стремглав взлетел по лестнице на второй этаж. Я спрыгнул на пол, бросился к двери с нарисованной углем семеркой, выдохнул:

– Здесь! На себя!

Собиравшийся уже вынести дверь молодецким ударом, Булыга рванул ее на себя и вбежал в комнату, злобно рыча и вращая глазами. Я проскользнул следом, вскочил на задние лапы и зашипел:

– Фффсем стоять! Кто шшшевелинетссся, тому Булыга оторвет руку или ногу!

– Я же говорил! Ты мне никогда не веришь!

– И правда... Но, согласиись, в это трудно поверить! Изумительно!

Я обвел взглядом комнату и устало опустилсся на пол.

– Дерьмо!

Следовало насторожиться раньше, когда мальчишка стал расхваливать выступление циркачей. Но несоответствие его слов о потрясающем зрелище тем жалким судорогам, что я наблюдал на рыночной площади Либерхоффе, как-то ускользнуло от моего внимания. Похоже, Конрад, маленький кошачий череп слишком сдавлиывает твои мозги, и ты начинаешь хуже соображать. Или это общение с Булыгой так на тебе сказывается? Притом что Андрэ явно поумнел за прошедшие дни, скоро твой оруженосец станет умнее своего господина...

– Грр-агрх! Агрррр!

– Гм. Не знаю даже, как к вам обращаться, уважаемый... гм... кот. – Плотный мужчина средних лет с жизнеутверждающим румянцем на круглых гладко выбритых щеках слегка приподнялся в кресле и отвесил легкий поклон. – Я весьма рад вашему визиту, но не могли бы вы сказать своему слуге, чтобы он успокоился?

– Андрэ, отставить!

– А?

– Все, рычать больше не надо, можешь расслабиться.

– Мы победили?

– Мы в заднице, – устало вздохнул я. – Точнее, я в заднице. Ну и ты – со мной за компанию.

– Вот видишь, па! – Из-за кресла выступил давешний мальчишка. – Он совсем как человек говорит. Даже лучше папского петуха!

– Гениально! – согласился бородатый господин. – Кто, по сути, есть парagallo?! Просто безмозглая птица, имитирующая речь. Все его преимущество перед нашими воронами или скворцами, которые также искусно умеют подражать различным звукам и человеческой речи, – пестрая окраска перьев. Здесь же мы имеем дело с разумным существом...

– Сам ты существо. Пошли, Булыга.

– А?

– Пошли. Раз уж обещал – накормлю тебя. Там в мешке, в кошеле найдется пара монет, на плотный обед хватит.

– Постойте! Куда же вы?

– Ну? Чего надо? – Я раздраженно обернулся. – Вам интересно? Вы чувствуете, что прикоснулись к какой-то тайне, и хотите узнать подробности? А мне – неинтересно! Понимаете? Я устал, я голоден, у меня отвратительное настроение и я не хочу разговаривать!

– Десять золотых!

– Чего?

– Золотых. Десять золотых. Ладно! Двенадцать! И, разумеется, еда и ночлег бесплатно. Соглашайтесь! Это хорошие деньги – у меня столько получают только лучшие профессионалы.

– О чем вы вообще говорите?

– Я – хозяин цирка...

– Это я уже понял...

– Замечательно! Как я понял, у вас денежные проблемы. Если точнее, денег у вас на один хороший обед для вас и вашего слуги.

– Ну допустим...

– Я предлагаю заказать все, что пожелаете – за мой счет, разумеется, – а за это вы пообещаете выслушать мое предложение.

– Только выслушать?

– Да! Вы ничего не теряете. В худшем случае – сэкономите на обеде.

Врожденная осторожность подсказывала – бесплатный обед для таких неудачников, как мы с Булыгой, обычно бывает только в тюрьме. Но очень уж не хотелось расставаться с последними деньгами. Сколько мы еще будем гоняться за проклятой парочкой – кто знает, а заработать что-нибудь по пути представлялось мне маловероятным. Потому, колебавшись – если честно, только чтобы сохранить остатки достоинства, – я согласился.

Надо отдать должное – толстяк не поспешил, служанки устали бегать из кухни с подносами, накрывая на стол. Булыга глядел на все это великолепие как паломник, после долгого и мучительного путешествия достигший своей цели. Я, впрочем, тоже не особо чинился – ну решил добрый человек угостить бедных путников, сам виноват. Предложение его – вполне очевидное в данной ситуации – мне сразу не понравилось, о чем честно было сказано еще до начала пиршества. Фон Котты никогда не опускались до фиглярства за деньги перед публикой. Синьор Огюст Сароз – так звали хозяина цирка – все же любезно настоял на том, чтобы мы остались отобедать. По правде говоря, я не особо возражал – хроническое безденежье очень действенное лекарство от спеси. Быстро насытившись – много ли нужно даже очень голодному коту? – я в благодарность поведал Огюсту, как оказался в столь плачевном положении, начиная со своего прибытия в Либерхоффе.

– Удивительная история! Значит, вы искали этих людей – фокусника и колдунью?

– Я и сейчас их ищу. Вот сейчас мой ненасытный оруженосец доест поросенка, и мы отправимся дальше.

Андрэ, услышав эти слова, тоскливо обвел глазами все еще богатый стол. Любезнейший синьор Сароз усмехнулся:

– А зачем вам ждать? Ступайте прямо сейчас.

– Что вы имеете в виду?

– Что-то мне подсказывает, что ваш *бывший* слуга Андрэ дальше поедет с нашим цирком.

– Эй! Вы не имеете права!

– Я? Да помиуйте – при чем тут я? – Продолжая улыбаться, Огюст повернулся к Булыге. – Он вполне способен сам решить, где ему будет лучше, да, Андрэ? Путешествовать с моим цирком в качестве актера, всегда иметь крышу над головой и плотно кушать два раза в день – как тебе это, Андрэ? Или бродяжничать, не зная утром, где удастся поклонить голову на ночь, не имея достаточно денег на еду, да еще и таскать на плечах жирного кота. А

знаешь ли ты, друг Андрэ, что в этом – да и в большинстве окрестных королевств – делают с пойманными бродягами? Их продают на галеры или в рудники. Так что ты выберешь, Андрэ?

Я начал было возражать, у меня было много что сказать в ответ на песни этой толстой «сирены», я мог бы убедить Андрэ... Но почему-то так ничего и не сказал.

– Вот видите, уважаемый ко... уважаемый капитан. – Любезная улыбка Сароза становилась все более издевательской. – Вам нечего предложить нашему новому артисту. Он остается, да, Андрэ? А вы можете идти. Мешок ваш сами возьмете или, если желаете, можем привязать вам на спину. Вид, конечно, будет странный, но так его вам легче будет нести.

Мне захотелось вцепиться когтями в эту самодовольную рожу, но подобная ретирада уже ничего не изменила бы. Я понимал, что проиграл уже в тот момент, когда согласился на этот обед. Вот и получается, что немного лишней спеси иногда может быть полезно. Да что теперь? Задним умом мы все крепки.

Синьор Сароз, внимательно наблюдавший за мною все это время, показал себя прекрасным политиком – дождавшись, когда я полностью осознал поражение, он не стал меня добивать.

– Ну господин капитан, подумайте здраво – даже если Андрэ решил бы пойти с вами, далеко бы вы ушли? Это здесь, в провинции, власти смотрят на бродяг сквозь пальцы – в крестьянском хозяйстве всегда найдется работа для человека, согласного трудиться за еду. А если ваши фокусники уже далеко? Пойдете за ними до столицы? Так вас в первом же городе схватят. Денег у вас нет, у Андрэ в мешке явно чужая одежда... да тут, пожалуй, не галерами пахнет, а виселицей. А я предлагаю вам тот же самый путь проделать в повозке, со всеми удобствами, на всем готовом и в полной безопасности – все подорожные бумаги на Андрэ выпишем честь по чести! Да еще и жалованье будете получать! А там, глядишь, и фокусников ваших встретим – мир не так велик, как кажется, и все мы ходим по одним и тем же дорожкам. Ну так как, господин капитан? По рукам?

ГЛАВА ПЯТАЯ, **в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт** **испытал на себе тяжелую участь циркового артиста и какой** **неожиданностью это закончилось для сапожника**

– Заходите, заходите, почтеннейшая публика! Всего за один серебряный грош вы увидите то, что никогда не видели! Заходите! Король английский! Смотрел наше представление! Царь сарацинский! Восхищался нашим цирком! Папа римский! Дал благословение! Почтеннейшей публике на удивление!

Иезус Мария! Как же он громко кричит! Вот горлопан... И человек-то от таких воплей оглохнуть может, а уж по моим ушам они как молотом бьют. Не дал, мерзавец, выпастся. И чего ради? Представление начнется только часа через два, а уж мое выступление – и того позже. Синьор Сароз всегда старается получить максимальную выгоду от всего, что попадает в его руки. Сейчас ему в руки попал я, и Огюст делает из моего номера «гвоздь программы». Соответственно меня держат для самого финала...

– Братья-акробаты Марк и Матвей – подивитесь на них, нет на свете ловчей!

Это точно – ловкачи еще те! Особые чудеса ловкости они демонстрируют, добывая выпивку. Марк и Матвей раз и навсегда продали души винному демону, они готовы пить все, в чем есть хоть толика спиртного. Огюст знает об этой их слабости – впрочем, как и все в труппе, – и старается не подпускать акробатов к выпивке. Стаканчик глинтвейна в холодную погоду – это максимум того, что им разрешено. В ответ братья придумывают потрясающие по изощренности способы добычи спиртного. Вроде уж Огюст контролирует каждый их шаг, ан нет, только что оба были трезвые, а в следующий момент уже лыка не вяжут. Так, например, вчера братья где-то раздобыли бутылку крепкой настойки и высосали ее в узком семейном кругу, так что неизвестно, удастся ли их растолкать к началу представления.

Впрочем, о чем я? Синьор Сароз не особо церемонится с артистами – разбудит, если понадобится, при помощи пинков и любимого кнута.

– Дева-змея, вместо кожи – чешуя! Гнется лука сильнее – руки и ноги без костей!

Насчет чешуи – враки, конечно. Чешуя – обычные блески, нашитые на обтягивающее трико. А на лицо и руки Санни наклеивает их перед выступлением на рыбий клей. После выступления долго умывается, но все равно пахнет, словно торговка рыбой. В остальном – все правда. Санни может буквально завязаться узлом, иногда мне кажется, что суставы у нее способны сгибаться во все стороны. Впрочем, девчонке нет и двенадцати – в ее возрасте и я мог легко заложить ноги за голову или втянуть живот до самого позвоночника.

– А потом выступает Самсон-силач! Здоровый как лошадь – хоть в телегу впрячь!

Это про Булыгу. Огюст решил, что Андрэ – неудачное имя для циркового силача. Булыга – лучше, но и этому имени не хватает изящества. Ведь на самом деле почти в любой деревне найдется свой силач не хуже Андрэ – кузнец, кожемяка, а то и простой земледелец. Но кому интересно смотреть на Жака-кузнеца, которого знаешь с пеленок? А вот цирковой силач с библейским именем – это совсем другое дело.

– Ездит взад и вперед Леди Годива, смотреть интересно, хоть и сидит в седле криво! Ни шелка на ней, ни тафты, одни волосы не скрывают красоты!

До моего появления тощая сварливая шлюха, подобранная сеньором Сарозом в каком-то жалком борделе, считалась «изюминкой» цирка, делавшей основные сборы. Из талантов у Леди Годивы присутствовали только полнейшее бесстыдство да парик из крашенных в рыжий цвет конских волос. Что за удовольствие находили взрослые женатые мужики в разглядывании голой девки с фигурой колодезного журавля – мне понять, видимо, не дано. Тем не менее номер (круг на лошади) пользовался феноменальной популярностью.

– А вот редкостный зверь – кот ученый! Сидит на цепи крученой! Такого зверя не видали вовек – читает и считает как человек!

А это про меня. Я приоткрыл глаза, потянулся и без особого интереса посмотрел на потенциальных зрителей, сбившихся в тесную кучку у хозяйского фургона.

Синяша – сын Огюста – честно надрылся во всю мощь легких, стоя на облучке и демонстрируя параллельно картинки, нарисованные специально для этого самим синьором Сарозом. Огюст как-то заявил, что учился в Италии у какого-то знаменитого художника – то ли Леонардо, то ли Рафаэля. Думаю – врал. Во-первых, бывал мой отряд и в Италии, охраняли мы одного флорентийского вельможу, которого хотели зарезать соотечественники то ли из кровной мести, то ли из соображений высокой политики, как это принято в тех краях. Будучи дворянином, я имел честь участвовать в попойках напуганного и скучающего вельможи, и во время одной из таких попоек ему взбрело в голову просветить меня относительно великих художников Италии. Больше всего он рассказывал как раз про Леонардо и Рафаэля. Возможно, я был слишком пьян и не совсем уяснил, чем же они были так знамениты, однако совершенно точно помню, что умерли оба еще до моего рождения. Ну а во-вторых, если Огюст и впрямь учился у художника, то почему я на его рисунках похож на мохнатый сапог с двумя рядами пил вместо рта, а когда Синяша демонстрирует картинку с акробатами, дети в толпе начинают плакать?

Мальчишка продолжал орать. Я понял, что уснуть не получится, да и, пожалуй, пора наведаться к синьоре Сароз. Добрая простоватая женщина – полная противоположность мужу – исполняла в цирковом таборе обязанности ключницы, фуражира, кухарки, прачки и даже лекаря, когда кто-то из артистов заболел или что-нибудь себе вывихивал во время представления. Настоящая кампфрау, я вам скажу! Ко мне синьора Сароз с самого первого дня благоволила, и я в любой момент мог рассчитывать на кусочек мяса или рыбы вне обычной скудной пайки.

Увы, я не оговорился – именно скудной. Роскошный обед, которым Огюст усыпил мою бдительность и подкупил Андрэ, оказался первым и последним проявлением щедрости – щедрости особой, расчетливой – хозяина цирка. Если уж говорить без обиняков, то он нас самым наглым образом надул. Когда бедняга Андрэ впервые увидел, сколько и чего ему

положили в миску на завтрак, я уж было решил, что он забудет про свое пресловутое миролюбие и бродячий цирк лишится своего не в меру бережливого хозяина. Собственно, это было бы даже не преступление, а справедливое возмездие. Увы, даже очень большой и злой овце волком не стать – все закончилось свернутой в трубочку миской и сломанной скамейкой. Синьор Сароз, спокойно наблюдавший за беснующимся Булыгой, хладнокровно сообщил, что вычтет их стоимость из жалованья силача. Правда, сомневаюсь, что нам с Андрэ он вообще собирается платить. Да я и не останусь в цирке так долго.

Если поначалу слова Огюста о совместном путешествии в столицу показались мне резонными, то реальное положение дел быстро избавило меня от иллюзий на этот счет. Обман с кормежкой и деньгами – это так, мелочь. В конце концов в бытность мою ландскнехтом меня постоянно обманывали с довольствием. Главной бедой было то, что табор двигался слишком медленно. В Большие Куроцапы мы с Булыгой пришли в тот день, когда цирк давал последнее представление. Однако тем вечером мы никуда из села не тронулись – артисты отдыхали, что выражалось в распитии гомерического количества дешевого вина и крепких настоек. На следующий день синьор Сароз проспал до полудня, и только часам к трем все было собрано и табор двинулся в сторону третьего села – Бугров. Мулы, тащившие повозки, двигались с головокружительной скоростью засыпающих улиток, так что путь, который пеший странник одолел бы к полудню следующего дня, отнял у табора весь следующий день. А в Буграх, селе чуть меньшем, чем Большие Куроцапы, Огюст решил остаться на три дня, чтобы захватить и воскресенье, справедливо рассчитывая на большие сборы в праздничный день. Узнав об этом, я окончательно понял, что с цирком мне не по пути. Так мне не только до Хеллоуина, но и до Рождества чернокнижников не догнать!

Я попытался уговорить Андрэ бежать вместе, но успеха не достиг. На гиганта неожиданно сильное впечатление произвели слова Огюста о галерах и рудниках. Похоже, Андрэ вбил в голову, что в каждом городишке на нашем пути вся стража только и мечтает о том, как бы заковать в цепи именно его – Андрэ Булыгу. Разубедить его мне не удалось. Что же, придется своими лапами как-то...

– Эй, господин кот! – донеслось с улицы. – Где вы, господин кот? Пора. Скоро начало представления...

Я торопливо доел жареную рыблю голову, витиевато поблагодарил синьору Сароз и выскочил на улицу. Еще неделю назад я расцарапал бы Огюсту лицо, посмей он в своей утонченно-издевательской манере назвать меня «господин кот». Увы, за эти дни все как-то незаметно, но очень сильно поменялось. Слова уже не так задевают меня... а если уж честно, то и не задевают вовсе. Когда ежедневно выходишь паясничать перед «почтеннейшей публикой» за еду, нелепо обижаться на какие-то там слова.

– Иду, иду, – мрачно буркнул я, присоединяясь к торопливо шагающему Огюсту.

– Готов?

– Можно подумать, я совершаю какой-то умопомрачительной сложности трюк, – фыркнул я сварливо. – Ты главное следи, чтобы в меня не кидали всякой дрянью. Вчера чуть не попали гнилым помидором в голову – я чудом увернуться успел!

– Культурный уровень этих людей крайне низок, дорогой капитан. Будьте к ним снисходительны – бросить в артиста гнилым овощем для них обязательная часть представления. Не камнями же кидаются в конце концов...

– Это очень утешает! – съехидничал я, подставляя шею под ошейник. – Может, обойдемся без цепи? Мне неловко...

– Не капризничайте. Цепь – обязательный атрибут. Иначе зрители решат, что вы слишком уж самостоятельны. Мы ведь уже говорили об этом, и тогда вы сами с этим согласились.

– Да, но я не подозревал, как это унижительно! Я – потомок благороднейшего рода фон Коттов – и на цепи!

– Можно подумать, кто-то вас в этом виде узнает!

Мы остановились возле фургонов, отгораживавших цирковой «лагерь» от площади, где

шло представление. Судя по шуму, зрителей собралось преизрядно, да оно и понятно – воскресный день, добрые обыватели уже вернулись из церкви, отобедали, и души их возжелали развлечений. А развлечений в селе не то чтобы много – посидеть вечером в кабаке да набить потом друг другу морды. На таком скудном культурном фоне прибытие бродячего цирка – настоящее событие. Синьор Сароз хорошо разбирается в таких вопросах.

Толпа зашумела особенно сильно, и в проход между кибитками ввалился раскрасневшийся потный Андрэ. Огюст додумался нарядить гиганта в одни обтягивающие испанские кальсес, да еще размера на два меньше, чем нужно, так что все без исключения героические пропорции «Самсона-силача» были доступны обозрению. Догадываюсь, что пришедших на представлении дам восторгала далеко не только и не столько толщина рук Булыги. Андрэ без особого труда волочил на себе целый ворох порванных цепей и четыре огромные гири, которыми только что жонглировал. Что меня поразило – лицо гиганта, несмотря на усталость, сияло неподдельным счастьем. Похоже, отрава честолюбия постепенно просачивается даже в эту девственно чистую душу.

– А теперь, господа и дамы, зрелище преудивительнейшее! Истинное чудо природы! Ко-о-т ученый! И гений, сумевший обучить животное невероятным трюкам, – синьор Огю-ю-ю-юст Саро-о-о-оз!

Огюст оскалил желтые прокуренные зубы, изображая радость от встречи со зрителями, и шагнул в проход. Я поплелся за ним. Ошейник сдавливал шею... Или меня душил стыд?

Да уж, толпа собралась немалая, Синяша постарался от души. Торопливо выбежали, просвечивая сквозь мел свежими синяками, Марк и Матвей, вынесли реквизит и так же стремительно ретировались.

– Щедрые господа и милые дамы! – раскланялся перед толпой Огюст. – У всех из вас дома есть кошки, и вы, несомненно, замечали – сии твари весьма глупы и ленивы, так что обучить их каким-либо трюкам практически невозможно! Однако для Огюста Сароза не существует слова «невозможно»! Осмелюсь представить вам результат моих многолетних изысканий в области дрессуры!

Все взгляды обратились на меня. Начинается...

– Место!

Я послушно вспрыгнул на бочку.

Собственно, представление не было утомительным, ничего сложного мне делать не приходилось. С самого начала Огюст решил не демонстрировать публике мое умение говорить, и в этом я с ним был полностью солидарен – слишком уж такое умение пахло колдовством, а связываться с инквизицией себе дороже. Потому мои номера балансировали на грани того, что можно добиться от любого животного путем обычной дрессировки. Я послушно прыгал через обруч, ходил на задних и передних лапах, балансировал на пирамиде из всякого барахла, указывал на дощечки с цифрами, которые выкрикивали из толпы. Гвоздем выступления был комический номер с «пением» – Огюст напевал какую-нибудь широко известную песенку, а я «подпевал», мяукая в унисон. Несмотря на полный идиотизм, вернее, как раз благодаря ему, именно эта сценка пользовалась особой любовью у толпы – большая часть гнилых помидоров и тухлых яиц приберегалась до этого момента. К счастью, рано или поздно любой кошмар заканчивается. Последний раз увернувшись от благоухающего знака внимания, я затрусил вслед за Огюстом. Нас сменила Леди Годива на своей рыжей кляче, Сароз снял с меня ошейник, и я, совершенно обессиленный, заполз в фургон на свой топчан. Вот ведь вроде ничего тяжелого не делаю, а каждый раз словно махал биденхандером, срубая наконечники копий... впрочем, откуда я знаю, как это? В силу невысокого роста и скромного телосложения я даже и не пытался научиться обращаться с двуручным мечом. Да и, несмотря на двойное жалование, как-то не прельщало бросаться в атаку на ошестинившийся копиями строй противника. А вот поди ж ты, сейчас с радостью поменял бы нынешнее мое унижительное положение на место в первом ряду с двуручником или алебардой в руках. Я свернулся на тюфяке и прикрыл глаза. Время уходит – вот что страшно! Уходит время... Надо решаться. Вот сейчас немного полежу с закрытыми глазами

и решусь...

– Господин кот!

– А? Что? Где? – Я открыл глаза и огляделся в неожиданно наступивших сумерках. Похоже, я незаметно для самого себя заснул и проспал до самого вечера. Ленивая кошачья натура постепенно берет верх.

– Господин кот! – вновь позвал Огюст. – Конрад, вы здесь?

– Проклятье, Огюст! А где мне еще быть? Зачем разбудил?

– Я, конечно, понимаю, что общество безродных паяцев не к лицу благородному потомку древнего германского рода, но, может быть, он все же снизойдет и разделит с нами скромную трапезу? Короче, жрать будете? Если не будете – отдам ваш ужин Булыге.

– Снизойдет, снизойдет... – Я выбрался из фургона и поежился. – А прохладно что-то!

– Так осень же. Теперь ночи будут все холоднее и холоднее. Ничего, к тому времени, как наступят настоящие холода, мы уже доберемся до столицы и там останемся до весны... Э-э-э... ну конечно, если вы к тому времени еще не найдете своего колдуна...

Я равнодушно пропустил неловкие оправдания мимо ушей. И без этой оговорки, очевидно, что Огюст спит и видит, чтобы мне не повезло в поисках, а значит, помогать мне не станет. Скорее всего, даже постарается мешать изо всех сил.

Однако как же холодно! Пока мех вполне согрел мое туловище, но вот лапы от земли ощутимо мерзли. А ведь скоро – может быть, уже завтра – начнутся холодные осенние дожди, слякоть и замерзшая поутру грязь под ногами.

– Огюст, мне нужна обувь!

– Чего?.. Вы так шутить изволите? Где это видано – обувь для кота?

– Огюст, если я простужусь – долго не протяну, у меня легкие слабые с детства. Слягу с горячкой и сдохну. Ты хочешь потерять самого кассового артиста?

– Гм... В чем-то вы, конечно, правы. Но зачем вам обувь? Можно наматывать на лапы рогожу...

– Замечательная идея, браво! Рогожа будет намокать, потом замерзать, так я еще быстрее простужусь. Не будь таким жмотом, Огюст! Неужели деньги, которые я тебе приношу, не стоят небольшой траты?

– Вы мне пока никаких особых денег не принесли, – мгновенно завел привычную песню Сароз. – Люди пока идут просто в цирк, про вас никто не знает. Неизвестно, сколько еще придется вложить денег в вашу раскрутку и окупятся ли они? А обувь-дело серьезное. Одна кожа сколько стоит будет!

– Ладно, ладно, не ной! Дай денег только на работу. Я попрошу сапожника подогнать мне по ноге мои старые сапоги.

Я с удовольствием понаблюдал, как синьор Сароз мучается, раздираемый между скупостью и благоразумием. Благоразумие победило, мне была выдана жалкая сумма и в сопровождение Фредерик – мрачный толстый шут, репертуар которого состоял из десятка сальных острот настолько «бородатых», что над ними не смеялись уже во времена Апулея. Я бы, конечно, предпочел пойти с Булыгой, но сопровождающему предстояло вести все переговоры с сапожником вместо меня, и гигант представлялся мне недостаточно сообразительным для столь сложной задачи.

– Вы бы еще ночью пришли! – недовольно проворчал сапожник, вертя в руках мои сапоги. – Перешить на кота? Настоящего кота? Ах, вот на этого кота? Убирайтесь! Мало того, что вы приперлись так поздно, так еще и сумасшедший!

Впрочем, звон монет смягчил сапожника, и он, весьма забористо отозвавшись об умственных способностях циркачей, все же снял с меня мерку и сказал приходить за сапогами утром. Мы вернулись в лагерь как раз к моменту, когда все положенные дела уже завершены, спать еще не хочется, артисты собрались вокруг костра и бурдюк с кислым вином пошел по рукам. В такие моменты эта компания бродяг так напоминала мой отряд, что жизнь переставала казаться совсем уж скверной шуткой. Даже Фредерик слегка отмяк и своеобычное мрачное выражение на его лице сменилось просто усталым. Когда Огюст куда-

то отошел, шут неожиданно тихо поинтересовался:

– Значит, решил сбежать?

– Почему ты так решил? – обмер я.

– Не дурак потому что. Единственный здесь. Ха! Неплохая шутка: единственный умный человек, и тот – профессиональный дурак. Жаль, никто не оценит... Догадался потому, что ты сапоги перешить решил. Считаю – угробил практически новую обувь, ведь если станешь человеком – останется их только выбросить. Ради чего? Не нужно быть гением, чтобы догадаться – собираешься в дальний путь. Притом – пешком.

– Скоро дожди...

– И что? Можно подумать, тебе придется фургон из грязи вытаскивать или дрова на стоянке собирать. Ты ведь и сейчас особо из фургона не вылезашь. Если бы Огюст был хоть в половину таким умным, каким он себя считает, тоже сообразил бы... Да ты не бойся, я ничего ему не скажу.

– Почему?

– А зачем? Благодарности от него все равно не дождешься. Да и неправильно это – что человеку приходится зверем жить.

– Спасибо...

– Погоди благодарить. Может, еще проклянешь меня не раз за то, что не остановил. Здесь у тебя хоть крыша над головой и какая-никакая, а регулярная кормежка. Думаешь, тебе легкая прогулка предстоит? – Фредерик криво усмехнулся. – Ты колдунов-то своих, скорее всего, в Либерхоффе не заставишь. Городишко маленький, заработка никакого. На зиму все бродяги вроде нас стягиваются в крупные города, где можно по кабакам выступать. Думаю, они в столицу двинутся. Но ты в Либерхоффе все же побывай. Жила там на улице Маргариток раньше одна ведьма – из настоящих. Если и до сих пор живет, загляни к ней – может быть, поможет.

– Вряд ли. Мне гномовский маг сказал – только наложивший заклятие его снять сможет. Да и почему знаешь, что она настоящая ведьма? Настоящих всех инквизиция давно переловила.

– Да вот знаю. Можно сказать, из первых рук. Был один случай... давно – лет тридцать уже прошло с тех пор. Ведьма та была в те времена еще совсем молодой девушкой. Собственно, она и ведьмой-то еще себя не осознала – это ведь прирожденный дар, который надо только осознать, просто училась лечить людей и наивно считала, что больным помогают ее травки да молитвы. У девушки той был жених – парень не такой уж плохой, но с ветром в голове и... гм... еще в одном месте. Повеса и шутник... Узнав об очередной его измене, она каждый раз плакала, просила не разбивать ей сердце, но парень только отшучивался. Ну и как-то раз то ли шутка вышла особенно жестокой, то ли просто иссякло ее терпение, только в сердцах прокляла она этого парня, да так, что проклятие до сих пор силу не потеряло.

– Что за проклятие-то?

– Проклятие-то? – Фредерик долго молчал, уставившись в кружку с вином. Я уже подумал, что шут слишком пьян и забыл, о чем рассказывал, но он все-таки закончил: – Хорошее проклятие вышло. Даже если бы она долго думала, вряд ли бы придумала что-то лучше. Сказала она тогда: «Нравится тебе быть шутком – так будь им всю жизнь. И пусть тебе от каждой твоей шутки будет так же скверно, как мне сейчас!» Парень посмеялся над ее словами, хотел отшутиться, как привык это делать, да в тот же момент навалилась на него такая тоска – хоть в колодец головой. Так и пошло с того дня: и тошно ему от каждой шутки, а перестать шутить не может... Вот так бывает...

Циркачи колобродили почти всю ночь и повалились спать прямо вокруг костра кто где сидел. Я тоже заставлял себя не спать, хотя по понятным причинам и не мог пить вино – просто не доверял кошачьей натуре. Засну опять и просплю до полудня. А Сароз может ведь, пусть и с опозданием, но заподозрить неладное. С него станет приставить ко мне

соглядатаем того же Синяшу – парень за что-то с самого начала невзлюбил нас с Булыгой, будет шпионить за мной с удовольствием.

С первыми петухами я забросил за спину изрядно полегчавший мешок и затемно покинул табор. Прощаться с Булыгой не стал. Не то чтобы я не доверял гиганту – на мой взгляд, он слишком простодушен для предательства, но именно по простоте душевной мог ляпнуть лишнее кому-нибудь из циркачей. А бежать со мною он твердо отказался... так чего лишний раз душу травить? Может быть, ему и правда будет лучше с циркачами?

Обычно синьор Сароз просыпался весьма поздно, а его цирк – еще позже, поскольку, собственно, остальных артистов он сам и поднимал – кого криком, кого – пинками или кнутом. Меня, правда, он не трогал, лишь стучал по борту фургона рукоятью кнута и орал, чтобы «господин кот» поторопился, если не хочет остаться без завтрака. Оставалось надеяться, что после ночной попойки Огюст продрыхнет хотя бы до полудня, а мое исчезновение заметит и того позже.

Под дверями дома сапожника мне пришлось сидеть до рассвета. К счастью, мастер оказался ранней пташкой: солнце только-только поднялось над горизонтом, когда он отпер дверь и вышел на крыльцо. Я дождался, когда он начнет то, ради чего, собственно, вышел, и проскользнул в открытую дверь.

– Э! Э! – Растерянно выкрикнул он мне вслед, не имея возможности прерваться и перехватить меня. Когда он, на ходу заправляя рубаху в штаны, вбежал в дом, я уже отыскал под лавкой перешитые на меня сапоги и примеривал их.

– Отличная работа!

– А-а-а... – ответил сапожник, стремительно бледнея и зачем-то указывая на меня пальцем.

– Не приходилось раньше видеть говорящего кота? – посочувствовал я мужику, прохаживаясь в обновке вдоль стены. Да, отлично сработано – нигде не жмут, но на ноге сидят плотно, да еще при помощи жесткой вкладки из толстой кожи поддерживают непривычные к такому положению кошачьи лапы. Лапам стало не только теплее, но и значительно проще удерживать туловище вертикально. – Не бойся, ничего плохого я тебе не сделаю. Я просто за сапогами пришел. Спасибо тебе, мастер. Прощай.

– О-о-о... – донеслось мне вслед. Надеюсь, мой визит не навсегда лишил его членораздельной речи...

Где-то с милую я шагал довольно бодро и даже начал мурлыкать что-то маршевое себе под нос. Однако уже к концу второй мили лапы в сапогах начали гудеть, а сами сапоги превратились в настоящие арестантские колодки, поднимать их становилось все труднее, и в конце концов я сдался. Хорошо, к этому моменту солнце уже успело нагреть землю и идти босиком – если это выражение применимо к коту – было нехолодно. Сапоги опять перекечевали в мешок, который мне кое-как удалось пристроить на спине, удерживая лямку зубами. Тут уж стало не до мурлыканья, конечно. Как оказалось – оно и к лучшему. Топот лошадиных копыт и нескольких пар человеческих ног я услышал задолго до того, как погоня показалась на дороге, так что мне хватило времени, чтобы укрыться в придорожном кустарнике. Устроившись со всеми удобствами, я с удовольствием полюбовался чудным зрелищем.

Впереди скакал на лошади сам синьор Сароз в той нелепой позе, которая сразу выдает человека, впервые севшего в седло. Огюсту повезло: единственная лошадь в таборе – та, на которой демонстрировала свои скудные прелести Леди Годива, – пребывала в столь почтенном возрасте, что даже шпоры и плетка не способны были сорвать ее в галоп. Хотя, судя по испуганно-мужественному выражению лица, самому синьору Сарозу казалось, что он мчится со скоростью королевского гонца, не меньше. Его не смущал даже тот факт, что остальные участники погони не отстают от него, хотя и бегут пешком. В погоне участвовали Марк, Матвей, Синяша и – что неприятно кольнуло меня – Булыга. Пропустив их мимо, я спокойно потрусил следом, предаваясь возвышенным размышлениям о неблагодарности человеческой природы и о том, закончится ли скачка для Огюста благополучно или я имею

шанс обнаружить впереди всю компанию, скорбно окружающую бездыханное тело? Насладившись видением скоропостижно свернувшего шею синьора Сароза, я все же отогнал дурные мысли и пожелал хозяину цирка вернуться в Бугры живым. Пусть он бессовестный мерзавец и обманщик, но благодаря его деловой хватке несколько человек имеют крышу над головой и ежедневную похлебку в желудке. Да и синьору Сароз жалко – уж от нее-то я видел только хорошее...

Подивившись совершенно несвойственному мне образу мыслей, я опять свернул в лес и с максимальным комфортом устроился в ветвях граба. Весь мой воинский опыт подсказывал, что где-то в этот момент преследователи должны были сообразить, что так далеко пешком ни одному коту ни в жизнь не уйти. Если скачка не вышибла из Огюста мозги, он догадается, что я пропустил их мимо себя и теперь иду следом. А если он это поймет, то наверняка устроит засаду. Ну что же, посмотрим, на сколько хватит твоего терпения, Огюст...

Терпения у синьора Сароза хватило всего часа на три. Потом на дороге показались Марк и Матвей, за ними – Синяша, ведущий под уздцы лошадь с криво восседающим Огюстом. Замыкал шествие Булыга. Синьор Сароз непрерывно крутил головой и оглашал окрестности заунывными воплями:

– Господин капитан! Выходите! Нам есть что обсудить! Конрад, у меня к вам выгодное предложение! Конрад! Выходи! Выходи, подлый кот! Выходи, сволочь!

Дождавшись, пока процессия удалится достаточно, чтобы не слышать завываний Огюста, я спустился с дерева и побрел в сторону Либерхоффе.

Вновь свободный.

Снова один.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт повстречал ведьму с улицы Маргариток и какой неожиданностью это для нее закончилось

Шут оказался прав, и в его правоте мне пришлось убедиться гораздо раньше, чем он сам предсказывал. «Прогулка» с самого начала оказалась не из легких, но я даже предположить не мог, насколько она будет тяжелее в конце пути!

До Либерхоффе я добрался на вторые сутки своего бегства – совершенно обессиленный, со стоптанными в кровь лапами. За все время пути я не останавливался ни для сна, ни для еды... впрочем, есть все равно было нечего – продиктованная отчаянием и голодом попытка изловить какую-нибудь птичку или белку закончилась плачевно – у меня ведь не было того охотничьего опыта, который настоящие коты и кошки впитывают с молоком матери. Белка преболно укусила меня и скрылась в ветвях дерева, а легко ускользнувшая из моих когтей сойка еще долго преследовала меня, отпуская на весь лес обидные комментарии и норовя нагадить на голову. Кошачьими лапами нормально закрепить мешок с вещами на спине не получалось, так что он постоянно сползал, натирая хребет. Если в начале пути он казался мне просто тяжелым, то к концу вторых суток я готов уже был его выбросить. Причем не выбросил я его исключительно потому, что к этому моменту уже перестал критически воспринимать происходящее со мной. По правде сказать, возвращение в город я помню смутно – голова кружилась от усталости и голода. По-моему, я о чем-то спорил со стражниками и что-то спросил у торговки пирожками. Во всяком случае, в памяти остались убегающие люди, но убегали они именно от меня или у паники была иная причина? Не помню... В этом полубезумном состоянии меня на счастье занесло в какие-то склады, где я инстинктивно забился в самый укромный угол и свалился без чувств.

Пришел в себя я от голода.

Надо заметить, одним из главных потрясений моей юности стало чувство голода. Семья наша, как я уже говорил, никогда не была богата, но мы не голодали. Бедность наша

выражалась в том, что следовало бы назвать символами престижа – мы не устраивали балов и приемов, редко посещали таковые у других дворян, не было в заводе у нас также охоты и прочих развлечений, что приняты в аристократических кругах. Мы вели простую, скромную жизнь, мало чем отличавшуюся от жизни принадлежавших семье крестьян, разве что жили в замке и не трудились в поле. В отрочестве это экономное бытие убеждало меня в бедности моей семьи и служило источником дополнительных унижений в среде сверстников из благородных семейств, и без того издевавшихся надо мною из-за короткого имени. Однако я никогда не знал, что такое голод. Впервые мне довелось испытать это чувство, лишь став ландскнехтом, именно тогда я понял, насколько ошибался, считая нашу семью бедной, а положение свое – невыносимым. Нет, конечно, бывали дни и даже целые недели, когда мы обжирались деликатесами, а вина было столько, что солдаты мыли им свои сапоги. Но золотые времена для наемников давно миновали и гораздо чаще жилистый бок тощей коровы или козы, сваренный с ячменем, казался нам пищей богов. Помнится, однажды мы даже наловили и зажарили змей, а в другой раз Бешеный Огурец – чокнутый француз, имени которого никто в отряде не знал, – приготовил нам суп из лягушачьих лапок. Кстати, весьма вкусный... Я бы сейчас не отказался от миски-другой...

Я услышал какое-то тихое шуршание и чуть-чуть приоткрыл глаза. У самого моего носа крутились трое мышат. Вначале я даже не понял, что происходит, но по обрывкам фраз вскоре догадался – трое мышинных подростков обнаружили спящего кота и теперь кичились друг перед другом храбростью. Кто дольше простоит спиной к морде хищника, кто подойдет ближе всех, кто осмелится дернуть за ус... Такие маленькие, такие наивные, такие смешные в своем пафосе... такие мягкие и вкусные!

– А-а-а! Помогите! Спасите!

Я сел, сжимая в передних лапах по мышонку. Третий с паническим писком забился куда-то под тюки и затих. Ну и ладно – две мыши тоже неплохой улов! Вот только как их есть? Я впал в некоторое замешательство. До сих пор мне не доводилось видеть, как кошки едят мышей. Ну вот как-то не попало это полезное знание в круг моих интересов. Теперь же совершенно непонятно было, как это, собственно, следует делать. Целиком, что ли, глотать? Я с сомнением посмотрел на два брыкающихся тельца, покрытых серой шерстью. Будучи человеком здравомыслящим, я отдавал себе отчет в том, что, частенько покупая пирожки с мясом у уличных торговцев, наверняка уже пробовал мышиное (ну как минимум – крысиное) мясо еще в человеческом обличье. Но есть их вот прямо так?! Сырьем? Точнее даже сказать – живьем? Не освежеванных? Не выпотрошенных? Гадость какая... Или их сначала следует умертвить и как-то разделить? Никогда не видел, чтобы кошки снимали шкуру с пойманных мышей...

Тут я краем глаза уловил какое-то движение в темном углу. Из-за рогожи осторожно выглядывала большая мышь с седыми полосками на морде. Рядом жались еще несколько мышей. Черт! Я не особо сентиментален... да чего там – вообще несентиментален, но есть мышат на глазах их родственников – это уж как-то слишком даже для меня. В то же время запах добычи заставлял мой желудок требовательно урчать.

– Эй вы! Убирайтесь! Или тоже не терпится стать завтраком?

Седая мышь набралась наконец храбрости и шагнул из угла на открытое пространство.

– Благородный господин!

Я вздрогнул...

– Благородный господин и повелитель! – смиренно склонив голову, продолжил мыш. – Я нижайше прошу вашу светлость отпустить юношу, коего сжимает ваша царственная правая лапа!

Ничего себе... Впрочем, про «царственную лапу» – это мне понравилось.

– С чего бы мне его отпускать?

– О повелитель! – Мышь неожиданно распростерся на полу в молитвенной позе. – Я, ничтожный прах под твоими лапами, являюсь городским главой мышей Либерхоффе. А юноша, столь непочтительно помешавший вашему сну, – это мой любимый сын и наследник

моей власти. Увы! Горе старику! Связавшись с оболтусами, одного из которых вы также изловили – и поверьте, уж о нем-то никто не пожалеет, – он совершенно забыл о долге перед родителями и перед народом! Умоляю, отпустите... не губите...

Хм... Я еще раз оценивающе посмотрел на свою жалкую добычу, и в голове мгновенно сложился план.

– Что ж... Я не живоглот какой-нибудь, понимаю скорбь отца. Отпущу твоего сына, так и быть. Но ты за это сослужишь мне службу...

– Все что угодно! – Подскочил чуть не на метр от пола «городской глава».

– Раз ты городской глава мышей Либерхоффе, значит, как-то можешь связаться с подданными во всех уголках города? Я так и подумал... Тогда разошли гонцов и пусть немедленно выяснят – в городе ли сейчас человек в восточной одежде, выдающий себя за факира, и девушка, притворяющаяся мальчишкой. Они путешествуют вместе. Если в городе, то где именно. Сделаешь – получишь своего сына назад целым и невредимым.

Мыши порскнули в разные стороны серыми тенями, а я устроился поудобнее и стал зализывать израненные лапы... Надо же, как получилось! Удача, можно сказать, сама пришла мне в руки... гм... в когти, и мне здорово повезло, что я не успел эту «удачу» вульгарно сожрать. Голод – штука, конечно, неприятная, но его можно вытерпеть. Зато нашлось решение задачи, над которой я ломал голову с самого момента побега – как найти в городе двух человек, если я даже не могу никого спросить о них, не вызывая нездорового ажиотажа? А мышат можно съесть и потом. И «городского голову» за компанию... Возможно, фортуна наконец улыбнулась мне и фокусник окажется в Либерхоффе?!

Увы, моя удача оказалась столь же мелкой, как и моя добыча. Примерно к полудню вернулся седой мыш и сообщил, что людей, похожих на мое описание, видели в городе несколько дней назад. Фокусник и его ученица провели в Либерхоффе два дня, попытались заработать хоть что-то, давая представления в трактирах, но успеха не имели и убыли в сторону столицы. Пешком.

Что ж... глупо было надеяться. Однако уныние – наихудший из грехов, как утверждают священники. Буду радоваться уже тому, что проклятая парочка не обзавелась лошадьми, значит, у меня есть надежда их догнать. Особенно если они будут пытаться подработать во всех городках на своем пути. Впрочем, прежде чем бросаться в погоню, неплохо бы раздобыть еды. Мышат я все-таки отпустил. Не пристало потомку благородного рода фон Котт нарушать слово, пусть даже и данное мышам. Ну и, кроме того, я так и не смог пересилить себя и взять в пасть живое (да еще и разговаривающее со мной) существо.

Ну что же, вперед – на поиски еды!

Я встал... и тут же повалился на бок, взыв от боли. Иезус Мария! Лапы словно кипятком обварило. Эх, мне бы отлежаться хоть один день... Нельзя! Сегодня уже... черт, потерял счет дням! Неважно, наверняка уже середина сентября, он пролетит быстро, а там уже и октябрь не за горами. Который тоже пролетит – не заметишь. Надо вставать и идти. Раздобыть еды, быстро поесть и идти... Проще всего украсть еду будет на рыночной площади. А еще надо отыскать улицу Маргариток. Ведьму, про которую рассказал Фредерик, тоже вот так просто со счетов сбрасывать не стоит. Вдруг гном все-таки ошибся?

Мешок с мундиром и мечом я запрятал в самый дальний угол склада и, постанывая от боли, побрел в сторону рыночной площади.

За время моих блужданий по окрестным селам пивной фестиваль закончился и город жил обычной будничной жизнью. Людей на улицах было мало, а те, что попадались, шагали торопливо, с мрачно-деловым выражением на лицах. На рыночной площади тоже не наблюдалось того столпотворения, которое встретило меня в первый визит в Либерхоффе. Редкие покупатели неторопливо прогуливались промеж рядов и палаток, придиричиво выбирая и отчаянно торгуясь при каждой покупке. Торговцев тоже было гораздо меньше – видимо, остались только местные да самые упорные, кто решил распродать все привезенные товары во что бы то ни стало. Скверно. При своих размерах я наверняка буду бросаться в глаза, а у хозяев есть возможность постоянно приглядывать за товаром. Ну, как говорится,

делай что должен и будь что будет. Я неспешно потрусил вдоль палаток, придав себе самый равнодушный и независимый вид. Возле рядов торговцев мясом замедлил шаг... Так... Вот, кажется, хозяин одной из палаток зазевался! Кусок восхитительно пахнущего мяса свешивался через край стола и словно говорил: «Вот он я! Такой сочный, такой вкусный! Меня так легко украсть...» – мне даже почудилось, что я слышу этот сладкий шепот на самом деле. Я уже совсем было поддался на эти уговоры и шагнул к прилавку, как вдруг надо мною нависла огромная туша с дубинкой в занесенной руке.

– А ну брысь!

Я едва сумел увернуться и счел за благо повторить попытку в другом месте – в рыбных рядах. Пройдя мимо нескольких прилавков, удерживая на морде выражение полнейшего презрения к разложенным на них богатствам, я остановился возле того, торговец которого, как мне показалось, полностью увлекся процессом торга с покупателем. Теперь главное не привлекать к себе внимания...

– Клянусь грудями Мадонны, я еще не видел форели меньше – тут одна голова да хвост! Это не форель, а головастик какой-то! Два медяка!

– Два медяка? Да ты посмотри только – это же не форель, это целая акула! Наверняка ее мамаша согрешила с китом! Пять медяков!

– Так она еще и плод греха?! За такую и трех медяков жалко!

– Бери за четыре и пусть тебя совесть замучает – ты вырываешь корку хлеба из рта моих детей! АХ ТЫ, ПАРШИВЕЦ!

– Мя-а-а-ауууууу!!! – Я не успел сообразить, что последние слова относились ко мне: слишком увлекся процессом вытаскивания рыбины из корзины под прилавком. В следующее мгновение меня вздернули за шиворот и окунули в бочку с живой рыбой. Взыв от ужаса перед реальной перспективой быть потопленным, я забился, изворачиваясь в сильных руках торговца и пытаясь полоснуть его когтями, но он продолжал крепко держать меня под водой. Со всех сторон на меня тарасились полудохлые рыбины, и мне на минуту поместилось, что я очутился в одной из картин безумного голландца Босха, изображавших ад. Тут меня вдруг отпустили, и я вывалился из бочки, отплевываясь от воняющей тиной воды.

– Мерзавец! Вор! Да хватайте же его!

К счастью, эти вопли относились уже не ко мне. Видимо воспользовавшись тем, что торговец увлеченно топил меня в своем товаре, какой-то оборванец схватил с его прилавка две здоровенные рыбины и теперь улепetyивал со всех ног. Пытавшихся перехватить его доброхотов он ловко сбил с ног, действуя своим «уловом» словно дубинками, и скрылся в толпе. Ну почему одним достается все, а мне – побои и тухлая вода в бочке?

Я не рискнул воспользоваться возникшей суматохой и повторить попытку. Если обозленный торговец меня опять поймает – живым мне точно не уйти.

Посидев на солнце и обсохнув, я решил попытать счастья в сырных рядах. Тут все закончилось еще быстрее – стоило мне приостановиться у одной из палаток, как торговец, не говоря худого слова, отвесил мне пинок такой силы, что остановился я только на другой стороне рынка.

Когда часы на ратуше пробили полдень, я окончательно сдался. Не учили меня на вора – что тут поделаешь? Стоило мне приблизиться к корзинам с какой-нибудь пищей, как хозяин товара начинал пристально пялиться на меня и тянулся за палкой или камнем. Даже когда я проходил рядом с мешками репы или капусты, торговцы и на это реагировали нервно, словно я мог схватить кочан под мышку и убежать... По правде говоря, есть хотелось так сильно, что репа уже не казалась мне совсем уж несъедобной добычей.

И тут передо мной явился демон искушения. Я отводил глаза, отворачивался, уходил в другой конец рынка, но он каким-то ужасным образом вновь и вновь оказывался в поле зрения. Он безжалостно преследовал меня, и мне все труднее становилось противостоять искушению... Это был бродячий музыкант, находчиво превративший себя в целый оркестр: в руках он держал потрепанную испанскую гитару, что-то вроде упряжи на голове прижимало к его губам панову свирель, а на спине висел барабан с колотушкой, веревка от

которой шла к ноге. Музыка, надо признать, выходила у него весьма хаотичная, но не особо требовательная публика время от времени кидала в висящую на боку торбочку монеты.

«Нет, нет! Конрад, ты не должен этого делать! Никто из фон Коттов не опускался так низко!»

«А что, позволь тебе напомнить, ты делал у сеньора Сароза?»

«Тогда у меня не было выхода!»

«А у тебя и сейчас не бог весть какой выбор – сдохнуть с голоду или...»

И я сдался.

Превозмогая стыд, вышел на пустое пространство, образовавшееся вокруг фонтана в центре площади, и встал на задние лапы. Прошелся вперед, назад... На меня начали оглядываться. Я запрыгнул на чашу фонтана и, спрыгивая вниз, сделал сальто. Покатился кувырком. Вокруг начала собираться толпа зевак. Послышались первые одобрителыне возгласы. Я продолжал выделять разнообразные кульбиты.

– Ух ты! Эва, что вытворяет, чертяка хвостатый!

– Гля, не, ну ты гля!

– Ай, молодец! Какая умница! А мой только жрет да спит!

Я еще пару раз кувыркнулся через голову, прошелся на передних лапах и, тяжело дыша, плюхнулся на брусчатку. Выжидающе обвел собравшуюся толпу глазами. Толпа так же выжидающе уставилась на меня. Люди иногда бесят меня своей тупостью!

– Чего это он? – высказал мучающий всех вопрос толстый мальчишка, прямо у меня на глазах нагло пожирающий пирожок. – Чего уселся? Кувыркайся давай!

Он бросил в меня недоеденным куском теста с ма-а-аленьким кусочком мяса. Голова у меня закружилась от запаха, а лапа против моей воли потянулась к объедкам... Иезус Мария! Что думают обо мне семь поколений благородных предков, наблюдающих с небес за непутевым потомком?!

– Да он жрать хочет! – догадался кто-то в толпе.

«Наконец дошло!» – едва не выпалил я, но вовремя спохватился и лишь издал как можно более жалобное мяуканье.

– Точно! Ишь, знает слово «жрать»! – умилилась какая-то тетка. – Ну ничего, кто-нибудь тебя обязательно покормит!

– Да он небось дрессированный! А дрессировщик где?

– Здесь, здесь я! – К моему возмущению, тот самый музыкант, который соблазнил меня на непотребное фиглярство, протолкался вперед и пошел по кругу, потряхивая своей торбочкой. – Раскошеливаемся, почтеннейшая публика, не жалеем монетку или две бедным артистам на пропитание. Мы повеселили ваши сердца, а вы повеселите наши желудки... Ха-ха, щедрые вы мои! Я люблю этот город! Да, завтра в это же время здесь же... Котику на пропитание, да, да...

Я в бессильной ярости дождался, пока нахал не собрал всю мою выручку, и последовал за ним. Музыкант свернул в один из переулков, уселся на крыльце какого-то дома и начал азартно пересчитывать монетки.

– Какая удача! Нет, ну до чего же ты везучий, Гансик! Ха-ха, вот ведь олухи...

Тут он заметил меня и нахмурился.

– Эй! Ты чего приперся? Я не твой хозяин, ты ошибся... Хотя... – Не обезображенное умом лицо музыканта прояснилось. – Хочешь, пошли со мной? Я буду играть, а ты кувыркаться и плясать? Понимаешь меня? Я – играть, а ты – кувыркаться? Кучу денег заработаем! Иди сюда, котик! Кис-кис-кис...

– Забудь и думать. Выкладывай мою долю и проваливай, – прошипел я, с удовольствием наблюдая, как бледнеет и вытягивается тупая ряшка бродяги. – Ну?! Быстро!

– А? А-а-а! Дьявол! Помогите! Грабят! Убивают! Насилуют! Пожар!

Музыкант взял с места хороший темп. Я с удовольствием послушал удаляющиеся вопли в сопровождении частой дроби барабана, но через минуту мое настроение испортилось. Да, торба с деньгами осталась в моем распоряжении, но что толку? Я бы с

удовольствием променял все эти бесполезные для меня медяки на один небольшой кусок мяса или хотя бы миску вареных потрохов! Ну что за невезение на мою голову...

Деньги, впрочем, еще могут пригодиться. Я их предложу ведьме. Ну не может же настоящая ведьма быть такой же суеверной, как простые обыватели? Отдам ей эту торбочку (а, судя по весу, выручка вполне приличная), взамен же попрошу накормить... то есть расколдовать... расколдовать и накормить. А может, лучше – сначала накормить, а потом расколдовать?

Кстати... Ведь еще предстоит искать улицу Маргариток! Мои лапы тут же протестующе заныли.

Увы, делать нечего. Зажав в зубах торбу с деньгами, я поковылял в ближайший переулок.

Наверное, в этот день удача все-таки была на моей стороне. Странноватая такая удача – хиленькая и кривоватая, но уж какая есть. Потому как с самого начала я побрел в противоположную сторону и долго еще искал бы эту самую улицу Маргариток (и, скорее всего, не нашел бы, ибо никаких указателей или вывесок на ней не было), но тут на удачу увидел в одном из окон кошку. Она взирала на улицу со свойственным этим животным равнодушным высокомерием, но, заметив меня, явно заинтересовалась. Поставив свою ношу, я поклонился со всей возможной учтивостью.

– Милейшая госпожа, не подскажете ли усталому путнику, где найти улицу Маргариток?

– Хи-хи-хи! Милейшая госпожа? Меня так еще никто не называл! – Кошка высунулась из окна чуть ли не наполовину, с интересом рассматривая меня. – А ты ничего! Даже больше Кабана!

– Ну-у-у, вы явно преувеличиваете! – некстати проявила себя моя тяга к истине. – Кабаны обычно гораздо крупнее...

– Хи-хи-хи! Ты не знаешь Кабана? Не настоящего, конечно! Это кот, предводитель всех свободных котов Овражка. Он самый большой, сильный и жестокий кот в этих местах. А какой он мужчина, м-м-м-р-р-р-р...

– Гм. Я, конечно, польщен вашим сравнением, но не вернуться ли нам к вопросу...

– Ой, как ты смешно говоришь! Хи-хи-хи! – Кошка перевернулась на спину и замахала в воздухе лапками. – Уморил! Ты небось раньше у какого священника жил? Или у ученого пило... фигло... пеглосоп?

Я прикрыл глаза, досчитал до десяти, потом опять поднял взгляд на смешливую дурочку и как можно мягче произнес:

– Милая госпожа! Мне очень нужно попасть на улицу Маргариток. Не подскажете ли вы...

– Ой, далась тебе эта улица! Ну слушай, раз ты такой зануда! Точно у фиглосопы жил! В общем, надо от рыночной площади пройти по улице Портных до конца, свернуть в переулок, пахнувший корицей, дойти до дурацкого каменного коня на тумбе и там увидишь – первый дом на этой улице весь увешан ящиками с вонючими цветами.

– Большое спасибо...

– Да куда ты так торопишься?! Никуда эта улица от тебя не денется. Прыгай лучше в окно – получишь все, о чем только можешь мечтать! Не бойся, люди куда-то ушли.

Сообразив, о чем идет речь, я сразу простил кошке ее дурацкий смех и тупость. В конце концов, чего ждать от обычной кошки? Хорошо, что окна в доме были низко над землей – даже в нынешнем моем жалком состоянии я смог запрыгнуть на подоконник и даже не рассыпал монетки из торбы.

– А это ты зачем таскаешь.....

– Надо, милая госпожа... так где?

– Что где? – промурлыкала кошка, пытаясь потереться о мою морду своей.

– Ну... это... я не знаю – мясо там или рыба? Или потроха?

– Ты о чем, приятель? – изумленно уставилась на меня кошка.

– Неужели каша? Черт! Я согласен на кашу! Где?!

– Какая каша? Какое мясо с потрохами? – Кошка отступила от меня на шаг, прижимая уши к голове и вздыбливая шерсть. – Слушай, а почему тебя выгнали? Тебя случайно лиса не кусала?

– Ты же сказала, что я получу все, о чем только могу мечтать!

– Ах, ты об этом! – Кошка сразу успокоилась и вновь попыталась потереться об меня. – Как ты все-таки странно говоришь, тебя и не понять... Конечно, получишь, прямо сейчас!

– Хорошо, – пробормотал я, отгоняя смутное чувство, что снова попал в нелепую историю. – И где?

– Да можно прямо здесь. Ну давай же, начинай! Не видишь – я вся в нетерпении!

– Э-э-э... Милая госпожа, вы меня неправильно поняли... То есть я вас неправильно понял. Мы друг друга неправильно поняли. Вот. Вы уж меня извините, я очень тороплюсь! – Я схватил торбу, сиганул в окно и, не оглядываясь, припустил в сторону площади.

– Ну вот! Все мужики одинаковые! – донесся до меня разочарованный вопль.

Я бы с удовольствием посмеялся над нелепой историей, если бы не голод, мучивший меня все сильнее. Крошечный кусочек мяса, случайно перепавший мне на рыночной площади, лишь напрасно разбудил желудок – бедолага, видать, решил, что его наконец наполнят, и теперь жестоко мстил за обман.

Найти улицу Маргариток по описанию похотливой кошки оказалось несложно, однако тут же встал вопрос: как найти нужный дом? Я медленно побрел по улице, вглядываясь в дома и пытаюсь угадать, в каком из них могла бы жить ведьма. Тут мне на глаза попался мрачный домище с узкими окнами, забранными черными от времени ставнями. Каменная кладка поросла ядовитым плющом, на крыше – флюгер в виде чертика. Идеальный дом для ведьмы... Я с трудом протиснулся под калиткой и в нерешительности остановился у двери. И что теперь делать? Просто постучаться и спросить: «Извините, здесь ведьма живет?» Пока я размышлял, дверь мрачного дома распахнулась, и по ступенькам торопливо скатился вполне жизнерадостного вида крепыш. Сердце мое екнуло – провожать крепыша на крыльцо вышла самая настоящая ведьма, как я ее всегда и представлял. Высокая, стройная и аристократически бледная, одета она была в черное платье, но не такое черное платье, что навеивает мысли о монастыре, а роскошное и откровенное, открывающее мужскому взгляду достаточно, чтобы пробудить фантазию, и скрывающее столько, чтобы было о чем фантазировать. Длинные иссиня-черные волосы обрамляли острое лицо с прямым носом, который совсем не портила небольшая горбинка. А глаза! Глаза невозможно было описать! Я уже готов был броситься к ней и молить о помощи, но тут вдруг крепыш обернулся и послал женщине воздушный поцелуй.

– Пока, крошка!

– До свидания, господин Мюллер! – жеманно ответила красавица. – Заходите еще – наши девочки всегда вам рады!

Я тихо выругался – до чего обманчива бывает внешность!

Вернувшись на улицу, я понял, что совершенно не представляю, что же теперь делать. Получается, по внешнему виду жилища судить нельзя – насколько мрачен тот дом снаружи, а внутри – очень даже весел! Вывесок на домах никаких нет, да и вряд ли настоящая ведьма повесила бы вывеску «Ведьма. Навожу и снимаю порчу. Срочная доставка писем и товаров по воздуху».

И тут глаза мои уперлись в надпись «Ведьма!». Конечно, это была не вывеска, просто кто-то нацарапал это слово углем на двери. Я с сомнением посмотрел на выкрашенный веселой желтой краской дом с геранью на окнах, но решил все-таки не игнорировать знак судьбы. Набравшись смелости, поскребся в дверь, потом сам же одернул себя, взобрался на перила и воспользовался дверным молотком.

– Иду! – донеслось из глубины дома. – Иду, иду!

Дверь открылась, и я увидел довольно симпатичную, но совершенно обыкновенную женщину средних лет в традиционной одежде зажиточной горожанки. Она оглядела улицу и

нахмурилась.

– Чертовы мальчишки!

– Доброго вам дня, госпожа. – Я решил все-таки рискнуть. Ну да, она не обладает ни демонической красотой, ни уродством – никаких бородавок, крючковатого носа или длинного подбородка. Но если подумать – это ведь все глупые обывательские суеверия.

– Кто это сказал? – вздрогнула хозяйка дома.

– Это я. Посмотрите, пожалуйста, вниз. – В конце концов, если вышла ошибка и она упадет в обморок или завизжит, я всегда успею убежать...

– Дьявол!

– Уверяю вас, я не дьявол!

– Сама вижу. Это я просто от неожиданности.

– Вы не удивлены? Похоже, я пришел по адресу.

– Что значит – «по адресу»?

– Ну... Вы же ведьма?

– А ну-ка, заходи! Не хватало еще, чтобы кто из соседей тебя услышал... А это что?

– Это для вас – задаток...

– Жалкий какой-то задаток, – усмехнулась ведьма, заглянув в торбу с мелочью. – На паперти стоял? Я всегда думала, что волшебные существа расплачиваются вечной молодостью, ну или хотя бы золотом. Всю жизнь ждала, что ко мне в дверь постучится одно из таких существ, и чего дождалась? Горсти медных монет?

– Я не волшебное существо, – вздохнул я. – Я обычный кот... тьфу ты! Я обычный человек. Меня зовут Густав Конрад Генрих Мария фон Котт. И, как можете видеть, – я заколдован. Эти деньги, как я уже сказал, – задаток. Остальное – три довольно крупных сапфира, один рубин и десяток мелких аметистов. И это будет ваше, если расколдуете меня.

– Ну надо же – сапфиры, рубины, – ехидно усмехнулась ведьма. – А в задатке одни медные монеты. Хоть один из «мелких аметистов» принес бы. Придумай что-нибудь, во что я поверю.

– Это правда. – Я сел на пол и устало опустил голову. – Я не знаю, как вас убедить. Можете мне не верить. Тогда, прошу, дайте мне за эту мелочь немного еды, и я пойду.

– Хм... Ну ладно, пошли на кухню, – неожиданно смиростивилась ведьма. – Накормить я тебя накормлю, заодно и твой рассказ послушаю. А там решу, что с тобой делать.

На кухне ведьма достала из буфета блюдо, посмотрела на меня и заменила блюдо изрядной миской – можно даже сказать, небольшим тазиком – и скрылась с ним в подвале. Я без сил рухнул в углу и принялсялизывать подушечки на лапах, вновь начавшие кровоточить от всей этой беготни. Нет, надо все-таки привыкать ходить в сапогах. Пусть потом мышцы ноют, но хоть лапы целы... Иезус Мария! Какой запах! Какой волшебный запах источал тазик в руках вернувшейся хозяйки! Запах капусты, тушенной с картошкой и мясом! И по запаху я понял, что мяса там много! Боюсь, мои манеры в этот день оставляли желать лучшего. Я урчал, рычал, чавкал, разбрызгивал подливку и куски капустных листьев, вымазался до ушей и, лишь доев все, отвалился от миски с блаженным стоном.

– Спасибо, добрая госпожа! – Я честно попытался открыть слипающиеся глаза пошире, но от внезапной сытости меня одолела дремота. – Воистину вы только что спасли мне жизнь!

– Да, похоже, ты и впрямь здорово проголодался. – Добрая женщина смотрела на учиненное мною безобразие со смесью насмешки и жалости. – Когда ты ел в последний раз?

– Трудно сказать... Два или три дня назад. А так, чтобы досыта, неделя уж, наверное, как прошла... Неделя! Иезус Мария! – Дремота тут же слетела с меня. – Какой сегодня день?

– Десятое сентября...

– Проклятье! – застонал я, обхватив голову лапами. – У меня осталось чуть больше месяца!

– До чего?

– До Хеллоуина! Добрая госпожа, умоляю вас – спасите меня! Поверьте, эти камни, про которые я говорил, – они существуют. Просто они украшают ножны моего меча, не мог же я

его таскать с собой по городу. У меня есть чем вам заплатить. Я отдам все, только верните мне человеческий облик! Это невыносимо!

– Тихо, тихо! Мы же договорились – ты расскажешь мне, что с тобою произошло, а я решу – помогать тебе или нет.

– Хорошо. Только особо и рассказывать-то нечего...

Тем не менее рассказ о моих злоключениях неожиданно затянулся почти до вечера. Ведьма слушала с интересом, часто перебивала, уточняя детали, так что к финалу я зевал и терял нить повествования чуть ли не через слово. Наконец мне удалось кое-как добраться до конца истории и даже сформулировать его более-менее изящно.

– Ладно, – поднялась с кресла ведьма. – Можешь переночевать у меня, так и быть. Не зверь же я, выгонять живую тварь на ночь глядя. А утром – уходи.

– Что?! – Мне показалось, я ослышался. – Вы не можете мне помочь? Даже не попытаетесь?

– Не стану и пробовать. Поделом тебя эта девчонка заколдовала! Ишь выискался правдоискатель, поборник истины! А каково несчастным бродягам, зарабатывающим жалкие гроши, лишиться дневной выручки из-за напыщенного петуха-дворянчика, решившего покрасоваться перед толпой? Не по карманам же они шарили, не кошельки срезали! Вот теперь хлебни их жизни полной чашей!

– Эй, госпожа ведьма! Вам не кажется, что я нахлебался этой жизни по самое горло? Да, готов признать – зря я тогда все это затеял. Но сейчас мне не до уроков морали и христианской этики, тем более – от ведьмы. У меня месяц остался, чтобы человеческую шкуру вернуть!

– Пока я не вижу, чтобы ты хоть что-то осознал.

– Хорошо. Тогда я ухожу. – Я с трудом встал, шагнул к двери. – Правильно Фредерик к тебе на поклон не идет...

– Фредерик?! – Ведьма вздрогнула. – Какой... Фредерик?

– Тот самый, – мстительно ответил я. – Которого ты обрекла на жизнь вечного бродяги, у которого отняла даже малую отдушину – посмеяться хорошей шутке. Да, замечательная у тебя получилась месть. Сколько он уже мучается из-за твоей тупой ревности? Лет тридцать? И правильно он делает, что не просит у тебя снять проклятие – по крайней мере, избавлен от необходимости выслушивать твои поучения!

– Откуда ты про него знаешь? – Ведьма выглядела совершенно растерянной.

– Встретились недавно. Он заколдован, я заколдован – почему бы не поболтать собратьям по несчастью. Он зарабатывает шутком в том же цирке, из которого я сбежал. Все, как ты ему напроорочила – ни кола, ни двора, шутит, не имея возможности даже посмеяться над собственными шутками. Ты довольна, надеюсь?

– Боги... – Ведьма опустила в кресло. – Я ведь не знала! Я была тогда совсем юной – каких-то пятнадцать лет! Я даже не знала, что у меня есть такие силы! Просто сказала в сердцах первое, что пришло в голову...

– Ты хочешь, чтобы я тебе посочувствовал? – ухмыльнулся я. – Ты живешь в большом доме, явно не голодаешь и не мерзнешь. А парень, которого ты прокляла, раболепствует перед толпой за миску пустой похлебки и соломенный тюфяк на полу в фургоне... Ладно, недосуг мне твои исповеди выслушивать – сходи к священнику, если так приперло. А мне надо свою ведьму догонять. Прощай.

– погоди... – Ведьма уже взяла себя в руки. – Где ты видел Фредерика?

– В бродячем цирке синьора Сароза. Если планы не изменились, на днях они должны навестить Либерхоффе. Что, хочешь полюбоваться на результат своего колдовства?

– Ты не имеешь права судить меня!

– А ты, значит, имеешь? Фредерика, меня... Кого ты еще осудила и прокляла, что на твоей двери соседи пишут, что ты ведьма, а?

– Что?... А, это... Это ерунда, – неожиданно успокоилась ведьма. – Никого я не проклинала. Это они от чистого сердца завидуют.

– Не боишься?

– А чего мне бояться? Для всего города я – обычный аптекарь. У меня и патент есть. А в магистратуре – почти одни старики с кучей всяких болячек, от которых особенно хорошо помогают именно мои лекарства. То же самое с настоятелем ближайшего монастыря и городским священником. Так что пусть пишут что хотят – я им не по зубам.

Ведьма помолчала, затем кивнула мне:

– Ладно, пошли в мою лабораторию. Посмотрим – может, что-нибудь удастся сделать.

При виде широкого стола, уставленного всяческими алхимическими сосудами, мне стало не по себе.

– Запрыгивай, – скомандовала ведьма. – Ну-с, что мы тут имеем?

– Э-э-э... а может, как-нибудь без этого? – промямлил я, встретив знакомый безжалостный взгляд естествоиспытателя, в руки которому попался необычный объект.

– Ты еще меня учить будешь, как мою работу делать? – Ведьма легко прижала меня к столу и взяла в руки что-то вроде щипцов зубодера, но явно рассчитанных на быка.

Я покорно закрыл глаза.

Придя в себя в очередной раз, я понял, что лапы мои свободны. Увы – все еще лапы.

То ли ведьма все-таки была не так безжалостна, как старый гном, то ли я начал привыкать, но в этот раз меня не стошнило. Впрочем, возможно, просто в желудок так давно ничего не попадало, что он не пожелал расстаться с сытным обедом.

– Итак, судя по моему виду, у тебя ничего не вышло...

– Прости. Безнадёжно. Я с похожим колдовством уже имела дело в начале лета. Заявился как-то ко мне юноша с ящиком, а в ящике – лягушка. Говорит, мол, зачарованная принцесса. Впрочем, может, оно и так на самом деле – разговор у лягушки той был очень даже грамотный, да и обхождение, если учитывать ситуацию, вполне благородное. Промучилась я с ней месяц, не меньше – благо юноша тот был сыном местного пивовара и щедро оплачивал мои попытки вне зависимости от результата. Но, увы, ничего не смогла изменить. Чары на травах и настоях вообще сложно развеивать, а тут попало совсем незнакомое мне колдовство. Пришлось мне тогда признать свое поражение.

– А что стало с лягушкой?

– Что-что? Отвез ее юноша назад на болото.

– Как?!

– А вот так. Что же, ему жениться на ней, что ли? – пожала плечами ведьма. – Пока была надежда, что из нее получится принцесса, папа готов был вкладывать деньги в блестящее будущее сыночка. А как стало ясно, что останется она на всю жизнь рептилией, тут уж – извините. Да и сыну тоже никакого резона жить с лягушкой не было. Так что отвез он ее назад, в то болото, где нашел.

– А заколдовал ее тощий седой колдун с лицом унылой лошади? Или молодая ведьма, похожая на мальчишку?

– Нет. Если верить лягушке, то была она раньше принцессой в соседнем королевстве и заколдовал ее придворный маг короля – то есть ее отца. Не думаю, что придворный маг будет мотаться по свету под видом бродячего фокусника. А тебе-то зачем?

– Если он заколдовал ее тем же способом, что заколдовали меня, возможно, он сумеет меня расколдовать. Я ведь не знаю, где искать этих фокусников, а времени у меня совсем мало. Тут хотя бы известно, где искать этого мага.

– Ну что ж, может быть, ты и прав. Есть, правда, еще один вариант...

– Да?!

– Но, мне кажется, тебе он бесполезен.

– Говори же?! – Во мне проснулась надежда.

– Это такой закон магии... Магия ведь тоже подчиняется законам природы. Нарушая природное равновесие в одном, колдун должен как-то уравновесить заклятие в другом. Потому каждое заклятие скрепляется «ключом» – условием, выполнив которое, человек разрушит равновесие, и заклятие распадется само собой.

– И что же должен выполнить я?

– Увы, ведьма, которая заколдовала тебя, проявила завидное коварство. Условие – она должна полюбить тебя.

– Проклятье... Спасибо за хлеб-соль, добрая госпожа. Я пойду прямо сейчас – до соседнего королевства путь не близкий. Прощай.

– Прощай.

Несмотря на то, что ведьма меня расколдовать не смогла, я покидал ее дом в приподнятом настроении. Великие чудеса способна творить хорошая еда. В зубах покачивался узелок с сушеным мясом, которое ведьма собрала мне в дорогу. Впереди брезжила какая-никакая надежда... Тут я заметил мальчишку, которого сегодня уже видел мельком во время «выступления» на рыночной площади. Он еще тогда показался мне знакомым, но я как раз выполнял замысловатый акробатический кульбит, а когда встал на четыре лапы – не нашел его в толпе. Сейчас этот мальчишка спокойно стоял, преграждая мне дорогу, и смотрел на меня с явной насмешкой. И тут я его узнал – Синяша! Значит...

Мою шею обвила петля, и я оказался вздернутым над землей, беспомощно размахивая лапами.

– Попался! – взревел кто-то позади меня торжествующе.

– Осторожнее, не задуши его до смерти! Этот зверь очень дорог мне, – раздался знакомый голос синьора Сароза. – Вот, дружище, опускай его в этот мешок.

Мелькнули лица Марка и Матвея, и над моей головой сомкнулась темнота. Веревка на шее ослабла, я смог глотнуть воздуха и начал немного соображать. Темнота оказалась на ощупь плотной и ворсистой. Рогожа. Рогожный мешок! Я проковырял когтем дырочку и успел рассмотреть Огюста, отсчитывающего монеты рослому мужику в потрепанной одежде. В руках мужик сжимал длинный шест с петлей на конце. Вот как... Значит, цирк синьора Сароза все-таки догнал меня. Синяша, видимо, явился на рыночную площадь поработать зазывалой, а я в тот момент там выделялся. Он выследил меня до дома ведьмы, предупредил отца, а тот успел где-то нанять собачника... Впрочем, за то время, что я пробыл у ведьмы, он успел бы собрать здесь целую армию. И что, скажете, я был неправ, называя свою удачу странной?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт вновь оказался в плену у жестокого хозяина бродячего цирка и какой неожиданностью это закончилось для синьора Огюста Сароза

– И снова здравствуйте, почтеннейшая публика! Щедрые господа, прекрасные дамы! Мы рады представить вам истинное чудо дрессировки – кота ученого! Все вы прекрасно знаете, что эти твари слишком тупы и ленивы, чтобы обучиться хотя бы тем трюкам, которые легко выполняет любая собака. Но ваш покорный слуга не знает слова «невозможно»! Даже кота можно научить танцевать – было бы желание и... хороший кнут! – Огюст подмигнул зрителям, легким движением кисти заставляя кнут извиваться и дрожать, словно тот был живой.

Увы, теперь я прекрасно знал, до чего искусно синьор Сароз управляет кнутом. Выпустив меня из мешка, Огюст первым делом сообщил мне, что раньше у него в цирке были еще и дрессированные животные, а дрессировщиком был он сам. От животных пришлось отказаться – при постоянных переездах с ними слишком много хлопот, но опыт умелого обращения с кнутом у синьора Сароза остался. И он мне его тут же продемонстрировал. Через мгновение я лежал на земле, сбитый с лап кончиком кнута. Через пару минут – больше не пытался встать, через пять не выдержал и запросил пощады. Через десять синьор Сароз утомился и приказал Марку отнести меня в фургон и посадить на цепь.

Марк тащил меня за хвост, это было очень больно и унижительно, но после кнута Сароза казалось сущим пустяком.

Надо признать, синьор Сароз и впрямь был убедительным дрессировщиком. За эти десять минут он меня так убедил, что даже мысль о каком-либо сопротивлении его приказам вызывала у меня ужас. Я не трус. Я служил ландскнехтом много лет, сотни раз ходил в атаку и еще большее число раз удерживал атакующего неприятеля, на мне есть шрамы от пулевых ранений, от мечей, копий и даже шрапнели, я не хочу, конечно, но и не боюсь умереть: наемники редко умирают от старости – издержки профессии. Но эти десять минут равнодушного показательного избиения сломили мою волю. Я не осмелился роптать, когда меня посадили на цепь, слишком короткую даже для того, чтобы спрятаться под фургон. Ее только-только хватало спуститься на землю, чтобы справить нужду. Места на топчане мне теперь не полагалось, для меня в углу фургона бросили мешок. О походах на кухню к доброй синьоре Сароз тоже пришлось забыть. Раз в день – вечером – кто-нибудь из артистов приносил мне миску с обедками. Судя по всему, это было то, что оставалось после ужина других циркачей, а, если учитывать, как скудно кормил их Сароз, оставалось негусто.

Но все это было не так страшно, как то, что Сароз решил провести в Либерхоффе не меньше двух недель. Сборы получались хорошие, а вот погода испортилась – все еще было довольно тепло, но шли проливные дожди. Я понимал, что путешествовать по раскисшим дорогам удовольствие ниже среднего, но мне казалось, что Огюст откладывает выезд специально, чтобы помучить меня. Впрочем, что толку? Даже если я увижу проклятого фокусника в двух шагах от телеги, все, что мне останется, – помахать ему лапой.

– Ты что, заснул?

Кончик кнута преболно вонзился в мою лапу. Я жалобно мявкнул и послушно закувыркался по кругу. Толпа заплодировала. Сароз стал теперь пускать в ход кнут при любом промедлении с моей стороны и делал это с пугающим удовольствием. Думаю, если бы не прибыль, которую ему приносили мои выступления, он бы меня забил. Впрочем, он вполне компенсировал упущенное удовольствие, добавив мне парочку унижительных и опасных трюков.

После третьего за день представления мои дневные мучения закончились, но особой радости это у меня не вызвало. Во время представления хотя бы некогда было думать о том, что шансы вернуть человеческий облик тают на глазах. Сидя же на цепи в фургоне, я просто физически ощущал, как время утекает промеж когтей...

– Ваш ужин, господин.

Я вздрогнул, открыл глаза... Кажется, я задремал – усталость и постоянный страх вымотали меня окончательно. Смешно подумать, что кто-то будет обращаться ко мне на вы и называть «господином».

– Господин... вы спите?

А... Ну конечно, один такой человек все же остался.

– Нет, Андрэ. Даже если бы и спал, то ради такого великолепного ужина обязательно проснулся бы. Что тут у нас? О! Поросенок, фаршированный перепелками! А это? Форель! Какая прелесть! Вино... мм... дай-ка я угадаю..

– Господин? – Голос Андрэ прозвучал встревоженно. – Господин, вам нехорошо? Какой поросенок? Какая форель? Здесь немного мяса на костях и ячменная каша... тоже немного. Я хотел оставить побольше, но Синяша присосался к котлу как паук к мухе, все пихал в себя, пока из носа не полезло.

– Эх, Андрэ... ты разбил мои хрустальные грезы своим грубым реализмом. Ладно, не пугайся – все со мной в порядке. Это я так шутил.

– А-а-а... Да, понимаю... Кости и каша – поросенок. Да, и впрямь смешно!

– Ты меня удивляешь, Андрэ! – заметил я, пытаюсь обнаружить на костях хоть что-то съедобное. – Ты научился улавливать иронию?

– Наверное. Не знаю, что такое эта ирония, но у вас смешно получилось, – признался Андрэ. – Я теперь все время разговариваю с господином Фредериком. Говорит, правда,

больше он. А я слушаю. Он очень умный.

– Замечательно. – Тщетно. Кости напоминали отполированные десятками ладоней древки копий. Я вздохнул и принялся за кашу. – Видимо, тебя поспешили записать в дурни. Просто у тебя не было возможности развиваться.

– Да, наверное. – Андрэ вздохнул. – Теперь этого уже не узнать.

– Это еще почему?

– Сегодня господин Фредерик сказал синьору Сарозу, что покидает цирк и остается жить в Либерхоффе. Вроде как жениться надумал.

– Что ж... Рад, что хоть у кого-то в этом мире все закончилось хорошо. Как на это отреагировал Огюст?

– Сказал, что старого дармоеда давно пора было выгнать, да он держал его из жалости. И что так тупо острить сможет даже его сын, которому и платить не надо.

– Это хорошо. А то я убедился, как может быть настойчив Сароз, если не хочет отпускать артиста.

– Мне очень жаль, господин.

– Да ты-то тут совсем ни при чем, Андрэ. Не переживай. Он ведь и меня как ловко обставил...

– Я больше так не могу, господин, – вдруг выпалил Андрэ шепотом. – Нам надо бежать!

– Мне казалось, ты доволен своим положением? – осторожно, боясь спугнуть удачу, произнес я. – Ты ведь раньше отказывался бежать?

– Тогда да. – Гигант опять нервно оглянулся. – Я думал – это только поначалу так тяжело. Сароз говорил, что у цирка временно плохо с деньгами, а как заработаем – будет легче. Я поверил. Но мы зарабатываем все больше, а легче не становится, наоборот – выступать приходится все больше, а синьор Сароз продолжает экономить на всем. Вчера он поехал на рынок закупать продукты и взял с собою меня – чтобы таскать мешки. Он купил самую гнилую капусту! А мясо покупал даже не на рынке, а у какого-то сомнительного типа, и я... я боюсь есть это мясо, господин! По-моему, Сароз сошел с ума.

– Да нет, Андрэ, не думаю. Из всех нас он сойдет с ума последним. Просто ему золото немного вскружило голову... Впрочем, нам от этого не легче. Думаю, он нас всех уморит своей скупостью, а потом найдет новых бродяг.

– Я бы давно сбежал, да боюсь, – признался Андрэ. – Вот сбегу я... Куда мне идти? Что делать? Хорошо, что вас поймали!

– Вот спасибо, дружище!

– Ой! Простите, господин! Конечно, плохо, но для меня – хорошо! Я вам помогу. Мы вместе убежим, и я опять буду вашим оруженосцем.

– Ну что же... – Я с трудом удержался, чтобы не завопить от радости. – Только клянись, что больше никогда не посмеешь уйти от меня к другому господину, если только я сам тебе не велю!

– Клянусь! – торжественно прошептал Андрэ.

– Принимаю тебя на службу. Теперь отвечай: ты можешь свободно приходить и уходить из табора?

– Вроде да... Я раньше, правда, только с господином Фредериком везде ходил, но мне не запрещают и одному...

– Это хорошо. Завтра после выступления скажешь, что хочешь прогуляться по городу. Иди на западную окраину, там какие-то склады – пять больших сараев, окруженных забором. Охраняет их сторож, но со стороны крепостной стены есть подкоп – собаки прорыли. Возьми с собой какой-нибудь инструмент – расширить подкоп. Проберешься внутрь – иди к самому правому сараю. Там в дальнем углу под соломой найдешь мешок с моей одеждой и меч. Постарайся вернуться так, чтобы никто не видел, что ты что-то принес. Когда все уснут, стащи у Сароза ключ от моего ошейника – я видел, он висит у него в фургоне на стене – и приходи сюда...

– Замечательный план! – У входа в фургон стоял Сароз и демонстративно аплодировал. – Я смотрю, ты никак не желаешь сдаваться, господин кот. Замечательно! Я ценю такую силу духа... Но только не в своих дрессированных животных! Когда в следующий раз будешь плести заговор, подумай о том, что у фургонов стенки из парусины. Синяша! Неси кнут, бездельник!

– Синьор Сароз... отпустили бы вы нас с господином капитаном, – глухо произнес Андрэ, глядя в землю. – Ну что он вам сделал?

– Ты... Самсон недоделанный, ступай в свой фургон! Я тобой позже займусь... Вот закончу с нашим неумным зверьком, отдохну и займусь. Твое счастье, что ты у нас дурачок, а значит, и вина твоя исключительно в недомыслии.

Тут примчался сияющий Синяша, прижимая к груди кнут отца.

– Синьор Сароз... – вновь попросил Андрэ, загораживая меня от хозяина цирка, – отпустили бы вы нас...

– Ты что, хочешь, чтобы тебе первому всыпали? Ну как пожелаешь...

– Извините, синьор Сароз...

Видимо, Огюст давно раскусил Андрэ и был уверен, что при своих устрашающих габаритах гигант совершенно не способен причинить кому-либо вред. Иначе успел бы увернуться – драться Андрэ совсем не умел и от его кулака не смог бы уклониться разве что слепой. Сароз не сумел. Вернее, он даже не пытался – так поразил его сам факт, что кроткий увальень поднял на него руку. А потом его поразил кулак кроткого увальня, по размерам не уступающий голове синьора Сароза.

– Вмяк!

– Папа!

– Извините... – повторил Андрэ, провожая глазами улетающего Огюста. Летел тот, правда, низко и не очень далеко – ровно до соседнего фургона, где и улегся, не подавая признаков жизни.

– Молодец, Андрэ! – завопил я. – Быстрее за ключом!

– Хрен вам, а не ключ! – выкрикнул Синяша сквозь злые слезы и юркнул в главный фургон. Соревноваться с ним в быстроте Андрэ не мог. Великан еще только начал разворачиваться, как малолетний мерзавец уже выскочил наружу, сжимая ключ, и припустил прочь от табора.

– Проклятье... Андрэ, тебе надо бежать. – Я сам не поверил, что могу это сказать. Наверное, какое-то умопомрачение нашло. – Сейчас Огюст очнется... Ну ладно, не сейчас, но когда-нибудь он очнется, и тогда тебе несдобровать. Забери меч, продай камни – на какое-то время тебе должно хватить. Только не продешеви – рубин там точно настоящий, должен хорошо стоять... А лучше – неси его на улицу Маргариток. Там теперь живет Фредерик с женой, они хорошие люди и помогут тебе!

– Господин, господин... что вы такое говорите? Вы разве передумали бежать? Помоему, вот теперь вам совсем не стоит здесь оставаться!

– Ты упускаешь одно немаловажное обстоятельство. Ключа у нас нет, а пилить эту чертову цепь некогда!

– Да не нужен мне ключ, – проворчал Андрэ, запуская пальцы правой руки под обод ошейника, а левой сжимая замок. – Вот еще! Самсон я или не Самсон?

Он напрягся, резко выдохнул... лицо страшно перекосилось, налилось кровью...

– Андрэ, перестань, это бесполе...

Раздался хруст, и гигант шагнул назад, сжимая в руках ошейник и кучку железного мусора, оставшегося от замка.

– Обалдеть... Андрэ, тебе Самсон в подметки не годится! – воскликнул я, прыгивая на землю. – Все, бежим отсюда!

– Постойте... – Из главного фургона выбралась синьора Сароз. – Подождите. Вот...

Она протянула Андрэ сверток.

– Здесь сушеное мясо, которое отобрали у вас, господин капитан. И немного еды от

меня. Я ведь знаю, Андрэ, ты все время голодный. Не держите на нас зла, господин капитан. Огюст неплохой человек, раньше у нас цирк как одна семья был, а потом у него от золота ум за разум зашел. Может, теперь немного на место встанет? Ступайте, а то Синяша, не ровен час, стражу приведет...

Я же говорил – настоящая кампфрау!

Поблагодарив добрую женщину и в последний раз оглянувшись на табор и высыпавших из фургонов на шум циркачей, я побежал по улице, ведущей на запад. Рядом топал, шумно сморкаясь и утирая умильные слезы, Андрэ.

– Ну ты чего сырость развел? Да, синьора Сароз – замечательная женщина. Если доведется мне вернуть человеческую шкуру и найти ее – постараюсь отплатить за доброе отношение... Так что, может, еще увидимся с ней, не реви.

– Да... – всхлипнул Андрэ. – Я понимаю. Просто эта колбаса... в ней столько перца!

– Иезус Мария!

Всю дорогу до складов я ждал погони, но то ли Огюст все еще не пришел в себя, то ли после неожиданной выходки Андрэ побоялся нас преследовать, в любом случае никто нам не мешал. Оставив Андре у крепостной стены, я быстро пробрался на склад и так же быстро вернулся назад с вещами. Ни на обратном пути, ни у главных ворот нас никто не пытался задержать. Уже через полчаса мы бодро – насколько это было возможно под мелким нудным дождем – шагали по дороге, ведущей в столицу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, **в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт** **повстречал заколдованную принцессу-лягушку и какой** **неожиданностью это закончилось для Андрэ по прозвищу Булыга**

– Не понимаю, чем ты недоволен, Андрэ? – Я свернулся клубком на подстилке из еловых веток и смотрел сквозь прикрытые веки на костер. – Неужели у Сароза в цирке было лучше?

– Не обижайтесь, господин, но лучше, – с обескураживающей прямоотой ответил мой оруженосец. – Там хотя бы каждый день кормили.

Интеллектуально Андрэ за то время, что мы знакомы, вырос просто колоссально. Увы, пока еще не настолько, чтобы научиться хотя бы основам дипломатии, так что мне приходилось мириться с тем, что врать он не умеет абсолютно.

– Должен заметить, Андрэ, что ты слишком уж много внимания уделяешь еде, – примирительно заметил я, пряча нос в лапы.

– Это вы верно подметили, господин! Дело не только в еде. Еще там у нас была крыша над головой – в фургоне в спину не задувало и с ветвей за шиворот не капало. А вечером у костра можно было выпить вина и петь хором...

Вот и как с таким разговаривать?

Приходилось, впрочем, признать – в его словах есть доля правды. Изрядная доля правды. Но, с другой стороны, ведь сам же Андрэ и истребил все наши запасы уже на второй день пути! Даже немилосердно переперченную колбасу, которою Сароз явно купил по дешевке у испортившего ее мясника. Тот небось и не надеялся, что найдется покупатель на такую гадость, а бережливый Огюст тут как тут... И ведь плакал в три ручья, давился, а съел все подчистую. Зато потом весь день попеременно пил воду и бегал в кусты. Так что постыдился бы жаловаться – я и сам бы сейчас от кусочка той колбасы не отказался! Ну а дождь – вот это уж совсем нечестно с его стороны! Если уж даже я – кот! – не жалуюсь на редкие брызги дождя, то человека они вообще беспокоить не могут.

Впрочем, думаю, все действительно из-за этого нудного, едва заметного дождя, который толком и промочить-то не может, но действует угнетающе. Да еще небо постоянно затянуто тучами... По моим подсчетам, до столицы нам идти еще дней пять. А завтра уже пойдет семнадцатый день сентября! Значит, при самом удачном раскладе до столицы нам

раньше двадцать второго, а скорее даже двадцать третьего сентября не добраться. Это совсем неплохо, если только фокусник и ведьма решили зазимовать в столице. А если нет? Сколько добираться до соседнего королевства, я не знал – никогда там не был. Проклятье!

С этими мыслями я и заснул. Снились мне всякие гадости – цирковое выступление, синьор Сароз с кнутом, старый Эйсмарх и огромные наглые мыши. Одна мышь сказала другой: «Вроде эта та самая белка?», на что другая ответила: «Да они все на одно лицо». Я открыл глаза и сел... Мыши исчезли, зато вместо них из кустов на меня тарасились три очень знакомые волчьи физиономии.

– Шолом! – приветствовал я старых знакомцев. – Как ваше ничего?

– Гля, Крест, и впрямь та самая белка! – прорычал Беспалый. – Ну молись, блохастая, – сейчас мы тебя мочить будем!

– За что? – возмутился я. – Что вам толку с меня? Сами же говорили – на один зуб!

– За Сиплого ответишь! – ощерился Крест.

– А что не так? – Я посмотрел на толстого волка. Он посмотрел на меня. Очень странный у Сиплого был взгляд, надо признать. – Вроде он жив-здоров...

– Сиплый! – Крест толкнул плечом своего товарища.

– Гы-гы, – неожиданно выдал Сиплый. И снова замолчал, напряженно разглядывая собственный нос.

– После того как твоя лошадь приложила его копытом, Сиплый совсем сдал, – почти дружелюбно объяснил мне Крест. – Не то чтобы мы так уж его любили, но он долгое время был одним из нас, мы привыкли к нему...

– Я прекрасно понимаю ваши чувства, но он был контужен в честном бою. Мы с Иголкой сражались за свою жизнь. Да и в конце концов вы ведь уже отомстили моей лошади.

– Чо он сливает? – возмутился Беспалый. – Крест, он же нам фуфло сливает! Чужую мокруху шьет!

– Нишкни, сявка! – рыкнул на него Крест и опять посмотрел на меня. – Лошадь мы не догнали. Если кто ее и завалил, то не мы. А жаль...

– Ну ладно, а при чем тут я?

– Но отомстить-то кому-нибудь надо? – резонно возразил Крест.

– Знаешь такую поговорку – собрался мстить, рой две могилы?

– Э-э-э... ты о чем? Какие еще могилы? – растерялся волк. Похоже, в его философии мысли о погребении тела врага не возникло. Логично. – Не будем мы тебя зарывать, не боись. Просто съедем. И тебя, и человека.

– А он-то в чем виноват?

– Да ни в чем. Его мы съедем безвозмездно. То есть даром.

– Волки же на людей не нападают!

– Это тебе кто сказал? – удивился Крест. – Волки?

– Э-э-э... Нет, люди.

– Ну люди чего только не выдумают...

В следующее мгновение я вонзил когти в ногу Андрэ. Бедняга взвыл дурным голосом и подскочил сажени на две.

– Господин?! За что?!

– Андрэ, волки!

То ли на Андрэ так подействовала боль в ноге, то ли он вообще резко умнел в опасной ситуации, но оруженосец вновь проявил неожиданную сообразительность и быстроту реакции. Не медля ни мгновения, он сгреб головешки и тлеющие угли – на самом деле в его лапищах уместился почти весь костер – и метнул в морды сунувшихся было вперед Креста и Беспалого. Пока ослепленные и обожженные волки катались по траве, пытаясь унять боль, Андрэ схватил в охапку мешок, закинул на плечи меня и помчался через лес не хуже Иголки в ту памятную ночь. Последнее, что я увидел, – Сиплый, прыгающий на задних лапах в попытках поймать пастью хлопья пепла. К счастью, уже начинало светать и Андрэ удавалось

огибать наиболее заметные деревья. Правда, подлесок и кусты он сносил не хуже матерого лося во время гона. Очухавшиеся волки преследовали по пятам, но оруженосец со страху развил такую скорость, что догнать нас они никак не могли.

– Господин! Смотрите – дорога!

Оказалось, какие-то таинственные инстинкты вывели Андрэ почти к самому тракту, нужно было только перебраться через небольшой – шагов десять – участок болота. Ни на мгновение не задержавшись, Булыга запрыгал с кочки на кочку, как заправская лягушка. Позади раздался разочарованный вой. Оглянувшись, я увидел скрывающихся в кустах волков – видать, не решились сунуться за нами в топь.

– А это не так уж трудно, – обратился ко мне Андрэ, перепрыгивая на пятую по счету кочку. – Надо просто прыгать с кочки на кочку, не останавливаясь, и все дела!

– Замечательное открытие, Андрэ! Ты прирожденный болотник. Только хочу обратить твоё внимание на одно обстоятельство... – озабоченно произнес я, оглядываясь.

– Какое?

– Даже на два. Первое – кочки впереди закончились. И второе – мы тонем!

– А? – Оруженосец попытался развернуться, чтобы вернуться на шаг назад, но потерял равновесие и рухнул в грязь.

– Помогите! Спасите! Господин!

– Перестань орать! – Я выбрался на берег и принялся вылизывать мех.

– Господин?!

– Перестань орать, я говорю. И хватит барахтаться. Там курице по колено.

Андрэ с пристыженным видом выбрался на берег и начал стаскивать вымазанную в грязи одежду.

– Ка-а-акой мужчина-а-а!!! – Полный восхищения женский голос заставил меня подпрыгнуть на месте.

– Кто здесь? – жалобно спросил Андрэ, прикрываясь ладошками.

– Да ладно, все, что стоило разглядывать, я уже рассмотрела.

– Тьфу ты! – Я снова взялся за свою многострадальную шкуру. – Андрэ, успокойся, это всего лишь лягушка.

– Всего лишь?! – раздался возмущенный вопль с кочки.

– Как это «успокойся»? Она разговаривает!

– Ну и что? – Тут и до меня дошло. – Ты что, тоже понимаешь ее?

– Так а я о чем говорю?!

– А-а-а! Вот оно что! – Я подошел к берегу болота и отвесил учтивый поклон. – Прошу извинить меня, принцесса! Я так давно в этой шкуре, что уже воспринимаю говорящих зверей и птиц как должное. Капитан Густав Конрад Генрих Мария фон Котт – ваш покорный слуга!

– Вы знаете обо мне? – обрадовалась принцесса. – Вас случайно не мой отец послал?

– Увы, не имею чести знать вашего батюшку. А вашу историю поведала мне ведьма из Либерхоффе – та, что пыталась вас расколдовать. Я обращался к ней с той же проблемой... с тем же результатом, к сожалению.

– Неужели вы тоже пострадали от колдовства мэтра Мордауна?

– Э-э-э, мне трудно утверждать, но один из колдунов, причастный к моей беде, называл себя Дестротусом, а имени его сообщницы я не знаю.

– Дестротус... Дестротус... Нет. Никогда не слышала этого имени. Меня заколдовал придворный маг моего папеньки мэтр Морган Мордаун. Не думаю, что он стал бы скрываться под таким нелепым псевдонимом.

– Ну с таким-то именем, как у него, псевдоним ему не помешал бы, – попытался пошутить я. Совершенно не представляю, как вести себя в обществе коронованных особ. Тем более когда оные особы всего в фут размером, зеленого цвета и в разговоре заметно приквакивают. – А почему вы не остались у ведьмы? Все-таки болото...

– В этом виде мне лучше на болоте. У ведьмы в доме слишком сухо, моя кожа была в

ужасном состоянии, несмотря на постоянные водные процедуры. Да и здешние мухи и комары не чета городским – никакой химии, сплошь натуральный продукт.

– Но скоро наступит зима...

– И я усну вместе с другими обитателями болота, – вздохнула принцесса. – Это и к лучшему. Во сне нынешнее мое положение не будет беспокоить меня, время до весны пролетит незаметно. А весной, может быть, и занесет в наши места какого-нибудь принца... Кстати, никто из вас случайно не принц?

– За себя могу поручиться – род фон Коттов, конечно, невероятно благороден, но венценосных особ в нем точно не было. А мой спутник вроде бы из крестьян. Правда, я знаю его меньше месяца, и за это время он не раз удивлял меня, но... посмотрите сами – какой из него принц?

– А? – Мой оруженосец между тем, стыдливо обмотав чресла какой-то тряпкой, пытался отстирать одежду. Выглядел он, надо признать, впечатляюще – вылитый Геркулес – но вот лицо подкачалось. Как-то не вяжутся с обликом принца узкий лоб, мощные надбровные дуги, нос картошкой и выдающаяся нижняя челюсть. Особенно же идет вразрез с обликом принца выражение младенческой наивности, придающее этой вполне страхолюдной внешности совершенно невообразимый вид.

– Ничего, Андрэ, мы просто с принцессой беседуем... А зачем вам принц?

– Это ключ от наложенного на меня заклятия. Если меня поцелует принц, оно развеется. А у вас какой «ключ»?

– У меня – совершенно бесполезный. Хитрая девка, которая меня заколдовала, поставила условием, что полюбит меня. Чисто женское коварство! Ясное дело, что пока она где-то болтается со своим фокусником, вряд ли ее вдруг охватит нежное чувство ко мне. А когда я найду их, мне проще будет уговорить ее, или подкупить, или заставить...

– Ну-у-у, я бы не была так уверена. Плохо вы знаете женщин... А может, все-таки ваш оруженосец – принц? Только сам об этом не знает? Мало ли – проезжал король через их село, остановился водички попить. Дело-то обычное. Пусть поцелует меня!

– Как пожелаете. Андрэ! – Я подошел к тщетно размазывающему по штанам грязь оруженосцу. – Иди. Поцелуй ее.

– Кого? – От изумления Андрэ выронил штаны назад в болотную жижу. – Да она ж лягушка!

– Она еще и принцесса. Если повезет – от твоего поцелуя она тут же превратится в человека. – Я намеренно опустил минимальный социальный ценз для кандидатов. Мало ли и впрямь по селам королей ездят водички испить, – Поженитесь, станешь королем. Ну или хотя бы денег дадут за спасение принцессы.

– Не буду я ее целовать! Что вы такое говорите?! Ужас какой! Она ж зеленая, склизкая, противная!

– Тихо ты! Подумаешь – чмокнешь разок! Можешь глаза закрыть...

– Ага! А от них еще бородавки бывают! Вскочит у меня бородавка на языке – что делать буду?

– Нет в тебе никакого сострадания, Андрэ, к несчастной девушке, – решил зайти я с другой стороны. – Каково ей лучшие свои годы на болоте куковать? Она к балам привыкла, чтобы кавалеры вокруг стай вились, стихи ей под луной читали, серенады пели. А ты такую мелочь не хочешь сделать! Андрэ, это твой шанс! Ты только подумай – потом детям и внукам будешь рассказывать, что целовался с принцессой!

– У меня есть шанс рассказывать внукам, как я отказался целоваться с принцессой! – резонно возразил не в меру поумневший оруженосец. – На что вы меня толкаете, господин? Я и с обычными девушками еще не целовался, а тут, прости господи, извращение какое!

– Тихо! – Я прислушался.

Кто-то скакал по дороге – обострившийся слух подсказал, что едут две группы. Впереди во весь опор неслись одинокий всадник, а за ним, на некотором удалении, четверка тянула что-то легкое, скорее всего – небольшую карету. За каретой, если уши меня не

обманывали, следовал конный эскорт в две дюжины человек. Сразу видно... э-э-э... слышно – непростой человек путешествует.

– Кто-то скачет сюда со стороны столицы, – ответил я на недоуменный взгляд Андрэ. – Сейчас покажется...

Через несколько мгновений на дороге действительно показался всадник. По мере его приближения стали видны пышные рукава камзола из дорогой ткани, не менее пышные буфы штанов, заляпанные грязью сапожки из тонкой кожи и напудренный парик под легкомысленным беретом. Впрочем, и без всех этих внешних признаков одного взгляда на спесивое личико всадника хватило, чтобы опознать представителя бесполезной и иногда довольно зловредной породы людей, именуемых придворными. Заметив нас, человечек придержал коня и, высокомерно оглядев Андрэ с ног до головы, процедил:

– Эй, бродяга! Немедленно спрячься куда-нибудь и не смей высовываться, пока не проедет карета. Его величество Пусий Первый Великолепный не желает оскорблять свой изысканный взор зрелищем всяких оборванцев! Потом явишься в магистратуру ближайшего города и скажешь, чтобы тебя повесили за бродяжничество в непотребном виде. Понял? Кстати, не слышал ли ты в здешних местах разговоров о говорящей лягушке?

– Говорящей лягушке? – Раздавшийся с ближайшей кочки звонкий девичий голос заставил царедворца побледнеть и вытаращить глаза не хуже самой принцессы. – Я здесь, болван! Что, твой король разыскивает меня?

– Принцесса?! Вы! Здесь?! – На лице придворного отразилось то особое выражение сладостного восторга, которое свойственно пуделю, учуявшему мясной паштет. «Пудель» мгновенно свалился с лошади и встал на одно колено перед лягушкой. – Жак Луи Батист Альберт Дориан Этьен де Суфле, первый помощник младшего посыльного при дворе его величества Пусия Первого Великолепного! Ваш покорный слуга, принцесса!

– Мне плевать, как тебя зовут! Я тебя о чем спросила?! – отчеканила принцесса раздраженным тоном. – Твой король меня разыскивает?

– Э-э-э... Да, ваше величество!

– Чтобы поцеловать?

– Э-э... мм... я сомневаюсь, – замялся Жак Луи. – Вряд ли, ваше величество. Вообще-то это ваш отец, великий король Хилобок Четвертый попросил вас найти. Они ехали в Либерхоффе, поскольку узнали о появлении там говорящей лягушки... Простите... Вас, принцесса! Они вот-вот будут проезжать мимо. Я был послан вперед, дабы подготовить горожан Либерхоффе к прибытию венценосных особ.

– Папенька здесь?! Замечательно!

Мне показалось, что в голосе принцессы прозвучало что угодно, только не радость.

– Ваш отец обещал награду тому, кто вас отыщет! – продолжил посланник все тем же идиотски-восторженным тоном. – А тому, кто расколдует вас, обещал вашу руку и права на половину царства. Позволите ли вы попытаться...

– Ну уж нет! По тебе и так видно, что королей в роду не было. А если и были, то все давно выветрилось. – Принцесса повернулась к Андрэ. – Ну ты, громила! Долго тебя ждать?

– А?

– Половину царства, значит... – повторил я. На дороге появилась карета в сопровождении десятка всадников. Надо было спешить. – Андрэ! Болван! Смотри – золотой в болото уронил!

– Где? – Не чувствуя подвоха, оруженосец нагнулся над водой.

– Ниже, ниже... Ну неужели ты не видишь?

– Господин, так ведь у нас нету никакого зол...

– Извини, Андрэ, но так надо! – Я изо всех сил вцепился в его ягодицу когтями. Бедняга взвыл и, потеряв равновесие, кувыркнулся в болото.

– Господин! За что?!

– Фи! Как это невоспитанно!

– Не принц, – мрачно констатировала лягушка, отстраняясь от обалдевшего Андрэ. –

Но вообще это было неплохо.

– Этьен, что вы здесь делаете? Почему вы на коленях? Что здесь происходит?

Из подкатившей кареты высунулась одутловатая мордочка неопределенного возраста и пола в гигантском парике.

– Ваше величество! Ваше величество! Удивительнейшее совпадение – принцесса нашлась!

– В самом деле? О!.. Осторожнее, кузен! – Мордочка исчезла, изнутри раздались звук борьбы, потом явно упало что-то тяжелое и раздался треск рвущейся ткани.

– Дочка! – Дверца кареты распахнулась и наружу вывалился нелепый тощий человек, состоящий, казалось, из одних углов и выступов. Растрепанный камзол, впрочем, был роскошен, а седые всклокоченные волосы скреплял золотой обруч с символическими зубцами. Поправив на длинном породистом носу очки, он растерянно осмотрел всю собравшуюся на берегу компанию и расцвел, увидев лягушку.

– Доченька!

– Здравствуй, папа, – квакнула лягушка. – Что ты тут делаешь?

– Э-э-э... Как что? – Венценосный отец сдернул с носа очки и стал их нервно протирать. – Моя дочь пропала, потом до меня доходят слухи, будто бы ее превратили в лягушку и забросили в какую-то глушь в соседнем королевстве...

– Кхм... Ну не такая уж и глушь, – обиженно поправил его Пусий Первый, который также выбрался из кареты и теперь брезгливо разглядывал грязь, немедленно облепившую изящные туфли. – Конечно, это не столица, но все же...

– Ах, кузен, я же не об этом! Дочка, я все бросил, искал тебя целое лето, чудом, можно сказать, нашел, а ты мне, кажется, совсем не рада? И, кстати, что это за голый мужчина с тобой в одной... гм... в одном болоте?

– Все бросил! Вот именно! Отец, чем ты думал?! – сердито завопила принцесса. – Неужели ты не понял?!

– Я и сейчас не очень понимаю... Доченька, ты не простудилась здесь – в болоте? Может быть, у тебя жар? О чем ты говоришь?

– Жар?! Папенька, только ты мог не сообразить, что все это – заговор! Нас нужно было убрать из столицы, со мной это проделали колдовством, а ты сам, добровольно, бросил трон и уехал!

– Но как же... Я ведь не мог тебя оставить в таком положении? – растерянно забормотал король. Честное слово, мне его даже жалко стало. – Как же?..

– Должен признать вашу проницательность, принцесса! – вклинился в разговор Пусий, сочувственно покачав головой, отчего вокруг парика за клубилось густое облако пудры. – Недавно нам доставили донесение, что этот противный колдун – мэтр Мордаун – воспользовавшись отсутствием моего дорогого кузена и вас, гм... милая племянница, захватил власть в стране.

– Вот видишь? Надо было просто послать за мной одного из этих дармоедов – твоих рыцарей, что вечно толкутся при дворе, меряясь длиной меча. Кого ты оставил за себя? Неужели...

– Но, милая, откуда же мне было знать? Мэтр Мордаун – самый умный из моих придворных. Он единственный, кто хотя бы узнал, где тебя искать... А!

– Молодец, папа! Сообразил! – ехидно квакнула лягушка. – Конечно, он знал, где меня искать! Он же меня сюда и отправил. Перед этим превратив в лягушку... Кстати, о превращении! Дорогой дядя, не хотите поцеловать свою племянницу?

– Э-э-э... – Нарумяненное личико Пусия исказило замешательство, граничащее с паникой. – Может быть, отложим формальности?

– Дядя! Это не формальности! Чтобы расколдоваться, мне нужно, чтобы меня поцеловал принц! Целуйте меня немедленно, черт возьми!

– Я не могу! – завопил Пусий, пытаясь скрыться в карете.

– Кузен! – Хилобок Четвертый немедленно вцепился в своего двоюродного брата. –

Возьмите себя в руки! От вас зависит будущее моей дочери!

– Я не могу!

– Я отдам вам ее руку и половину царства!

– Не нужна мне ее рука! С ума сошел?! И вообще – я же ее дядя! А царства у тебя уже нет! Ни целого, ни половины! Отпусти!

– Предатель!

– Насильник!

– Помнишь Мариэтту?

Пусий неожиданно прекратил сопротивляться и обернулся к Хилобоку.

– Ты знаешь, где она? – каким-то особым голосом произнес Пусий Первый Великолепный. Накрашенные губы короля дрожали. – Неужели... неужели, это ты?! Как ты мог?!

– Ну... Нет, конечно. – Хилобок Четвертый вытащил батистовый платочек и, опустив взгляд, стал оттирать с очков пудру. – Ты ведь помнишь, я даже в детстве больше внимания уделял цветам, чем людям... Это все Гарольд.

– Гарольд! – с нескрываемой злостью прошипел Пусий. – Я так и думал! Но почему ты мне не сказал? Мерзавец!

– Я боялся его! Он обещал побить меня, если я тебе скажу. А потом... потом просто забыл! Пусий, опомнись! Сорок лет прошло!

– Но зачем?!

– Ну ты же помнишь Гарольда? Вечные его эти игрушечные мечи, копья, доспехи, кони, рыцарская честь, подвиги... Он и когда вырос, ничуть не изменился, просто оружие стало настоящим. Он ведь и пропал из-за своих представлений о том, каким должен быть настоящий король – отправился в Палестину и сгинул. И мне пришлось стать королем – нельзя же семейное дело передать кому попало? А я всегда мечтал заниматься нашим дворцовым садом...

– Не отвлекайся! Что с Мариэттой?

– Так я и говорю: в детстве Гарольд был такой же! Знаешь, как его бесило, что ты сюсюкаешь над своей куклой, шьешь ей платица, устраиваешь кукольные приемы? Он мне много раз говорил: «Эта кукла сбивает Пуську с толку. Если она пропадет, он станет настоящим мужчиной!» Ну и в конце концов когда мы в очередной раз гостили в твоей семье, он ее украл и спрятал.

– Где она? – Голос Пусия Первого жалобно надломился. – Говори!

– Поцелуй мою дочь – скажу!

– Вымогатель!

– Ради дочери я и не на то пойду!

– Ладно... Отвернитесь все!

Пользуясь тем, что меня все игнорировали, я отворачиваться не стал. Хотя зрелище брезгливо чмокающего лягушку Пусия нельзя было назвать привлекательным, меня интересовал результат. Увы, ничего не произошло.

– Не принц, – мрачно констатировала лягушка, убедившись в отсутствии эффекта.

– Тьфу!

– Попрошу вас, кузен! Это все-таки моя дочь!

– Где моя кукла?

– Ладно... Гарольд спрятал ее внутри рыцарских доспехов, тех, что справа от камина в твоих нынешних покоях. Он сказал, доспехи – это последнее место, куда ты сунешь нос.

– Все это время она была рядом! – задыхаясь от переполняющих его чувств, воскликнул Пусий. – Немедленно в столицу!

– Но почему «ключ» не сработал?! – Хилобок Четвертый подозрительно посмотрел на кузена. – Ты ведь точно законнорожденный! Признавайся – наверняка схитрил и чмокнул губами в воздухе?

– Перестань, Хилобок! Что за отвратительные подозрения! Заклинание не

рассыпалось... ну наверное, потому что я уже не принц, а король...

– Скорее уж королева... – довольно громко проворчал Андрэ. – Можно мне уже вылезать? А то тут пиявки...

– А! Кстати! Кто все-таки этот голый мужик? – опомнился Хилобок. – И что он делает рядом с тобой...

– Это, ваше величество, не мужик!

Все обернулись на мой голос и остолбенели. За всей происходящей суетой я уже успел натянуть свои сапожки и встать на задних лапах во весь рост.

– Мама! – произнес кто-то из конного сопровождения. Тяжело рухнуло на землю чье-то бесчувственное тело в задних рядах. Но в целом можно сказать, мое преобразование восприняли спокойно.

– Густав Конрад Генрих Мария фон Котт, к вашим услугам! – со всем возможным изяществом отвесил я поклон королевским особам. – А это, как уже было мною сказано, не мужик. Позвольте представить – маркиз д'Карабас!

– Э-э-э... маркиз? – Пусий недоверчиво посмотрел на слегка обалдевшего от стремительного изменения социального статуса Андрэ. – А почему в таком виде?

– О! Все очень просто! – Я указал на свой мундир, который под шумок успел вытряхнуть из мешка. – Мой господин путешествует в поисках подвигов, которые могли бы прославить его. А поскольку он великий герой и, едва только слышав его имя, все злодеи и чудовища спешат скрыться, он путешествует инкогнито. Иначе совершать подвиги становится затруднительно – победа ввиду неявки соперника не очень популярна среди героев. Считается, что это неспортивно. Вот моему господину и приходится скрываться под личиной простого наемника.

– Совсем как Гарольд! – растроганно всхлипнул Хилобок. – Он тоже всегда путешествовал под видом обычного рыцаря! Даже на щите всегда носил специальный чехол – чтобы противник не увидел герб и не сдался без боя! Может быть, и мой бедный брат сейчас также скитается где-то...

– Хилли, опомнись – твой брат пропал двадцать лет назад!

– М-да... – Хилобок смущенно прокашлялся и водрузил очки на нос. – Однако это все не объясняет, что маркиз делает в столь компрометирующем виде рядом с моей дочерью?

– О! Все очень просто! – повторил я, торопливо подыскивая убедительное объяснение. – Вид моего господина вовсе не так nepотpeбен, как могло показаться. Сейчас маркиз встанет, и вы убедитесь, что чресла его прикрыты. А большего ведь не требовалось и от Адама! Маркиз, выходите!

– А... Пусть этот отвернется! Я стесняюсь!

– Пфе! Очень мне интересно смотреть на мужчину в потеках болотной грязи на теле... – капризно скривился Пусий Первый и, отвернувшись, достал пудреницу. – На мышцах... на бедрах...

– Простите, я сейчас помогу маркизу одеться и все объясню. – Я метнулся к Андрэ, который уже нацелился доставать из грязи свои тряпки. – Сюда, господин! Вот же ваша одежда!

– Это не моя...

– Тихо! – прошептал я. – Не порти мне игру! Запоминай, ты – маркиз д'Карабас. Великий герой в поисках приключений.

– Но...

– Никаких «но»! – Я повысил голос. – Господин! Позвольте, я оботру грязь травой!

– Но я не умею быть маркизом! – шепотом завопил Андрэ. – Они раскусят меня и повесят!

– Ничего! Я с тобой! Выкрутимся! Одевайся!

– Мундир мне мал! – Андрэ попытался затянуть шнуровку на бочкообразной груди, но без особого успеха. – Господин, я выгляжу смешно!

– М-да... Вылитая ливерная колбаска в оплетке, – критическим взором оглядел я

результат. – Ничего, вот – закутайся в плащ. О! Замечательно! Пошли. Не забудь поклониться колено перед королями.

– Я не знаю, что говорить!

– Ерунда! Ты герой, а героев постоянно лупят по голове, так что блистать умом и красноречием тебе необязательно. Предоставь разговаривать мне.

– Ох! Господин, у меня нехорошее предчувствие...

– Заткнись! И держись прямо. Если начнешь горбиться – поцарапаю! Помни – если нас разоблачат, я-то убегу, а вот тебя наверняка повесят!

То ли моя угроза подействовала, то ли вновь опасная ситуация пробудила в Андрэ какие-то скрытые резервы сообразительности, но он прекрасно справился с ролью. В меру надменно (видимо, из страха перед моими когтями) он прошествовал к двум королям и вполне учтиво бухнулся на одно колено и склонил голову – откуда только и взялось?! Пусий – будучи действующим королем – позволил Андрэ встать. Я немедленно оттеснил великана:

– Итак, ваши величества, вас несомненно интересует, почему столь великий воин, как маркиз д'Карабас, о подвигах которого вы, несомненно, слышали... Ну как же?! Его имя известно во всех цивилизованных государствах Европы!

– Да-а-а, я, кажется, что-то подобное припоминаю... – растерянно протянул Хилобок Четвертый.

– Да-да, я определенно слышал о нем! – немедленно сориентировался и Пусий Первый, строя глазки Андрэ.

– Отлично! Тогда я опущу и без того известные подробности о знатности его рода и величии его подвигов, а обращу свое внимание на события более насущные. Путешествуя по этой прекрасной стране инкогнито, мы заночевали где-то неподалеку отсюда. Ничто не предвещало опасности, и мы с маркизом спокойно погрузились в сон. Но посреди ночи на нас подло напала стая волков! Это была великая битва! Их было не меньше пятидесяти... да что я – их было не меньше ста! Огромных матерых зверей, с когтями, подобными сарацинским саблям, и клыками, острыми, словно кинжалы! Маркиз выхватил свой верный меч и бесстрашно вступил в битву. Конечно, днем такому герою и триста волков одолеть было бы как вам – прихлопнуть комара. Но, увы, в темноте мой господин видит гораздо хуже вашего покорного слуги, и нам пришлось отступить, разумеется – усеивая свой путь окровавленными хищниками, как это принято у героев! Под утро последние из них трусливо бежали, но мы совершенно потерялись в этих болотах. Без коней, багажа и даже вот... господин мой, сами видите, без сапог. Бесславная кончина от голода и холода ждала бы нас, но тут мы услышали прекрасный голос девы, напевающий какой-то из псалмов. Мы устремились на него и – о чудо! – обнаружили... вот... принцессу.

– Так все и было! – подтвердила лягушка ехидно. – Люблю, знаете ли, поутру спеть пару-другую псалмов.

– Принцесса рассказала нам свою историю, и маркиз решил испытать судьбу, – не дал я себя сбить с пафосной ноты. – Конечно, он совершенно уверен в своей родословной, но, знаете, как бывает – семейные легенды всегда намекают на возможность королевской крови. А в такой ситуации благородный человек обязан использовать малейший шанс. Мой господин разделся – замечу, сохраняя благопристойность! – и полез в болото. Увы, как видите, легенды оказались всего лишь легендами!

– Все равно! Вы поступили благородно! – Растроганный Хилобок обнял окончательно растерявшегося Андрэ. – Вы пытались спасти мою дочурку! Лучшего спасителя и будущего супруга для нее я не мог бы и пожелать! Как жаль... Право, даже не знаю, что теперь делать! Надо искать принца, да только где его найдешь? Во всех соседних странах либо в семье одни девочки, либо вообще республики. Демографическая ситуация ужасная! Пусий!

– Ну что опять?!

– Пусий, дай мне войска! Я должен отвоевать назад свое королевство и захватить этого мерзавца Мордауна! Это единственный способ спасти дочь!

– Хили, я тебя очень люблю и уважаю – таких прекрасных роз не выращивал ни один

из моих садовников, но войска я тебе не доверю. Ты же понятия не имеешь, с какой стороны браться за меч. И потом – даже если ты победишь войска Мордауна, вдруг его кто-то случайно убьет в пылу битвы? А если его даже и не убьют, ты что же, думаешь, он будет сидеть и ждать, пока его возьмут в плен? Он просто скроется, открыв проход куда пожелает – он ведь у тебя на этом специализировался?

– Но... Да... Но... Надо же что-то делать? – окончательно сник под градом аргументов Хилобок.

– Не теряйте надежды, сир! – воскликнул я. – Мы... э-э-э... То есть маркиз отправится в ваше королевство, освободит ваш трон и схватит этого вашего Мордауна. Задача как раз для такого великого героя!

– А?

– Да, конечно, конечно, прошу простить меня, господин! – Я незаметно запустил когти в ногу Андрэ и прошептал: – Молчи, дурень!.. Конечно, эта задача недостойна такого героя, как маркиз! Обычно он не разменивается на такую мелочь. Но ради прекрасной принцессы пойдет против своих обычных правил!

– О! Замечательно! Я так благодарен вам, маркиз! Клянусь – я свое обещание выполню. Рука моей дочери и полцарства в приданое!

– Э-э-э...

– Мой господин счастлив, что может оказать эту небольшую услугу, – поспешил я «перевести» растерянное бление Андрэ. – Я думаю, мешкать не стоит – отправляемся немедленно... Ах, да! Как я мог забыть!

– Что случилось? – встревожился Хилобок. – У вас обязательства в другом месте?

– Нет... Мне неловко об этом говорить, но... Мой господин немного не от мира сего – ну вы понимаете – герой, все такое. Наверное, он и не заметил отсутствия сапог, лошадей и поклажи. Его можно понять, он уже всеми мыслями там – на острие атаки, в центре боя. Но, согласитесь, как-то не пристало герою без сапог воевать. Да и на лошадях мы доберемся до Мордауна гораздо быстрее. Не могли бы вы в счет будущего приданого...

– О... Это деликатный вопрос. Дело в том, что у меня, как выяснилось недавно, ничего нет. Я прибыл к Пусию налегке... Ну ничего, я думаю, он мне не откажет.

Пусий Первый Великолепный долго отказывался от сомнительной чести спонсировать безнадежное – по его убеждению – предприятие. Однако объединенными силами, привлекая родственные чувства и грязный шантаж, нам удалось выбить из него лошадь, сто золотых и сапоги для Андрэ.

– Удачи вам, благородный маркиз! – Голос Хилобока Четвертого прозвучал неуверенно.

Я не мог его осуждать за это – зрелище пытающегося взобраться на коня Андрэ производило тягостное впечатление. Еще немного, и старик сообразит, что его надули. Я вскочил на лошадь и, вцепившись в штанину, неимоверным напряжением всех сил перекинул ногу оруженосца через седло. Раздался характерный треск рвущейся ткани.

– По-моему, костюм маркиза ему несколько мал, – заметил Пусий Первый.

– Он сел.

– Сел?

– Да, представьте себе – глупая прачка в Либерхоффе постирала его в кипятке, – невозмутимо соврал я. – Ничего страшного, пока он в седле, прореху все равно незаметно. Прощайте и ждите нас с победой!

– Мы будем следовать за вами со всей возможной скоростью, – пообещал Хилобок Четвертый.

– Помаши им рукой и скажи что-нибудь на прощание, – прошептал я Андрэ. – Что-нибудь героическое. Все же на подвиг отправляемся!

– Что сказать-то? – пропыхтел Андрэ, мучительно пытаясь сохранить равновесие и поймать ногами стремяна.

– Скажи, что обязательно надерешь задницу этому ублюдку! – раздраженно буркнул я в

спину гиганту. – Неужели...

– Я обязательно надеру задницу этому ублюдку! – послушно повторил «маркиз», поймав наконец стремяна.

Мне показалось, лошадь под нами сейчас упадет от смеха. Никогда не любил придворных – что людей, что лошадей. Когти привычно выскользнули из подушечек и вонзились в круп насмешницы. Заржав, та мгновенно сорвалась в галоп.

– Удачи-и-и-и... – долетело уже издалека.

У меня не нашлось храбрости обернуться и помахать лапой. Тем более обе передние лапы были заняты – я вцепился ими в седло, задние же – обутые в сапоги – беспомощно болтались в воздухе. Так что можно сказать, я все-таки помахал на прощание лапами. В некотором смысле. Гораздо хуже было то, что Андрэ начал потихоньку сползать назад, что рано или поздно должно было закончиться падением, а, поскольку болтался я позади оруженосца, то и к моему падению – тоже. Тут впереди показалась нависшая над дорогой толстенная ветвь, и я осознал, что наша поездка вот-вот закончится.

– Андрэ, пригнись!

– А?

– Пригни... А, черт!

Раздался треск от встречи лба оруженосца и дубовой ветви. К моему удивлению, Андрэ не вылетел из седла, а наоборот – судорожно сжал колени. Лошадь пробежала еще несколько шагов, придушенно захрипела и остановилась.

– Все, все, сдаюсь... Ваша взяла...

– Андрэ, ты как?

– А? Тьфу... – Оруженосец выплюнул несколько листьев. – Ох, господин... Что-то мне нехорошо. Может быть, пойдем дальше пешком?

– Если... он... не разожмет... колени... – простонала лошадь. – По-всякому... пешком пойдете...

– Андрэ, перестань сдавливать бока лошади. Ты ее сейчас задушишь.

– Уфффф... Ну и бык! – облегченно перевела дух лошадь. – На нем самом ездить можно! Вот наказание на мою спину...

– Терпи и гордись! – с пафосом произнес я. – Тебе выпала честь везти самого маркиза д'Карабаса!

– Ой, вот только не надо мне голову морочить! Твой «маркиз» впервые в седло сел – я же чувствую.

– Не вздумай никому проболтаться!

– Кому?!

– Ах да... Ну тогда чего стоим? Трогай давай! Бублинг заждался нас!

– А?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт посетил могущественного и коварного мэтра Моргана Мордауна и какой неожиданностью это закончилось для рыжей ведьмы

На десятый день октября мы выехали к границе с бывшим королевством Хилобока Четвертого. О том, что оно именно бывшее, пока еще не говорили вслух, но догадаться было несложно. В настоящий момент правил там Временно Исполняющий Обязанности Короля мэтр Морган Мордаун. Об этом сообщали глашатаи, разосланные ВрИОК мэтром Мордауном по всем окрестным городам. Кроме самого факта, сообщение содержало еще массу всяких пунктов касательно новых правил поведения, запретов и мер наказания за их нарушение, что сразу настроило меня против нового правителя. Я не против порядка, но даже худшего из самодуров предпочту зануде, перечисляющему, сколько шнурков на одежде положено каждому из сословий и как громко разрешается чихать в общественном месте.

Право слово – подобная любовь к деталям говорит о больших проблемах с головой у того, кто эти законы придумывал.

– А мне нравится! – подала голос Молния, внимательно прислушиваясь к тому, что выкрикивал глашатай.

– А также полагается выдавать на прокорм коням, лошадям, меринам и прочей уравненной с ними верховой и тягловой скотине меру овса не менее чем на золотой в неделю!

– Замечательная идея, – проворчал я. – А что делать тем, у кого нет золотого в неделю?

– А нечего всяким голодранцам на нас ездить!

– Угу... только ты кое-что не дослушала.

– Те же, кто не может обеспечить вышеназванной нормы, обязаны сдать скотину в пользу государства за определяемую специально назначенным чиновником сумму, либо – по договоренности – мясникам.

– Нет, пожалуй, мне все-таки не нравится это королевство, – немедленно изменила свое мнение Молния, нервно фыркая. – Может, не стоит дальше ехать?

– Не бойся, как-нибудь найдем мы тебе овса на золотой в неделю, – успокоил я лошадь. – А больше нам и не понадобится. Я вообще надеюсь управиться за день, максимум – за два.

– Ух ты! За день? – с уважением посмотрел на меня Андрэ. – У вас уже есть план?

– Разумеется. План очень простой. Мы въезжаем в столицу, я иду во дворец и прошу мэтра Мордауна превратить меня назад в человека. Понятное дело – просто так он со мной даже разговаривать не станет, но я придумаю что-нибудь. Например, скажу, что владею необходимой ему информацией. И поделюсь ею, только превратившись в человека. Думаю, он согласится – в конце концов, ведь лично ему я ничего плохого не сделал.

– А потом?

– А потом придумаю важную информацию. Например, что короли Хилобок и Пусий объединились и скоро будут с войсками под стенами столицы.

– Но это так и есть!

– Упс! Правда? Ну так тем лучше – ненавижу врать.

– Господин... Это неправильно, господин!

– Ты о чем, Андрэ?

– Неправильно это! Ну план ваш! Вы же обещали вернуть королевство Хилобоку и принцессе. Вы же сами сказали...

– Иезус Мария! Андрэ! Позволь тебе напомнить, что в тот момент у нас не было ни монетки за душой, мы несколько дней толком не ели и – в дополнение ко всему – ты был бродягой, на которого наткнулись сразу два короля. Да еще и в компрометирующей обстановке с дочерью одного из них.

– Она сама меня поцеловала! А вы меня подтолкнули! – возмущенно завопил Андрэ. – Я же говорил вам – не хочу...

– Это ты потом Хилобоку и Пусию рассказывал бы – с высоты ближайшей осины. Нет, ну вы только посмотрите на него – я ему шкуру спас, а он еще и недоволен!

– Нет, ну насчет шкуры – я доволен, вы не думайте. Но я думал, мы и правда принцессу едем спасать! Вы так уверенно это говорили...

– Нам необходимо было раздобыть лошадь и деньги – вот я и нес какую-то ахинею. И не смотри на меня так! Думаешь, мне это доставило удовольствие? Да все мои предки до седьмого колена сейчас на том свете со стыда сгорают. Но иногда приходится идти против принципов.

– У тебя есть принципы, хвостатый?! Ой, не смей меня!

– А ты прекращай ржать! А то сдам на колбасу – во исполнение приказа мэтра Мордауна!

– Тиран и деспот! – надулась Молния.

– Ну извините – какой уж есть! – разозлился я окончательно. – Андрэ, что было, когда

ты последний раз послушался меня и поступил так, как считал нужным? Вот то-то и оно! Так что прекращайте спорить и поехали. Хотя сегодня, надеюсь, мы заночуем на постоялом дворе, а не под елкой в лесу, и сможем наконец отведать нормальной горячей еды...

Последняя фраза произвела на Андрэ ожидаемое действие – великан немедленно заткнулся, и лицо его приобрело мечтательное выражение. Где-то я даже завидовал оруженосцу, все моральные терзания которого заканчивались с первой мыслью о еде.

Увы, сам я не мог с такой же легкостью забыть про обман. Да – именно так – несмотря на браваду и уверенный тон, принятое решение мне не очень-то нравилось. Совсем не нравилось, если точнее. Не пристало потомку славного рода фон Коттов прибегать к обману и предательству. Да и с принцессой-лягушкой как-то нехорошо получилось – вроде как сестра по несчастью. Но, с другой стороны, а что я могу сделать в этой ситуации? В одиночку напасть на могущественного мага? Ах, да! Не в одиночку, а при поддержке самозванца-маркиза, который боится насилия и теряет сознание при виде крови! Замечательный тандем героев. Его величество Хилобок Четвертый не мог сыскать себе лучших паладинов. Мэтр Морган Мордаун при одном нашем виде падет на колени и, при большой удаче, даже скончается в судорогах – от смеха. Только вот с моей удачей даже на это рассчитывать не приходится!

Я накручивал себя до самых ворот постоялого двора и почти уверился, что выбранная тактика – пусть и не совсем достойная – единственно возможная в сложившейся ситуации. Почти. Если честно, убедить-то себя убедил, но на душе легче от этого не стало. Я даже как-то оставил без внимания процесс нашего с Андрэ вселения и отвлекся от дум, лишь сообразив, что мы уже сидим в комнате трак-» тира, а на столе дымятся две огромные миски с кашей, щедро заправленной мясом. Похоже, мой оруженосец прекрасно справился самостоятельно.

– Неплохо... – отметил я, осмотревшись и приняв себя. – А что с Молнией? Приглядел?

– А как же, господин! Сам лично ходил за конюхом и смотрел, чтобы лошадку нашу не обидели! Да вы же со мной вместе были?! – сообразил Андрэ. – То-то мне показалось, вы о чем-то своем думаете...

– Э-э-э... Я просто тебя проверял. – Я торопливо набрал полный рот каши, чтобы избежать дальнейшего разговора.

Наивная попытка – Андрэ прекрасно умудрялся жевать и говорить одновременно.

– А вот скажите, господин... Ну вот вдруг этот маг вас расколдует?

– Меня-у... гм... Очень на это надеюсь!

– Ну вот! Может быть, вы на него нападете после этого?

– Опять ты за свое! Учítывая, что я окажусь перед магом безоружным и голым, очень интересно мне знать, с чем я, по-твоему, должен нападать на него? С голым достоинством наперевес? Кстати, скорее всего, этот маг во время встречи будет окружен преданными рыцарями и стражей. Полнейшая глупость, Андрэ. Нет, я нижайше поблагодарю мэтра Моргана и постараюсь со всей возможной быстротой покинуть и дворец, и само это несчастное королевство.

– А как же Хилобок и Анна?

– Какая еще Анна? – подавился я кашей.

– Принцесса... – Лицо Андрэ приобрело то же идиотское выражение, с которым он говорил, например, про окорок или яичницу с ветчиной.

– Опаньки... И когда это ты успел узнать, как ее зовут?

– Ну... это... Пока в болоте сидел. Вы не подумайте чего плохого, господин!

– Да ты знаешь, Андрэ... Даже с моим богатым опытом я ничего плохого по этому поводу подумать не могу – у меня просто фантазии на это не хватает! Но ты молодец! Шустрый какой – не ожидал!.. И что еще ты узнал про Анну?

– Она хорошая! – все с тем же идиотским выражением лица произнес Андрэ. – И несчастная.

– Да уж, с этим не поспоришь. Оказавшись в шкуре лягушки, странно было бы лучиться от счастья!

– Она и до превращения была не очень счастлива, господин...

– Уж конечно! – усмехнулся я. – Наверняка каждый день жизни принцессы был форменной трагедией! То чай подадут слишком горячий, то вино слишком холодное. А если ноготок сломает, вышивая гобелен, это же кошмар! Конец света!

– Да... наверное... Я об этом не думал, – растерялся Андрэ. Да, до понимания сарказма оруженосец еще не дорос. – Я же не знаю, как там при дворе у принцесс заведено. Но она мне не об этом рассказывала. Она мне толковала про государственные проблемы. У них, господин, все беды начались, когда король Гарольд в Сарацинии пропал. То есть на самом деле Гарольд тоже был не очень-то хороший король – у него только войны на уме были да охоты. С половиной соседних королевств он воевал, а к другой половине соседей влез в долги, чтобы, значит, было на что воевать. А потом ему вдруг ударило в голову отправиться в крестовый поход. Тогда, правда, никаких крестовых походов, как назло, не случилось, так он собрал несколько десятков самых глупых... э-э-э, ну в смысле – самых верных рыцарей и отправился с ними в Сарацинию. Там они все и сгинули. Ну а батюшка ейный – тот, который Хилобок Четвертый, – оказался еще хуже Гарольда, он совсем страной управлять не умеет и не любит. Одни цветочки на уме. Как с самого утра запрется в зимнем саду, так только к вечеру из него и выходит. И все рассуждения – о том, сколько навозу под какой куст насыпать и о своевременной поливке. А стране нужна твердая рука!

– Это чьи слова? Дай угадаю – Анны?

– Ну... да...

– Бедняга! – сочувственно покачал я головой. – Она уже пробралась в твой мозг!

– Ничё она не пробралась! – покраснел Андрэ. – Только один раз, когда целовала. И то до мозгов, по-моему, не достала.

– Не сомневаюсь. До твоих мозгов не так просто добраться.

– Спасибо, господин! – расплылся в благодарной улыбке оруженосец. – Так вот, она очень переживала, видя, как королевство пропадает. То соседи провинцию отхватают, то разбойник какой со своею шайкой займет несколько сел и объявляет себя независимым государем. Царедворцы и чиновники совсем обнаглели – мало что казну разворовали, так уж и из дворца что плохо лежит начали тащить. Принцесса Хилобоку про все это каждый день твердила, а он только отмахивался, говорил: «Не волнуйся. Как-нибудь все устроится само собой!» – и сбегал в свой ненаглядный сад. И тогда Анна решила взять власть в свои руки.

– М-да... Я заметил, что она очень решительная девица.

– Да, но не могла же она просто свергнуть Хилобок! Она его все-таки любит – какой-никакой, а отец! К тому же по законам ихнего королевства одна королева не может управлять государством. Обязательно должен быть король на троне.

– Настоящая дискриминация по половому признаку, – съехидничал я.

– Вот именно! – Оруженосец опять не понял иронии. Похоже, девица славно поехала по его ушам, пока я охмурял королей. – Но Анна не сдалась. Она решила срочно найти себе мужа. Тогда Хилобок с радостью отдал бы власть в их руки и засел бы в своем саду с легкой душой. Анна разослала глашатаев с объявлением – мол, ищется принц на должность короля. Для совместного управления королевством и прочих семейных надобностей. Ну натурально, на смотр собрался всякий бродячий люд, причем все как на подбор – принцы из дальних королевств. Князьев тоже не считано, а графьев и прочую мелочь на том смотре так и вообще за людей не принимали – дозволили только издали посмотреть да пожрать на халяву.

– И что, выбрала она кого? – поневоле заинтересовался я. В изложении Андрэ эти чуждые, в общем, для меня государственные перипетии обретали забавную окраску.

– В том-то и беда, что нет. Она ведь решила – дело не только личное, но и государственной важности. Тут нельзя только на свое женское мнение полагаться, не быка же на племя выбирает. Ну и позвала придворного мага – как самого умного из царедворцев. А тот – змей подколотный – ей на каждого претендента всяких гадостей и наговаривал. Да

так хитро, что вроде и правду говорит, но так ее повернет, что хуже прямого оговора.

– Это как?

– Ну начинает какой принц расхваливать свои героические подвиги в сражениях, а мэтр на ухо Анне говорит – мол, сорви-голова, в любую драку лезет, вспомните своего дядюшку Гарольда, королевство из войн с соседями вылезать не будет. Другой грамотностью хвастает, типа науки все превзошел, а мэтр тут как тут – посмотрите на вашего батюшку, зачем нам второй книжный червь в государстве? Кто кичился обширными владениями и богатой казной, того ославил скупердьяем, который жену будет в черном теле держать. Кто из безземельных – про того наговаривал, мол, женится только ради приданого. В общем, так всех и спровадили. Но мэтр Мордаун, видать, сообразил – раз принцессе приспичило замуж, то она кого-нибудь обязательно найдет. Он-то уже давно сам нацелился на трон, да только при живом короле не смел бучу устраивать. А тут, значит, понял – пришло его время. Сначала, правда, честно предложил Анне выйти за него, но принцесса только рассмеялась – мэтр-то уж больно собой нехорош. Тогда Мордаун ее взял да в лягушку и превратил. И колдовством на болото в соседнее королевство зашвырнул.

– Гениальный план! – заметил я, вылизывая миску. – дождался, пока слухи о говорящей принцессе-лягушке распространились, сообщил безутешному отцу местоположение дочери и мирно спровадил его из государства. После чего объявил себя Временно Исполняющим Обязанности Короля. Вроде как все законно, Хилобока и принцессу никто не смешал, крови их на руках у мэтра Мордауна нет, он просто не в курсе, куда те подевались, – настоящая бархатная революция.

– Но Хилобок и Анна едут сюда!

– Увы, Андрэ, это политика. Здесь чудесных возвращений королей не бывает. Их объявят самозванцами и в лучшем случае вышвырнут вон из страны. – Я опустил глаза, врать наивному великану было неловко. На самом деле, если только мэтр Мордаун не полный идиот, лучшим исходом для отца и дочери станет пожизненное заключение в каком-нибудь монастыре. Но я не особо верил в такое милосердие расчетливого мага. – Все, ты как хочешь, а я ложусь спать! Мне завтра предстоит заморочить голову очень хитрому и могущественному человеку, так что нужно хорошо выспаться.

Я перебрался на кровать и свернулся клубком. Конечно, скакать на лошади – это не то же самое, что идти пешком, но все же очень утомительно, особенно для кота. Я мгновенно задремал, краем уха улавливая, как Андрэ ходит из угла в угол, что-то бормочет себе под нос и вздыхает. Потом я перестал обращать внимание на терзания оруженосца и уснул.

Ненавижу утро!

Многие годы, проведенные в военных лагерях, приучили меня легко просыпаться в любое время дня и ночи, мгновенно вскакивать, одеваться и – еще не продрав толком глаза – действовать по обстоятельствам. Бежать в строй, докладывать командиру, стрелять, рубить мечом или отходить на заранее подготовленные позиции со всех ног. Приучили ко всему, но только не любить ранние утренние пробуждения. Я потянулся, перевернулся на спину, потянулся еще сильнее, прислушался... Странно... Привычного мощного храпа Андрэ не слышно. Представить, что мой ленивый оруженосец проснулся раньше меня, было столь же невозможно, как повозку, едущую без лошадей! Открыв глаза и оглядевшись, я убедился, что оруженосца действительно нет. Хуже того – его постель осталась несмятой, из чего следовало... Ох, не нравилось мне, что из этого следовало! Вторым после еды любимым занятием великана являлся сон. Если Андрэ пренебрег мягкой постелью, то только ради чего-то из ряда вон выходящего. И, кажется, я догадывался, что это. Под кроватью обнаружился мешок с моими сапогами и кошельком золотых. Меча не было!

Прихватив мешок, я привычно выбрался в окно. Не стоило устраивать ажиотаж своим появлением внизу. Для очистки совести заглянул в конюшню и убедился, что Молнии в стойле нет. Моя догадка приобретала черты уверенности. Закинув мешок на спину и стараясь держаться подворотен и темных углов, я потрусил ко дворцу. Впрочем, торопиться

не имело смысла. Если Андрэ ушел посреди ночи и если он отправился туда, куда я думаю, ему уже вряд ли можно чем-то помочь.

Утренние улицы были еще пустынные, и до дворца я добрался без особых проблем. По мере приближения к центру города уверенность в конечной цели Андрэ крепла. Всякие мелкие детали вроде свернутого столба, расколотой вывески, сбитых с балкона цветочных горшков красноречиво обозначали траекторию движения неумелого наездника. Заканчивался этот разрушительный след прямо у дворца – ворота отсутствовали, и возле кое-как забранной соломенными матами дыры дежурили два стражника. Вид стражники имели не то чтобы напуганный, но какой-то изумленный.

– Несчастный дурень! – вздохнул я, больше не заботясь о том, что меня могут услышать. – Ну и чего ты добился? Лежишь теперь небось где-нибудь кучкой пепла... Эх, Андрэ...

Но я не мог позволить себе оплакивать оруженосца – мне по-прежнему необходимо было срочно встретиться с мэтром Мордауном.

Когда говорят про охрану, часто хвастаются: «Мышь не проскочит». Наверняка и начальник охраны дворца не раз произносил эти слова с – вполне возможно – законной гордостью. К счастью, при этом всегда имеется в виду очень большая «мышь», размерами с человека, так что я проник внутрь без всяких проблем прямо под носом у многочисленной охраны. Побродив по коридорам и подслушав несколько разговоров, мне удалось выяснить, что мэтр Мордаун в настоящий момент находится в своем кабинете и где, собственно, его кабинет. Дальше пришло время сапог.

Натянув на лапы сапожки, я выпрямился и нахально направился прямо к высоким дверям из черного дерева, у которых мялись два сонных стражника. Сон с них, впрочем, при виде меня сразу слетел.

– Йотп!.. Это что еще за хрень! – Более смелый (или глупый) стражник попытался ткнуть меня алебардой.

– Сам ты хрень! – зашипел я на него. – И не тыкай железякой в посла!

– В какого посла? – нервно оглянулся по сторонам второй стражник.

– В меня, тупица! Я – полномочный посол от его величества Короля Кошек Котия Шестьдесят Второго к Временно Исполняющему Обязанности Короля мэтру Моргану Мордауну! Извольте немедленно впустить меня, иначе у вас обоих будут серьезные проблемы!

– Э-э-э... Извольте подождать, господин посол! – Оторопевшие стражники переглянулись, и один робко постучал в дверь. – Мэтр не предупреждал нас, что ожидает посла...

– Сколько раз надо повторять! – раздалось из-за двери. – Не смей отрывать меня от работы!

Заскрежетал замок, дверь распахнулась, и на пороге появился мэтр Морган Мордаун собственной персоной.

Надо было немедленно настроиться на позитивный лад, а лучше всего – вспылать к магу искренней любовью. Маги чувствительны к эманациям других существ и, если он почувствует мое к нему расположение, договориться будет намного проще... Правда, вспылать любовью к мэтру Мордауну у меня получалось плохо – как искренней, так и показной. Конечно, принцесса явно преувеличивала, говоря о неказистости мэтра. Хотя, надо признать – даже на фоне отнюдь не богатырски сложенных стражников маг выглядел мелко. К тому же стан его был изогнут слегка вперед и довольно сильно – вправо. Ну и маленькое острое лицо, чем-то напоминавшее крысину морду, с навечно застывшим брюзгливым выражением, не добавляло мэтру Мордауну привлекательности в женских глазах.

В моих, впрочем, тоже. Как я ни пытался вызвать в себе искреннюю симпатию к магу, все равно выглядел он полнейшим уродом. К тому же мне никак не удавалось отрешиться от мысли, что сегодня утром либо от его собственной руки, либо по его приказу погиб Андрэ.

Глупо, конечно, так переживать из-за какого-то деревенщины, но я ничего не мог с собой поделать.

Правда, судя по поведению мага, он не собирался утруждать себя, улавливая эмоции окружающих – плевать ему было, как к нему относятся.

– Уроды! – набросился мэтр Мордаун на стражников. – Олухи! Выгоню обоих без выходного пособия! Ты и ты, как вас там?! Неважно! Уволены!

– Но ваше величество! – жалобно взвыл тот стражник, что тыкал в меня алебардой. – К вам тут посол!

– Какой еще посол? Я не жду никаких послов, – гораздо спокойнее проворчал коротышка, явно польщенный обращением «ваше величество». – И где этот посол?

– Да вот же...

– Что?! Это?!

– Позвольте представиться, – церемонно поклонился я. – Полномочный посол от его величества Короля Кошек Котия Шестьдесят Второго к Временно Исполняющему Обязанности Короля мэтру Моргану Мордауну!

– Никогда не слышал ни о каком Котии Шестьдесят Восьмом, – подозрительно уставился на меня маг. Из-за небольшого роста наши с ним глаза оказались почти на одном уровне, и я невольно поежился – уж очень пронизательный взгляд был у мага. Такого обмануть непросто, если вообще возможно.

– Шестьдесят Втором, уважаемый мэтр! – промурлыкал я. – Котий Шестьдесят Второй является сюзереном всех кошек этого королевства. Возможно, нам лучше побеседовать в более приватной обстановке?

– Гм... Ну что же, проходите... посол. – То, как эти слова прозвучали, мне совсем не понравилось.

Я проследовал за магом. Как выяснилось, он еще и хромал – правая нога была короче левой, и ботинок с толстой подошвой мешал нормально идти. Доковыляв до камина, Мордаун плюхнулся в кресло и немедленно закутался в меховую мантию. При том что в камине пылали дрова, это мне показалось совсем уж излишним – в комнате и без того было довольно жарко. Правда, окна были распахнуты настежь – похоже, из-за вонючего дыма, остатки которого еще плавали под потолком. Дымил некий сосуд над горелкой – один из многих, занимавших широкий длинный стол посреди комнаты. Остальное пространство кабинета занимали ряды полок с книгами. Угол отгораживала ширма, за которой что-то зловеще позвякивало, словно полковой лекарь перебирал инструменты перед операцией. Я отогнал неприятные ассоциации и шагнул к камину.

– Итак, кто ты такой? – Маг принялся шуровать в камине кочергой, похоже, ему и впрямь было холодно. – Только оставь эту чушь про кошачьего короля. У меня не так много времени, и на всякие глупости я его тратить не имею желания. Ну? Если у тебя проблемы с памятью, Бык тебе ее с удовольствием освежит.

Сначала мне показалось, что из-за ширмы вышел Андрэ – я чуть не кинулся ему на шею. Но Бык походил на моего оруженосца лишь ростом и шириной плеч. Выглядел он гораздо старше Андрэ – настоящий матерый бык, недаром ему такое прозвище дали. Обширное чрево спрятано было под кожаным фартуком, покрытым следами от огня, копоти, каких-то субстанций и – кроме того – пятен, неприятно напоминающих свежую кровь. Маленькие глазки смотрели на меня с гладко выбритой головы-ядра с полнейшим равнодушием.

– Бык избавляет меня от многих проблем, – подал голос Мордаун, – В том числе он очень экономит мое время при общении с лжецами. Если хочешь, можешь сначала пообщаться с Быком, а я пока почитаю. Когда будешь готов говорить правду – скажешь. Или сразу поговорим начистоту?

– Сразу! – Я не трус, но равнодушный взгляд Быка вызывал во мне непреодолимое желание исповедаться.

– Я так и думал, – удовлетворенно буркнул маг. – Так кто ты такой и зачем явился?

– Меня зовут Густав Конрад Генрих Мария фон Котт. Еще месяц назад я был самым обыкновенным капитаном ландскнехтов. – Я невольно вздохнул, события недавнего прошлого теперь казались мне очень-очень далекими. – Нелегкая занесла меня в Либерхоффе – паршивый городишко в соседнем королевстве. Там я поссорился с бродячим фокусником, и его ассистентка в отместку превратила меня в кота. С тех пор вот уже месяц я пытаюсь найти мага, который расколдовал бы меня. От бывшей принцессы этого королевства я узнал, что подобное же колдовство подвластно и вам, вот я и пришел.

– Зачем? – недоуменно вздернул брови Мордаун.

– Как зачем? Раз вы владеете этими чарами, то можете и расколдовать...

– Рассуждения дилетанта! – презрительно фыркнул маг, вновь склоняясь над камином. – У каждого мага свои приемы и свои тайные рецепты. И вообще – с чего ты решил, что я буду тебе помогать? Я не святой отшельник. Мое время стоит дорого...

– У меня есть деньги. – Я встряхнул мешок, чтобы золотые внутри звякнули. – Немного, всего сотня...

– Дурень! – искренне рассмеялся Мордаун. – У меня под рукой казна государства. Правда, этот размазня Хилобок почти разорил ее, но благодаря моим реформам она скоро наполнится. Можешь гордиться – твоя сотня золотых пойдет на возрождение великого королевства!

– Так вы меня расколдуете?

– Нет. Деньги пойдут в оплату консультации, – захихикал маг. – А ты думал, мои услуги стоят так дешево? Бык, заberi у него кошель и вышвырни вон.

Я так растерялся, что даже не сопротивлялся амбалу, бесцеремонно схватившему меня за шкуру.

– Да не возись с ним. Можешь прямо в окно выбросить – здесь невысоко, а он же – кот! Хи-хи-хи...

– Эй! Прекрати! Поставь меня немедленно! – Бесполезно. Бык держал меня крепко, предусмотрительно вытянув похожую на осадное бревно руку. Я в ужасе посмотрел на приближающееся окно. Это угловая башня... Три этажа, большой зал внизу, всего футов сто – сто пятьдесят. Да, тело у меня кошачье, но опыта-то кошачьего у меня нет, а инстинкты иногда проявляют себя, а иногда – нет! В этот момент в окно влетело что-то черное, разлапистое и с металлическим скрежетом вцепилось в подоконник. Бык, которому железные крючья чуть не въехали в брюхо, остолбенело замер.

– Эй, что там?

– Кошка!

– Я знаю! Вот ЭТО что такое?! – Мэтр Мордаун кивнул на крючья, достал из-под мантии пистолет и взвел курок.

– Кошка, – как-то равнодушно повторил Бык. – У меня – кот. А это – кошка. Железная такая штука, чтобы на стены взбираться. Лезет к нам сюда кто-то по веревке.

– Лезет? Ну вот! Вот она – тяжесть короны! Испытание властью! – патетически воздел руку к потолку Мордаун. – Не успел я занять трон, а убийцы уже рыщут вокруг! То под утро безумный берсерк выламывает ворота, то теперь какие-то мерзавцы лезут в мой кабинет... Бык, ну что ты стоишь? Вышвырни кота и перережь веревку.

– А может, лучше схватить их? – проявил инициативу амбал. – Я бы их допросил!

– Хватит с тебя берсерка – он здоровый, тебе еще на несколько дней достанет с ним возни. Режь веревку, я сказал! Не желаю, чтобы меня опять отвлекали! Я устал! Желаю массаж ступней! Немедленно!

– Есть, мой господин!

Последние слова я услышал уже в свободном падении. Инстинкты не подвели – тело само собой тут же приняло горизонтальное положение. Я бросил взгляд вниз и увидел стремительно приближающуюся рыжеволосую голову со знакомыми зелеными глазами.

– ТЫ?! – завопил я, пролетая мимо карабкающейся по веревке ведьмы. Не знаю, узнала ли она меня, поскольку через мгновение уже шлепнулся на кучу чего-то мягкого.

Омерзительный запах подсказал мне, что это куча отбросов с дворцовой кухни. Стараясь не вдыхать глубоко, я стал выбираться из объедков. В следующий момент раздался нарастающий женский визг, и рядом в мусор рухнула рыжая ведьма.

– ...! – Совсем неподобающим для приличной девушки образом прокомментировала она свое приземление.

– С мягкой посадкой, – приветствовал я ее, выбираясь на край мусорной кучи. – Вы совершенно напрасно ругаете эту кучу дерьма. Если бы ее здесь не оказалось, ваши мозги сейчас разбрызгало бы на несколько футов вокруг.

– Ты еще кто такой?! – отплевываясь, проворчала ведьма. – И что произошло?

– Ба! Вы меня не узнали? – Я подошел совсем близко и демонстративно выпустил когти. – Ах, да, вы же сбежали, так и не увидев результатов своего маленького колдовства! Но гора с горой, как говорится, а кот с человеком...

– Да кто ты такой?! Я не знаю ни о каком... Подожди. Ты сказал – МОЕГО колдовства? Так ты тот самый наемник?

– Вспомнила? Он самый...

– Ты?! – Настала очередь девицы удивленно вопить. – Грязный кабан! Ты что, шпионил за нами?!

– На себя посмотри, чистюля! – резонно возразил я. – Я за вами не следил, но раз уж судьба нас свела – не отвертись! Расколдовывай меня немедленно, стерва!

– Сейчас, разбежался! – сверкнула глазами девица. – И что ты мне сделаешь?

– Я... Я – ничего. Просто сообщу Мордауну, кто на него покушался и что ты осталась жива, – мстительно прошипел я. – Думаю, за такие сведения он меня живо расколдует!

– Жак! Хватай его!

Я инстинктивно метнулся в сторону, и подкравшийся сзади с мешком фокусник очень удачно боднул ведьму в живот. Глядя, как мои враги барахтаются в куче отбросов, я испытал ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения.

– Господи, ты все-таки есть! Спасибо тебе! – горячо поблагодарил я Небеса за прекрасное зрелище и бросился к воротам дворца. – Адиос, неудачники!

– Стой! Не делай этого, мерзавец!

– Обычно, когда человека просят о чем-то, крошка, это делают другим тоном. – Однако я остановился. – Ты что-то хотела мне предложить? Учти, из всего, что у тебя есть, меня может соблазнить только одно...

– Сдурел?! Ни за что!

– Иезус Мария! Все женщины думают только об одном?! – возмутился я. – Мне твое тело на фиг не сдалось! Мне *мое* нужно!

– Я... мне... – Ведьма замялась, шагнула ко мне. – Давай договоримся. Только мне кажется, это лучше сделать это где-нибудь подальше от дворца.

– Согласен. Только не приближайся ко мне!

– Да нам тебя все равно не поймать!

– Я знаю! Просто от вас воняет!

– А от тебя, что, розами пахнет? Ты в этой же куче побывал!

– Я-то легкий, сверху на нее упал и скатился на землю. А ты ее насквозь прошибла и всю разворошила. Там в середине все сопрело и загнило давно – знаешь, как в нос шибает?! – злорадно объяснил я. – Ну куда пойдем?

– Мы остановились на постоялом дворе в нескольких кварталах отсюда. – Ведьма настороженно принялась к своим рукам и брезгливо сморщилась. – Проклятье!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт и рыжая ведьма заключили союзнический договор и какой неожиданностью это закончилось для господина Танатуса

– Сам виноват! – прошипела не хуже кошки Коллет. – Из-за тебя мы лишились заработка! Нас избили!

– Ой-ой-ой! – Я демонстративно стал вылизывать лапу. Очень затягивающее, кстати, занятие! – Профессиональный риск, милочка!

– Тогда считай, что с тобою тоже случился профессиональный риск!

– Ты ничего не забыла? – Я выглянул в окно, на подоконнике которого сидел. – Мне идти к Мордауну?

– Мерзавец!

– Тише, тише! Перестаньте лаяться! – примирительно развел руками фокусник. – От вашей ссоры никому лучше не будет!

– Заткнись!

– Заткнись, Жак!

Мы с ведьмой опять уставились друг на друга. Рядом со мной на стене уже дымилось пятно обуглившейся древесины – несколько минут назад мне удалось довести Коллет до попытки изжарить меня молнией. К счастью, точность у магической молнии оказалась еще хуже, чем у турецких мушкетов. Зато следы от моих когтей на унылой физиономии Жака Кошона (он же – «великий маг» Дестротус) и на предплечье девицы заживать будут долго!

– Начнем сначала?

– Я тебе не верю! Стоит мне вернуть тебе человеческую внешность, ты нас предашь!

– Потомок рода фон Коттов никогда не опустится до предательства!

– Да ты ведь только что угрожал, что пойдешь к Мордауну!

– Это не предательство! Договор пока не заключен, а вы являетесь моими врагами.

– Сначала помоги нам уничтожить Мордауна, тогда я тебя расколдую.

– У меня, знаешь ли, тоже нет особых оснований верить тебе. К тому же вас там могут убить, и тогда наш договор не будет стоять и выеденного яйца. Нет уж – сначала ты мне верни прежний облик, а потом я помогу вам схватить Мордауна.

– Схватить? – Коллет издевательски рассмеялась. – Ты не можешь схватить мага такого уровня! Нам повезет, если мы сможем его просто уничтожить!

– Эй-эй, не торопись! Его никак нельзя убивать! – Я вспомнил о Хилобоке и его дочери. – То есть в крайнем случае, конечно, можно, но нежелательно.

– Да зачем он тебе?

– Не мне. Понимаешь... я в некотором смысле действую в интересах одной коронованной особы. Короче, – решил признаться я, – он превратил местную принцессу в лягушку, и его нельзя убивать, пока он ее не расколдует!

– Про лягушку я знаю... Но ты хочешь сказать, что взялся спасти принцессу?!

– Ну что значит «взялся спасти»? – смутился я. – Я же наемник, вот меня и наняли. Ну и оруженосцу моему она понравилась, а он, похоже, ей.

– Оруженосцу? Когда мы встретились в Либерхоффе, ты не был похож на человека, у которого может быть оруженосец.

– А вы не были похожи на людей, которые хоть что-то смыслят в магии, – парировал я. – Впрочем, тут ты права – откуда у меня возьмется настоящий оруженосец? Я ведь всего лишь ландскнехт... хотя вообще-то дворянин. Это просто деревенский парень, которому некуда было деваться. Я помог ему выпутаться из неприятной ситуации, он пару раз спасал мою шкуру, вот и путешествуем вдвоем. Оруженосцем я его называю потому, что это немного дисциплинирует его.

– Деревенский парень? – недоверчиво покачала головой Коллет. – И ты говоришь, он понравился принцессе?

– Да, а что? Он отличный парень и гораздо лучше подходит для трона, чем Хилобок. И уж всяко лучше, чем Мордаун... Ох, черт! Я совсем забыл! Ведь Андрэ у него!

– Андрэ – это твой оруженосец?

– Да! И он, черт возьми, сидит сейчас в подвале у Мордауна, а жирная скотина по кличке Бык тянет из него жилы! Так что, детка, некогда мне с тобой тут болтовней

заниматься. Либо расколдовывай меня, либо я сам буду действовать. Только тогда уберись подальше с моей дороги, а то знаешь – на войне все средства хороши. И не трогай Мордауна!

– Тоже мне вояка! Тебя искать снова в той куче под окном? – насмешливо бросила ведьма. – Ладно, ладно, мир! Только ты ошибаешься – Мордаун тебе не нужен, принцессе он не поможет.

– Я придумаю, как уговорить его.

– Дело не в этом. Он просто не сможет помочь Анне. Он незнаком с этим колдовством.

– Откуда такая уверенность? – подозрительно прищурился я.

– Коллет! – засуетился Жак. – Он и так слишком много из тебя вытянул!

– Спокойно, Жак. Я знаю что делаю. – Ведьма опустила взгляд. – Я долгое время была ученицей мэтра Мордауна...

– Та-а-а-ак... – протянул я, перестав умыться. – Вот это ни фига себе, скажу я вам, признание!

– Он раньше был не такой!

– Ага! Он был высокий стройный блондин с римским профилем...

– Ты удивишься, но почти так. Правда, блондином он никогда не был, но высоким и стройным... Все беды начались, когда мэтр Морган стал придворным магом. Отец нынешнего короля взял его на службу, и Морган оказался в самом центре дворцовых интриг. Он был тогда совсем молодым человеком, почти мальчишкой. Да, очень талантливым – магическая сила в нем была невероятная, – но в остальном он был самый обыкновенный парень. Морган хотел того же, чего хотят в его возрасте все молодые люди, – всеобщего признания, любви, могущества. При дворе было много соблазнов. Ну он и не выдержал – полез в этот клубок. Захотел власти. При старом короле и при Гарольде все еще держалось в рамках благопристойности, оба были сильными и властными людьми, потому вельможи опасались слишком уж зарываться. Потом Гарольд пропал, на трон взошел Хиллобок, и началась настоящая битва за власть. Конечно, не в прямом смысле – никто не выходил с копьем и мечом против соперника. Использовали более тонкое оружие – интриги, доносы, обман. В крайнем случае – яды и наемных убийц.

– А как ты вообще оказалась при дворе? – заинтересовался я. – Твои родители – придворные?

– Я... – Ведьма замялась, но все-таки ответила: – Дело в том, что я сирота. Отца своего я не знаю, мама никогда не говорила, кто он. Возможно, он был из низкого сословия, и мама – придворная дама, любимая фрейлина покойной жены Гарольда – стыдилась подобной связи. Она умерла от болезни, когда мне было пять лет, и меня взяла в воспитанницы ее подруга, тоже фрейлина. Она учила меня всему, что положено знать придворной даме, брала с собой во дворец. Там однажды Морган и обратил на меня внимание. Ни моя покровительница, ни я, разумеется, не знали, что у меня есть дар ведьмы, – сила во мне тогда еще спала, но Морган ее учуял и взял меня в ученицы. Я хорошо училась, совершенствовала мастерство и постепенно стала понимать, что магией при дворе занимаюсь я, а Морган все свое время посвятил интригам. Это борьба за власть так сильно его изменила – даже внешне. Моргана пытались убить много раз. Ногу ему чуть не отрубил секирой наемный убийца, подстерегший мага ночью на улице. С тех пор нога стала короче и плохо сгибается. Потом в его спальне обрушили потолок, и он пролежал под камнями почти двое суток, пока разбирали завал. От этого у него голова такая сплюснутая. Ну и, конечно, несколько раз попытались отравить. Он всегда находил противоядия, но от этих ядов и лекарств его всего скрючило. Обычному человеку хватило бы любого из этих покушений, но мэтра каждый раз спасала его магическая сила.

– Жутковатая история...

– Истины ради надо сказать, мэтр тоже не проявлял особого милосердия к своим конкурентам. Разница только в том, что он выжил, а большинство его врагов – нет.

– А какое твое место во всем этом?

– Я с самого начала старалась держаться от «войны» подальше. В моем распоряжении

была лаборатория, огромная библиотека, масса свободного времени – что еще нужно для счастья? Морган давно перестал интересоваться моей работой, лишь время от времени приказывал что-то сделать для короля или мельком спрашивал, как мои успехи. А потом я придумала и сумела составить этот проклятый эликсир – для превращения людей в животных. Это большое достижение для мага! Трансформация живых существ, особенно людей, считается одним из сложнейших магических искусств...

– И ты побежала хвастаться к Мордауну.

– Конечно. Ведь он все еще был мой господин и учитель, я полностью доверяла ему. Да чего там скрывать – как это часто случается с молоденькими дурочками, я влюбилась в своего учителя. Думала, если стану настоящей ведьмой, он поймет, что я достойна его любви. И очень расстраивалась из-за его пренебрежения к моим успехам в магии, хотела привлечь его внимание чем-то особенным. И добилась своего, – горько усмехнулась Коллет. – В последнее время Морган почти не интересовался моей работой, но, услышав про эликсир, вопреки обычному, все подробно расспросил о моем открытии и взял образец эликсира, как он сказал, «для изучения». Я обрадовалась, но он больше не вспоминал об этом эликсире, словно его и не было. Вскоре после этого принцесса надумала искать себе жениха, началась суматоха, меня загрузили прогнозами и предсказаниями, и я забыла про «образец». Потом был этот фарс – смотр «женихов». Конечно, я понимала, что Морган преследует свои цели, но – поверь – разогнав эту свору претендентов на трон, он сделал для королевства и принцессы доброе дело. Стоящих людей среди них не было. Но самое страшное случилось после смотра. Я случайно увидела, что Морган провожает принцессу до ее покоев. Они зашли внутрь вместе и довольно долго не появлялись.

– А ты подглядывала...

– Нет! Что ты! – покраснела ведьма. – Я просто постояла немного на балконе, ожидая, чем все кончится. Понимаешь, я ведь знала, что Морган хочет в короли. А тут этот смотр женихов. Мэтр Мордаун грамотно их всех спровадил, но ясно же было, что нужно действовать сейчас. Я догадалась, что он будет просить руки принцессы, и решила посмотреть – чем все закончится. Согласись, смена короля – вопрос важный... Ну ладно, не смотри так! Да, я дико ревновала его! Господи, какая же была дура!.. Ладно, неважно. В общем, мэтр вскоре вышел из покоев – один, но с какой-то коробкой в руках – и отправился напрямик в лабораторию. Тут уж меня охватило любопытство! Ведь Морган уже давно забросил занятия магией, полностью превратившись в царедворца. Я решила за ним проследить. Есть такой хитрый чердачок над лабораторией, взрослый мужчина там не поместится, но я всегда была такая маленькая и тощая, потому легко проскользнула через него на потолочные балки в кабинете Мордауна. Там я и устроилась. И видела, как он достал из коробки лягушку и заговорил с ней! Тут мне стало очень страшно, я ведь не дура и сразу сообразила, что произошло. О чем шел разговор, я не слышала – слишком разволновалась, даже чуть в обморок не упала. А когда пришла в себя, разговор уже закончился, мэтр создал пространственную дыру – это единственное волшебство, которое у него до сих пор хорошо получается, – и отправил бедную принцессу неизвестно куда. Потом вызвал этого громилу Быка и приказал схватить меня – якобы это я заколдовала принцессу. Тут мне стало ясно, что, если меня схватят, живой мне из подвала уже не выйти. Дождавшись, когда Морган и Бык ушли, я собрала в лаборатории все, что смогла унести в сумке, и сбежала. Жаль, Мордаун не стал учить меня делать пространственные дыры, пришлось идти пешком...

– И тебя не поймали?

– Сначала пытались, но я сумела изменить внешность, запутать след – у хорошей ведьмы всегда много трюков на такой случай... А потом Морган успокоился и отозвал своих ищек – ну чем ему могла грозить одинокая изгнанница? Он, наверное, решил, что я забила в какой-то дикий угол и буду сидеть там тише воды ниже травы.

– Хм... Он так плохо изучил тебя?

– Нет, – усмехнулась Коллет. – Поначалу именно это мне и пришло в голову. Я ведь была в тот момент глупой девочкой, ничего, кроме дворца, в своей жизни не знавшей.

Наверное, это покажется подлым, но мне и в голову не пришло попытаться спасти принцессу – я слишком испугалась. Да и где ее было искать? Морган мог забросить лягушку куда угодно. Вот и решила – то, что случилось во дворце, меня больше не касается. Устроюсь в какой-нибудь деревне, буду лечить местных крестьян и их скотину, а они за это будут приносить мне все необходимое. Запросы у меня ведь совсем простые. Сначала все именно так и получилось. На деньги, которые удалось прихватить с собой, я купила домик в одной из деревень. Начала лечить крестьян – они были этому рады, благодарили, несли подарки. А потом в одном из дворов пала корова – я даже не успела ее осмотреть и понять от чего.

– Дай угадаю! «Благодарные» крестьяне немедленно решили, что это твоя вина, и захотели тебя сжечь?

– Догадливый какой... только не сжечь, а забить камнями. Мне удалось сбежать. Все вернулось на круги своя, только теперь у меня не было денег – все ушло на покупку дома. Кое-как я добралась до одного небольшого городка и попыталась открыть практику там – надеялась, что городские жители не такие суеверные. К счастью, самое свое большое богатство – знания – я сохранила, а необходимые для лечения травы и корешки можно собрать в любом лесу. Денег на обзаведение лавкой у меня не было, и я стала торговать своими сборами у ворот, просто расстелив на земле рогожу. Травки раскупали охотно – честно говоря, для привлечения покупателей я использовала простенькое колдовство, на время делающее людей более легковерными. Но я ведь ничего плохого не делала! Все мои сборы помогали именно так, как я обещала! Впрочем, думаю, это не имело значения – ведь я в любом случае была конкурентом местным лекарям. В тот же день в Магистрат на меня подал жалобу глава цеха аптекарей – он обвинял меня в шарлатанстве и колдовстве. Меня схватили и поместили в тюрьму при Магистрате, даже не дав сказать ни слова в свое оправдание. Добрый священник, навестивший меня, сказал, что на следующее утро меня сожгут.

– И как же ты спаслась?

– Я... мне удалось обмануть стражников. – Ведьма густо покраснела. Вызывающе вздернула подбородок. – Да, ты правильно угадал – не обманула. Подкупила единственным, что у меня оставалось. Ты не имеешь права осуждать меня! Я хотела жить... Мне удалось усыпить стражников и выбраться из тюрьмы. Но этого было мало – мне нужно было еще и из города выбраться, а ведь у меня теперь не было ничего, кроме рваного платья и нескольких серебряных монет, украденных у стражи. Я подумала и решила – раз из меня сделали преступницу, буду искать убежище среди преступников.

– А ты крепче, чем я думал. – Я с симпатией посмотрел на девчонку. – И как? Тебе это удалось?

– Удалось... не совсем так, как ожидала, но удалось. Я нашла самое сомнительное питейное заведение в городе, уговорила хозяина показать мне, кто из посетителей принадлежит к воровскому союзу города, и просто подошла к ним с просьбой отвести к их главе. Каким-то чудом меня не зарезали сразу и действительно отвели к Ночному Магистру. И по какому-то капризу тот согласился принять меня под свое покровительство...

– Только это оказалось совсем не то, про что ты думала, – проницательно заметил я.

– Да... Я надеялась, что буду просто лечить преступников, но Ночной Магистр сразу дал понять, что здоровье его подданных – их собственные проблемы. А от меня требуется что-то более существенное – зелья для одурманивания людей, составы, разъедающие замки, яды... Я бы, наверное, не роптала – в конце концов, от жителей города я не видела ничего хорошего, так что и причин жалеть их у меня не было. Но Ночной Магистр возжелал и меня – ему, видите ли, нравятся молоденькие девушки. Это было слишком противно, и я вновь сбежала.

– Ты везучая, – покачал я головой. – Мало кому удается сбежать от воровских кланов.

– Везение тут ни при чем, – возразила девчонка. – Я придумала хороший план и нашла помощника – Жака.

– А, так он тоже...

– Ну да, он, конечно, никакой не фокусник. Жак – вор, не очень ловкий, правда. Его постоянно преследовали неудачи, последнее время он даже не мог собрать денег для уплаты Ночному Магистру за право воровать в городе. Потому он иногда приворовывал из заначек других членов союза и еще сообщал всякую важную информацию начальнику городской стражи. Но его начали подозревать и вот-вот могли раскрыть.

– М-да... – Я с трудом удержался, чтобы не высказаться по поводу выбора «делового партнера». – Тяжелая ситуация...

– Но я придумала, как нам обмануть Ночного Магистра! – гордо заявила девушка. – Жак сообщил начальнику стражи, где находится одно из тайных убежищ воровского союза – как раз то, где в те дни мы с ним прятались. Стражники нагрянули под утро, между ними и ворами завязалась схватка, и я при помощи нехитрого колдовства навела морок – всем показалось, что нас с Жаком убили и сбросили в канал. На самом деле мы воспользовались суматохой и сбежали. Ну и решили путешествовать дальше вместе. Мое колдовство плюс его воровские навыки – вдвоем проще выжить. Чтобы не привлекать к себе внимание, стали изображать фокусников.

– И все это за пару месяцев? – Я только покачал головой. – Круто с тобой жизнь обошлась!

– Да. В каком-то смысле та Коллет, которой я была еще этой весной, погибла. А я решила отомстить Моргану за нее.

– Понятно. – Я помолчал, размышляя. – Значит, Мордаун колдовать не может?

– Почти нет. Он, конечно, что-то помнит, например пространственные дыры, только потому, что часто ими пользуется. Но основные силы он сконцентрировал в той сфере магии, которая позволяет управлять людьми. Он может легко запутать человека, внушить ему что угодно, заставить поверить, что черное – это белое, и наоборот. Это очень сильная магия, потому нельзя его недооценивать. Не позволяй ему заговорить себя.

– По-моему, твоя магия впечатляет куда сильнее, – покосился я на обгорелое пятно.

– Только впечатляет, – пожала плечами ведьма. – Сам видишь – в тебя я не попала. А Моргану этого и не нужно. Он внушил дворцовой гвардии, что те должны подчиняться ему, и две сотни солдат, вооруженных до зубов, будут защищать его куда лучше моих молний. Любой человек во дворце не пожалеет своей жизни, чтобы спасти Мордауна, – вот какова сила его магии. А ты говоришь – впечатляет. Ярмарочный фокус это...

– М-да... И как же вы собирались в таком случае его уничтожить?

– Ну-у-у... Я хотела пробраться во дворец и застрелить его.

– План замечателен своей простотой, я сам такие предпочитаю, – покачал я головой. – Но прежде чем лезть в открытое окно, следовало убедиться, что за ним никого нет.

– Откуда же мне было знать! При мне он туда заходил максимум раз в неделю – за какой-нибудь книжкой. Я потому в кабинет и полезла, что там, кроме меня, никто никогда не бывал.

– Теперь ты знаешь, что Мордаун перебрался туда. Могу еще сказать – он ставит какие-то эксперименты.

– С ума сойти... Хотя, ведь теперь у него нет меня, а поддерживать реноме мага нужно. Что ж, придется найти другой путь.

– Позволь напомнить тебе твои же собственные слова – во дворце каждый человек сейчас готов жизнь отдать за любимого государя. А он, между прочим, наверняка уже знает, что убийца, сброшенный из окна утром, остался жив.

– Проклятье!

– Я же говорил, Коллет! – вдруг встрял в разговор до сих пор молчавший Жак. – Брось эту затею! Давай вернемся в соседнее королевство или отправимся дальше – с твоей Силой и моим талантом не пропадем!

– Понятно. – Я посмотрел на вора-фокусника. – Значит, ты против этой затеи?

– Помилуйте, добрый господин! – Жак прижал к впалой груди руки. – Вы же сами видите! Это невозможно, опасно! Ну зачем?! Я вот не понимаю – зачем? Вы – понятно – вы

принцессу спасти хотите. Это ваше дело, глупое, но оно понятное. Но нам-то зачем в это лезть? Я вот думаю...

– Заткнись, Жак! – Ведьма хлопнула ладонью по столу. – Решение принято. Тебя с нами идти никто не принуждает – чего ты трясешься?

– Ну и ладно! – обиделся вор. – Ну и не хотите умного совета, промежду прочим – очень умного совета! Слушать не хотите? Не хотите? Вот ну и ладно...

– Бррр... – потряс я головой. – Он всегда так говорит?

– Почти всегда. Через то и неприятности имеет.

– Понятно... Вот что, твой план никуда не годится – сама понимаешь. У меня есть другой...

«Конрад, ты глупец! – промелькнуло в голове, когда лапа в очередной раз соскользнула с почти идеально гладкой стены. – Зачем ты в это ввязался?»

На этот вопрос я себе ответить не мог. Идея просто сама собою выкристаллизовалась, пока я слушал рассказ Коллет, и сама же собою соскочила с языка. Я даже удивился, когда ее высказал. Но, надо отдать себе должное, план был хорош. Во всяком случае, на тот момент он показался и мне, и ведьме вполне удачным. Ведь проблема была в том, что ни Коллет, ни Жак проникнуть во дворец незаметно не смогут, тем более теперь, когда Мордаун наверняка вправил мозги страже. К тому же Жак боялся мага до одури и принимать участие в покушении отказался напрочь. С другой стороны, для меня пробраться во дворец было несложно. Но я ничего не смог бы сделать магу – в кошачьих лапах ни кинжал не удержать, ни тем более – пистолет. Надежного яда под рукой тоже не было, да и – судя по опыту неудавшихся покушений – маг легко находил противоядия. Зато под рукой была Коллет и ее эликсир! В том, что снять ее заклятие не могут другие маги, я уже имел возможность убедиться. Оставалось только проникнуть в кабинет или спальню мага и подлить несколько капель зелья, например, в вино. Я почему-то решил, что проще будет проникнуть в кабинет – наверное, потому что один раз уже побывал там.

Мой план никак не учитывал, что камни в стене башни будут подогнаны друг к другу с ювелирной точностью. Еще от нашего внимания ускользнуло, что ремень, на котором висела фляжка с эликсиром, будет постоянно сползать с меня и спутывать задние лапы. А вот о том, что кучу отбросов, спасшую нам с ведьмой если не жизнь, то цельность наших костей, уберут, мы могли бы и догадаться. Видать, Мордаун послал стражу проверить, кто там к нему лез в окно, а те и доложили, что злоумышленник остался жив благодаря куче мусора. Интересно, что мэтр Мордаун сделал с дворником? Впрочем, наплевать на дворника – что будет со мною, если я сорвусь? Боюсь, даже кошачьи инстинкты не уберегут меня от поломанных лап. Коллет, правда, уверяла меня, что в лечебной магии она прекрасно разбирается, но проверять ее слова мне совсем не хотелось.

За этими мрачными размышлениями я сам не заметил, как добрался до крыши. Мое предположение оказалось верным – между крышей и стеной оставалось достаточно щелей и дыр, в которые я мог бы...

– Вор! Вор! – налетело на меня что-то черное, орущее и отчаянно бьющее крыльями. В лоб прямо промеж глаз ударило – как мне на мгновение показалось – чеканом, больно, аж слезы брызнули. Каким-то чудом удержавшись на стене, я отмахнулся наугад лапой, удачно попав по мягкому. В воздух взвились черные перья, но отброшенная ударом ворона ловко перекувырнулась в воздухе и понеслась на меня, выставив клюв, словно атакующий рыцарь копье. Сообразив, что опасность мне угрожает вовсе не шуточная, я изо всех сил рванул вверх и протолкнулся в первую попавшуюся дыру. В тот же момент мой бедный хвост зажалось как в тисках и начало тянуть назад. Не выдержав этого издевательства, я заорал благим матом, и на этот вопль ответил торжествующе каркающий хор:

– Вор! Ворище! Вор! Скинем вниз! Вор!

Тут уж я перепугался не на шутку – похоже, под крышей башни гнездилась целая стая мерзких птиц и сейчас они собирались устроить мне серьезную взбучку. Противостоять

целой стае ворон не всегда под силу даже человеку, чего уж говорить о коте? Страх придал мне сил, я рванул сильнее, еще раз взвыл от боли в крестце, но освободился и кубарем покатился по чердаку. За стенами поднялся невообразимый галдеж.

– Что, съели?! А вот вам! – крикнул я воронам и захромал к дырке в полу чердака.

– Что-то птицы разгалделись! – послышался снизу знакомый капризный голос. – Прикажи стражникам – пусть проверят чердак.

– Есть, ваше величество! – Этот голос я раньше не слышал, но, судя по ответу и характерному лязгу металла при передвижениях, это был какой-то стражник. Возможно, начальник стражи. – Эй, ты! Рядовой! Бегом вниз, передай приказ – немедленно трех солдат на крышу башни. Все обыскать, виновных в птичьем шуме изловить и доставить! Доступно?

– Есть, сэр!

Я осторожно перебрался с чердака на балку и прокрался в такое место, с которого был виден почти весь кабинет. В кабинете находились два человека. Мэтр Мордаун опять кутался в свою меховую мантию, сидя в кресле у камина. Перед ним навтыжку стоял невысокий плотный человек с чудовищными бакенбардами, свисавшими чуть ли не до нагрудной пластины парадного рыцарского доспеха.

– Ладно, это все неважно, главнокомандующий. Птицы могли и сами по себе расшуметься... вернемся к нашим баранам.

– Разведка докладывает, что за вчерашний день войско Пусия Первого маршем миновало приграничный Тупинг и в настоящий момент приближается к столице.

– Скверно... Война нам сейчас совершенно не нужна. Но каков Пусий! Сидел себе тихо, притворялся изнеженным бездельником, которого волнуют только наряды и балы. А стоило у соседа разразиться кризису, как он сразу наострил зубы – отхватить лакомый кусок! Недооценил я его...

– Осмелюсь доложить, во главе армии стоит не Пусий...

– Естественно. Он слишком труслив и изнежен. Кто из его рыцарей взялся за грязную работу?

– Ваше величество, войско ведет Хилобок Четвертый!

– Вот как... – Маг некоторое время молча смотрел в огонь. – Не ожидал от старины Хилли такой прыти. Надо было не морочиться и просто отравить дурня. Вечно я страдаю из-за своей доброты.

– Истинно так, ваше величество!

Я с ужасом почувствовал в возгласе рыцаря искреннее сочувствие. Ни капли подхалимажа – главнокомандующий действительно считал, что маг страдает из-за доброты. И впрямь страшной силы магия в руках у мэтра Мордауна.

– Ну что же... Они хотят войны? Они ее получают!

– Да, ваше величество! – экзальтированно воскликнул рыцарь, но тут же замялся. – Э-э-э... Ваше величество... осмелюсь доложить, войска не хотят вступать в бой.

– Что значит «не хотят»?! – От ставшего вдруг тихим и ласковым голоса мага несчастный рыцарь задрожал так, что доспех задребезжал, словно повозка лудильщика на неровной дороге. – Кто их вообще спрашивает?!

– Ваше величество, не извольте нервничать – вам вредно! – заныл главнокомандующий. – Вот! Опять у вас веко дергается! В прошлый раз вы так разнервничались и сэра Божедома Невезучего закинули аж в Испанию... он только недавно вернулся... очень поиздержался... продал... все... с себя...

– Тихо! – Мэтр Мордаун закрыл глаза и зажал уши руками. – Замолчи... Не беси меня!

– Молчу!

– ...девять... десять... уф... – Морган поднял на рыцаря взгляд. – А теперь объясни – что значит «не хотят воевать»?

– Понимаете, ваше величество, те солдаты, с которыми вы провели разъяснительную беседу, готовы за вас хоть в огонь, хоть в воду. Да и рыцари все – спросите любого! Но вы же только с одним полком поговорили. А остальные как были темнота, так и остались. Не

понимают величия текущего момента! И они не хотят воевать – говорят: это же наш законный государь Хилобок Четвертый вернулся. Как же против законного-то государя воевать? Вот. И не хотят.

– А... Нуда, действительно, – неожиданно повеселел мэтр Мордаун. – Я и забыл, что с остальными солдатами не поговорил... по душам. Да. Что ж, это беда поправимая. Завтра с утра устрой-ка ты мне смотр наших войск. Сколько там у Хилобока войск?

– Три полка пехоты, один – кавалерия и десяток пушек в обозе.

– Отлично! Собери мне на площади перед дворцом пять... нет, пожалуй, шесть наших лучших полков. Пожалуй, к девяти утра.

– Но, ваше величество, если войско Хилобока выдвинется с зарей, к девяти они будут уже в видимости столицы!

– Вот и хорошо! Чтобы истина воссияла в умах солдат, мне много времени не понадобится. А они прямо с площади и ринутся в бой – со свежими, так сказать, моральными силами.

– Замечательный план, ваше величество...

Что еще хотел сказать главнокомандующий, так и осталось неизвестным. Потому как в этот момент в коридоре раздался шум, и в кабинет без стука ввалились три стражника с извивающимися мешками в руках.

– Ваше величество, разрешите доложить его благородию! Ваше благородие, приказ его величества выполнен! – несколько сумбурно отрапортовал один из стражников. – Виновники птичьего шума выловлены и доставлены!

– О! Вот порадовали старика! – просиял мэтр Мордаун, потирая ручки. – И кто же это у нас там? Вытряхните-ка их...

Я с ужасом уставился на стражников, развязывающих мешки. Неужели Коллет полезла-таки за мной? И Жака уговорила... Стоп-стоп... Что за ерунда? Если это Коллет и Жак, то кто третий?

– Карррр! Каррраул! Кошмаррр!

– Мама!

– Что это?

– Идиоты!

– Кошмарррр! Каррраул!

Я скорчился на балке, стараясь остаться незамеченным как обалдело крутящим головой магом, так и беснующимися воронами – кто их знает, что им взбредет в голову.

– Кретины, идиоты, бездари! Уничтожу! Сгною!

– Ваше благородие! Вы же сами приказали изловить и доставить виновников шума!

– Сэр Ганджубас, ваши подчиненные что, издеваются надо мной?

– Нет, они просто...

Пх-х-х.

Пх-х-х... П-х-х-х.

Внизу несколько раз сверкнуло пурпурным заревом. Несколько ворон на моих глазах затянуло в маленькие «водовороты», возникшие прямо в воздухе, остальные птицы резко прекратили панику и вылетели в окна. Я осторожно выглянул из-за балки. В кабинете остался только мэтр Мордаун да три пустых мешка на полу. Маг протяжно зевнул и позвонил в колокольчик. Через мгновение на пороге возник слуга.

– Мешки убрать. Вино подогреть со специями – Бык знает как подать. Постель приготовить.

Слуга так же мгновенно испарился вместе с мешками. Через некоторое время в кабинет вошел Бык – на этот раз в ливрее слуги, сидевшей на нем как на огородном пугале. В руках громила осторожно нес поднос с графином вина и блюдом с печеньем.

– А... Поставь вот сюда. Да, вот так... Ах, Бык, что бы я без тебя делал? Кругом либо идиоты, либо враги! И, самое ужасное – идиотов гораздо больше. Понимаешь, Бык? Врага можно переманить на свою сторону. Убедить в своей правоте, подкупить или, на худой

конец, запугать. И он будет хорошим соратником. А идиот – он безнадежен. С ним ничего нельзя сделать, и когда он искренне на твоей стороне – это еще хуже. Ну ничего, надеюсь, бывшему главнокомандующему понравится в Алжире. Он часто говаривал, что хотел бы сразиться с османами – теперь у него есть шанс.

– Да, господин!

– Все-таки он там будет не один – с тремя своими людьми. И с воронами...

– Да, господин!

– Передай этому... э-э-э... А кто там у меня еще остался? Впрочем, неважно! Кого первым встретишь, тому и передай, что он теперь главнокомандующий. Все равно они там все одинаковые. Или враги, или идиоты... как я устал!

– Пойдемте, господин, ваша постель готова!

– Спасибо, Бык. Сейчас пойду... Только выпью вина.

Я заметался... То есть внешне я остался совершенно неподвижен, но внутренне заметался – подлить эликсир в вино сейчас оказалось совершенно невозможным. А потом Морган ляжет спать. Входит ли в его привычки пить по утрам? Вряд ли! Какой-никакой, а маг – у них положено голову держать ясной... А потом он задурит головы солдатам и устроит бессмысленную бойню! Проклятье!

Пока я переживал, мэтр Мордаун допил вино и, опираясь на руку Быка, вышел из кабинета. Я прислушался, торопливо спустился вниз и последовал за комичной парочкой. Не может мне так упорно не везти! Наверняка маг хоть что-то с утра съест или выпьет. Ну не помчится же он выступать перед войском на голодный желудок в самом деле!

Утешив себя этой мыслью, я прокрался почти к самым дверям королевской спальни и, укрывшись за мраморным вазоном (хвала Хилобоку – во дворце вазоны и даже целые клумбы с цветами торчали на каждом углу), прислушался. Ничего. Только сопят на посту стражники да слышно, как в спальне Бык напевает хозяину колыбельную. Как же мне внутрь проникнуть-то? Неужели амбал собирается просидеть там всю ночь? А ведь вполне вероятно! Устроится на коврик под дверью – чтобы в случае нападения убийцы сначала наткнулись на него. Так во многих замках заведено... В нашем-то родовом гнезде таких варварских обычаев, конечно, не было – батюшка мой, как я уже писал, был человеком прогрессивных взглядов. К тому же, по здравом размышлении, ну кому понадобится засылать к нам убийц? Но у некоторых знакомых дворян этот обычай – заимствованный, кстати говоря, у сарацинских правителей – был весьма популярен.

Точно! Морган захрапел, и я услышал, как Бык возится под дверью, устраиваясь на подстилке. Итак, путь в спальню для меня закрыт... я осознал, что нервно подметаю пол хвостом, и постарался взять себя в... гм... руки. Ничего, впадать в панику рано – есть ведь и другой конец «цепочки», а он более доступен! После недолгого блуждания по засыпающему дворцу я по запаху горелого жира разыскал кухню. Поварята как раз заканчивали отмывать посуду, в котле замачивали бобы, а рядом с плитой стояли две бадьи с тестом. Оно и понятно, к завтраку во дворце обязательно должен быть свежий хлеб. Что ж, обоснуемся здесь... Я укрылся в самом темном углу за мешками с репой и приготовился ждать. Стоило, пожалуй, хорошенько выспаться перед завтрашним днем. Но выспаться мне, разумеется, не дали.

– Эй, бездельники! – раздалось от дверей, и в кухню мягкой походкой вошел невысокий бледный тип в абсолютно черном камзоле. – Где еда для заключенных? Почему не доставили?

– Так это... господин Танатус... – залепетал один из поварят. – Господа повара уже разошлись по домам, а нам ничего не сказали!

– А разве в замке есть заключенные? – несмело вякнул другой поваренок.

– Это, разумеется, не вашего ума дело, молодой человек! – надменно произнес бледный тип. – Но, поскольку дело и впрямь экстраординарное, доставлю себе удовольствие подтвердить – благодаря нашему замечательному мэтру Моргану Мордауну в нашем дворце наконец-то появился заключенный... Ах, дети, вам этого пока не понять – какую радость

испытывает профессионал, когда его работу наконец признают необходимой!

– Поздравляем, господин Танатус! – нашелся первый поваренок. – Это рано или поздно должно было произойти!

– Что? – неожиданно уставился на него блеклыми, выпуклыми, как у лягушки, глазами Танатус.

– Это... ну... Раз есть тюрьма, в ней должен кто-то сидеть, господин начальник тюрьмы...

– Образ твоих мыслей правильный, молодой человек! – захлопал в ладоши Танатус. Похоже, у мужика не все дома – его настроение скакало, как температура при лихорадке. – Не испытываешь ли ты желания сделать карьеру на более достойном и интересном поприще, чем кухня? Теперь, когда в тюрьме появились заключенные, я намерен подать прошение об увеличении штата. Перед тобою откроются великие перспективы!

– Я... я недостойн такой чести, господин начальник тюрьмы! – Из моего укрытия было заметно, как поваренок резко побледнел и покрылся потом – видимо, от осознания великих перспектив, готовых обрушиться на его голову.

Тут на его счастье в кухню ввалился шеф-повар и с ходу наступил бледному господину на ногу. Поскольку шеф являл собою полную противоположность тюремщику, а именно, был дюжим краснолицым толстяком, ноге господина Танатуса пришлось нелегко. Не замечая перекосившегося лица начальника тюрьмы, шеф воздел руки к черному от сажи потолку кухни и возопил:

– Почему посторонние на моей кухне?! – Повернувшись к господину Танатусу и придавив его обширным чревом к столу, шеф завопил на этот раз прямо в лицо начальнику тюрьмы: – Почему посторонние на моей кухне, я спрашиваю?! С каких пор моя кухня стала проходным двором?! Это служебное помещение! Здесь должен царить идеальный порядок и чистота!

– Боже... – простонал начальник тюрьмы. – Франц! Прекрати орать и СОЙДИ С МОЕЙ НОГИ!!!

– О! Извини! – нормальным голосом произнес толстяк, отступая от Танатуса. – Чего приперся-то?

– Я не «приперся», а был вынужден покинуть вверенную мне территорию и лично прийти сюда исключительно по той причине, что до сих пор не была доставлена еда для заключенных!

– Цэ-цэ-цэ... – покачал головой шеф-повар. – Ты не пробовал говорить попроще? У меня был тяжелый день, все время у плиты, жарко, башка трещит, а тут еще ты... кому что не доставили? Откуда у тебя заключенные?

– Грамотное и изящное построение речи является необходимым искусством для благородного человека. Заключенный номер восемь, именующий себя маркизом д'Карабасом, был задержан сегодня утром за попытку покушения на главу государства, поломку дворцовых ворот, дверей главного входа и причинение прочего материального и морального ущерба. В настоящее время находится под следствием, до конца которого будет пребывать в камере предварительного содержания.

– А, так вот кто ворота выломал! Здоров, видать, маркиз, наверняка правильно питается! – уважительно протянул Франц. – Погодь, а почему «заключенный номер восемь»? Кого еще посадили-то?

– Никого, – слегка порозовел бледный господин Танатус. – Нумерация сквозная – начиная со дня постройки тюрьмы.

– А... понятно. Ну извини, приятель, я же не знал, что у тебя кто-то сидит. Обьедки уже все на скотный двор отправили. Вот если хочешь – отнеси маркизу хлеб. Все равно к утру зачерствеет. Вот еще немного сыра осталось и полбочонка пива... Пиво, правда, выдохлось уже. Неловко такое предлагать маркизу, но в конце концов он же в тюрьме!

– Подойдет. – Танатус равнодушно махнул рукой. – Есть у меня подозрение, что он тот еще маркиз. Но завтра не забудь прислать нормальной еды – пока заключенный под моей

ответственностью, я не хочу, чтобы у него были причины жаловаться на плохое содержание.

– А ты поставь его на довольствие. Мне, между прочим, отчитываться за продукты!

– Бюрократ!

– А с вами иначе нельзя! – не остался в долгу шеф-повар.

Я дождался, пока он отвернется с какими-то поучениями к поварьям, и выскользнул вслед за начальником тюрьмы. Надо же! «Маркиз д'Карабас»! Ну Андрэ, ну молодчина! Сообразил назваться выдуманным мною титулом и остался жив! Если бы мэтр Мордаун сразу понял, что перед ним простолюдин, приказал бы повесить не раздумывая. А так решил проверить, нет ли за маркизом организации. Благородные ведь обычно заговоры в одиночку не замышляют. Проклятье! Бедолагу наверняка весь день пытали, пока я с Коллет трепался. Ну ничего, Конрад фон Котт уже спешит на помощь!

Между тем господин Танатус прошел по анфиладе, окружающий большой зал приемов, свернул в какой-то неприметный коридор, вдоль которого расположены были одинаковые дубовые двери, взял с полки фонарь, запалил в нем свечу, вошел в самую последнюю из них и – запер ее за собой. Я невольно выругался: да что же в этом дворце все аккуратные такие?! Что у них тут, полотенца кто-то воровать повадился? Или это мне сегодня так везет? Ну да я никогда не пасовал перед запертыми дверями – наемник я или нет? Тем более что под рукой у меня была прекрасная отмычка. Точнее, не под рукой, а прямо в руке... э-э-э... в лапе. Выпустив коготь на среднем пальце, я поковырялся в замочной скважине, и через несколько минут замок сдался.

Открыв дверь, я обнаружил крутую лестницу, спускающуюся куда-то глубоко во тьму. Господин Танатус, видимо, уже успел далеко уйти со своим фонарем, и темнота внизу была непроглядная – даже для меня. Прикрыв за собою дверь, я побежал вниз по ступенькам, надеясь только, что подземелье дворца построено стандартно, без всяких лабиринтов, ловушек и прочих извращений. Так и оказалось. Даже лестница на самом деле была не такой уж и длинной – по моим подсчетам, она уходила под землю не больше чем футов на пятьдесят, просто заканчивалась она крутым поворотом, из-за которого и не было видно свет фонаря. Я заметил его отблески на противоположной стене, когда почти достиг последней ступеньки, а голоса услышал еще раньше. Точнее – один голос, принадлежавший господину Танатусу. Начальник тюрьмы вещал в своей нудной манере что-то бесконечное, собеседник же его хранил молчание. Зная Андрэ, я даже мог предположить почему.

Спустившись с лестницы, я осторожно выглянул из-за угла – господин Танатус сидел ко мне боком в кресле у небольшого столика и разговаривал с кем-то, находящимся вне поля моего зрения.

– Посудите, однако, сами, маркиз! Большинство благородных семейств так или иначе имеют постоянные отношения между собой, что нельзя считать чем-то экстраординарным, ведь большинство таких семей связано друг с другом родственными узами. Эти отношения выражаются в поездках друг другу на светские приемы, балы, псовые и соколиные охоты. Конечно, всех не упомянуть, но ваш титул, маркиз, достаточно высок, чтобы визит любого из членов вашей семьи на какое-либо светское мероприятие запомнился мне. Тем не менее я уверен, что никогда ранее не слышал такого имени – д'Карабас. Не желаете ли внести ясность в этот вопрос, маркиз?.. Маркиз!

– А?

Я чуть не расплакался от нахлынувших чувств, услышав знакомый ответ.

– Вот и об этом я тоже хотел бы поговорить с вами. Несомненно, некая лаконичность в изъяснении своих мыслей часто свойственна представителям даже благороднейших из семейств, особенно тем, кто посвятил себя военной карьере. Да и положение узника не располагает к многословному общению с тюремщиком – понимаю и никаких претензий не имею. Однако не могу не отметить, что ответ, состоящий из одного лишь «А?» на все без исключения вопросы, выглядит подозрительно. У меня даже складывается ощущение, что это не есть выражение протеста по поводу вашего задержания и не естественная реакция на пережитое унижение, а просто результат того, что вы меня не понимаете, маркиз... Маркиз,

вы меня слушаете вообще? Неужели вы так проголодались за один день... Послушайте, я ведь специально нарезал сыр, чтобы его можно было... О-о-о! Прошу вас, не делайте так больше! Проклятье, я не могу на это смотреть! Вы – животное!

Господин Танатус вскочил и, забыв на столе фонарь, бросился вон, едва не отдавив мне хвост в темноте. Подождав, пока на лестнице стихнут шаги, я вошел в темницу. За изрядно проржавевшей решеткой на тонкой подстилке из соломы восседал мой оруженосец. В одной руке гигант сжимал булку хлеба, в другой – сразу несколько ломтей сыра. Откусив поочередно от того и другого, Андрэ бесхитростно положил еду на отнюдь не блистающий чистотой пол и присосался к бочонку с пивом. Сглотнул – как мне показалось, не жуя, – и витиевато рыгнул. М-да... манеры у «маркиза», конечно, грубоваты. Но это уж пусть Анна голову ломает...

– Ну как, Андрэ, убедился? Я был прав...

– Господин?! – Андрэ выронил бочонок и на четвереньках подбежал к решетке. – Господин! Вы все-таки пришли за мной?!

– Ну не мог же я тебя бросить... Хотя и стоило бы после твоей выходки. Интересно, на что ты рассчитывал – один против всей дворцовой стражи?

– Не знаю, господин, – вздохнул оруженосец. – Я подумал, надо ведь что-то делать! Это неправильно, что принцесса будет лягушкой. А вы ей помочь почему-то не хотели. Вот мне и пришло в голову – раз я теперь маркиз, пойду сам к магу. Напугаю его как следует, он и согласится ее расколдовать. Вы не думайте – я бы и за вас попросил тоже!

– Гм... Спасибо, Андрэ, это очень трогательно. И что? Получилось мэтра Мордауна напугать?

– Ну... Ворота я все-таки вышиб! – расплылся в счастливой улыбке Андрэ. – Они на самом деле такие хрупкие. Мой тятя на подвал двери куда крепче ставил, а я их иско мальцом сносил! А тут один раз пнул – ворота-то и проломились. Видать, подгнили. Стражники, как это увидели, сразу и разбежались. Потом я двери во дворец вышиб, потом еще одни... а они все не кончаются! Вижу – стражники бегут. Думал спросить у них, как пройти к магу – они же здесь служат, должны знать, – побежал за ними, но они, по-моему, испугались. Не, точно испугались. Потому что убежали сразу. Ну вот... И рыцари какие-то навстречу выбежали, начали мечами махать. Ох, господин, вы же знаете, как я всякого этого оружия боюсь! Ну отобрал у двоих мечи, скрутил – чтобы, не дай бог, не порезался кто... Только хотел спросить, где мне этого ихнего мэтра искать, а они чего-то все разбежались уже. А потом я смотрю – стоит плюгавый такой мужичок и так он на меня смотрит – я сразу понял – маг! Я только хотел с ним заговорить, как он что-то такое сделал руками, и я сразу здесь оказался. Видать, он разозлился очень. Я там столик какой-то раздавил или даже два. Может, он из-за этого?

Я представил, как Андрэ гоняется за стражей и рыцарями по дворцу, вышибая двери и ломая мебель, и вынужден был согласиться:

– Да, я думаю, у него были все причины разозлиться!

– Что же теперь делать? – повесил голову «маркиз». – Он теперь не согласится принцессу и вас расколдовывать?

– Не расстраивайся, Андрэ. Это не имеет значения. Он, оказывается, и не может нас расколдовать.

– Не может? Но как же он?..

– Это длинная история, дружище, а здесь не лучшее место для долгих разговоров. Надо тебе отсюда выбираться, пока господин Танатус не привел в порядок свою утонченную душевную организацию и не вернулся. – Я запрыгнул на стол и снял с крючка здоровенный ключ на кольцо. – Я так понимаю, именно это – ключ от твоей камеры? Ну-ка попробуй открыть.

Замок послушно щелкнул, и Андрэ бросился меня обнимать.

– Ну-ну, тише ты! Кости мне переломашь, увалень!

– Это... это что такое?! – раздался полный праведного возмущения вопль. – Маркиз,

как вы смогли выйти?! Немедленно вернитесь в камеру!

– Андрэ, хватай его!

– Кто это сказал?!

– Я не могу, господин...

– Андрэ, если выберемся, на кухне я видел копченый окорок!

Как я и думал, этот аргумент пересилил миролюбие гиганта. Господин Танатус не успел даже «Мама!» сказать, как очутился в камере. Оглядев скудный интерьер и остатки сыра на полу, начальник тюрьмы взвыл:

– Вы не имеете права!

– Послушайте, Танатус. – Я уселся на краю стола, закинув лапу на лапу. – Вы ведь неглупый человек? Мы с маркизом сейчас уйдем. Вы, конечно, можете кричать и шуметь. Возможно даже, что вас кто-нибудь услышит и выпустит, хотя вообще-то стены тут толстые. Но вы хотите объяснять мэтру Мордауну, как упустили заключенного и оказались на его месте? Учитывая его милую привычку забрасывать разочаровавших его подданных во всякие экзотические места? Вот и мне кажется – не хотите. Мой совет – пересидите эту ночь здесь. Уже к завтрашнему полудню у королевства будет другой король, а вы – как узник преступного узурпатора – сможете рассчитывать на его благосклонность. Подумайте над этим... Пошли, Андрэ, нас ждут великие дела!

Оруженосец не заставил себя упрашивать – видение копченого окорока вдохновляло его на подвиги. Меня даже посетила идея направиться к магу и при помощи Андрэ убедить того принять эликсир. Правда, обдумав все возможные варианты, я сам же отверг этот план как слишком уязвимый для всяких непредвиденных помех. Да и вообще разгуливать по коридорам дворца в компании с ожившей осадной башней, да еще и отягощенной перманентным пацифизмом, я счел слишком опасным. Испытывать характер трусоватого гиганта следовало только в крайнем случае, а пока надо было его где-то спрятать... легко сказать! Интересно, где во дворце, наштигованном стражниками и придворными, можно спрятать здорового детину в рваных штанах и нательной рубаше? Тут мне на глаза попала очередная подставка с цветами, и в голову сразу пришло идеальное место – зимний сад! Наверняка после отъезда Хилобока про его святая святых все благополучно забыли. После недолгих поисков я обнаружил двери, представлявшие собой сплошной витраж, на котором изображен был райский сад. Сомнений в том, что укрыто за этими дверями, у меня не было. Так и оказалось – в огромном зале под потолком, искусно собранном на манер того же витража, но из прозрачных стекол, раскинулись настоящие джунгли. Порядком увядшие, надо признать – видимо, несколько недель после переворота никто растения ни разу не поливал, земля совсем высохла, листья и цветы пожухли и начали опадать. Оставив Андрэ в саду, я вернулся на кухню и обнаружил ее безлюдной. Вернее, двое помощников шеф-повара, которых тот назначил присматривать за тестом для утренней выпечки, присутствовали. Но считать их за людей было бы излишне – пока я освобождал Андрэ, паршивцы успели где-то раздобыть бутыль самогона и даже привести себя в состояние полной невменяемости. Что ж, это касается исключительно шеф-повара. Я стащил из кладовой самый большой окорок и поволок его в зимний сад.

Там меня ждала идиллическая картина – Андрэ наполнял из колодца ведро и поливал растения... Ну и хорошо – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы дворец не громило.

Наказав оруженосцу сидеть тихо и ждать моего сигнала, я вернулся на кухню – сторожить завтрак мэтра Мордауна.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт схватился с коварным мэтром Морганом Мордауном и какой неожиданностью это закончилось для мага

Разбудил меня рев слона.

Во всяком случае, так мне почудилось сквозь сон, и даже привиделся чудный зверь из далеких Индий, которого как-то довелось видеть мне в зверинце одного сарацинского правителя. Сей элѐфантус, именуемый в просторечии также слоном, росту был превеликого и имел два хвоста – позади, как у всех приличных животных, и впереди – на самом рыле. Этим хвостом элѐфантус брал всякую пищу и засовывал себе в рот. Надо заметить, что, несмотря на устрашающие клыки и грозный рев, элѐфантус питался исключительно травой, овощами и фруктами. Но ревел очень страшно! И точь-в-точь такой же страшный рев разбудил меня утром на дворцовой кухне... Правда, этот элѐфантус почему-то ревел вполне человеческими словами, хотя и не все из них были мне знакомы. Тут я окончательно проснулся и сообразил, что никакого элѐфантуса на кухне нет, а просто шеф-повар отчитывает помощников, упустивших подошедшее тесто. Тут повар перешел от устного раздумления к физическому, приговаривая под аккомпанемент оплеух:

– Вот встанет его величество и спросит свой традиционный кофе с горячим рогаликом – что я ему отвечу? Нету рогалика? Да он меня враз в Московию закинет, диким медведям бланманже готовить! И будет прав, потому что какой же я, к чертям курячьим, шеф-повар, если не смог подать к утреннему кофе горячий рогалик?! Ну да вы не думайте – отправитесь вместе со мной! Так что проваливайте собирать теплые вещи! Вон!

Оба помощника не замедлили спастись бегством, а шеф, оставшись на кухне в одиночестве, повздыхал, поманил забившегося в угол поваренка, и, что-то шепнув ему на ухо, протянул несколько монет. Мальчишка, просияв, также умчался с кухни. Франц продолжил мерить кухню тяжелыми шагами, вздыхая и ворча в полголоса:

– Какое унижение! Я – лучший повар в королевстве... Да что там! Я – лучший повар среди семи окрестных королевств, а в конкурсах остальных просто не принимал участия, иначе мог бы быть лучшим поваром Европы! Но это ерунда и суeta суeta – эти конкурсы, я ведь и так прекрасно знаю, что лучший повар в Европе! И я вынужден из-за двух сонных разгильдяев покупать рогалик у какого-то городского хлебопека! Боже! Как мне пережить этот позор!

Тут вернулись его помощники, закутанные в немыслимое количество одежек. Шеф-повар лишь махнул рукой и приказал варить кофе. Я мгновенно напрягся – вот он, мой шанс! Только надо как-то отвлечь всю эту поварскую братию от кофейника хоть на минуту...

По лестнице застучали торопливые шаги, и в кухню влетел поваренок с корзинкой рогаликов. Шеф немедленно зарылся в них, выбирая самый безупречный, а оба помощника вытянули любопытные носы, пытаясь заглянуть ему через плечо. Я прокрался к плите, на которой варился кофе и потянулся к турке...

– Где завтрак его величества? – гулко разнеслось по кухне.

Я скорчился в углу возле плиты в надежде, что Бык не успел меня заметить.

– Уже готов, господин Бык! – залез безил шеф-повар, подавая громиле поднос. – Вот, извольте, рогалик, масло, сливки, сахар, кофе... э-э-э, одну минуту!

Шеф метнулся к плите и с поразительной точностью одним движением наполнил фарфоровый кофейник.

– Вот и кофе! Передайте его величеству от меня самые искренние пожелания приятного аппетита!

Бык что-то неразборчиво прогудел и вышел из кухни.

Проклятье! Опять неудача! Уже не обращая внимания на поваров, я выскочил из кухни и побежал за Быком. Мягкие кошачьи лапы несли меня совершенно бесшумно, но гигант явно что-то чувствовал. Он все время подозрительно оглядывался, заставляя меня каждый раз срочно искать укрытие. Так мы добрались до спальни Мордауна, и я вновь укрылся за вазоном с цветами. Ситуация складывалась тупиковая. Мимо стражников мне не проскользнуть, а даже если и проскользну – либо Бык, либо Морган отреагируют на открывшуюся дверь и увидят меня. Сейчас Морган выпьет свое кофе, заморочит головы солдатам, и начнется война. Только чудо могло помочь мне... и оно явилось в виде высокого тощего человека с лицом столь надменным, что, не будь на нем ливреи дворецкого, я принял

бы его как минимум за главного советника. Впрочем, плевать на выражение его лица! Главное, что его сопровождали двое мальчишек-слуг. Один тащил деревянную болванку с натянутым пышным париком – пожалуй, даже у Пусия Первого парик был менее шикарным, – второй же нес распялку с камзолом военного покроя. Мальчишка был невысок, и полы камзола едва не волочились по полу. Это был риск, но выхода у меня не оставалось. К счастью, троица оказалась так поглощена важностью своей миссии, что мне удалось незаметно укрыться между полами камзола и так пробраться мимо стражников.

– Ваше величество! – торжественно провозгласил дворецкий. – Войска построены на площади перед дворцом. Пора одеваться!

– Не желаю! Что за хамство?! Как вы смеете указывать, что мне пора делать?! Я тебя сейчас...

– Ваше величество! – Дворецкий остался невозмутим и надменен. – В вашей власти отправить меня куда угодно, но прошу вас прежде встать и одеться. Назначенный вчера на место покинувшего нас сэра Ганджубаса Невообразимого главнокомандующий сэр Сахарин Натуральный просил поставить вас в известность, что войска неприятеля уже видны со стен города и продолжают наступление. Самое большее чрез полчаса они подойдут к воротам.

– Это невыносимо! – заныл из-под перины маг. – Если бы я знал, что править страной так хлопотно, я бы ни за что не ввязался в эту авантюру! Когда я был придворным магом, я вставал не раньше полудня!

Пока мэтр Мордаун капризничал, а Бык и дворецкий утешали и уговаривали его, я перебрался под столик, на котором стоял поднос. Вытянул зубами пробку из фляжки, и через мгновение ее содержимое оказалось в кофейнике. Есть! Я прополз под кровать и растянулся на полу... Иезус Мария! Я даже не представлял, в каком напряжении пребывал все это время! Но теперь можно спокойно расслабиться – дело сделано. Войны не будет, Хилобок вернет себе трон, а Коллет вернет принцессе и мне человеческий облик. Надо обязательно перекинуться с ведьмой парой слов, чтобы подать всю эту историю в правильном свете – тогда, глядишь, и нам с ней перепадет что-то от благодарного монарха. Я надеюсь – очень неплохо перепадет! Можно, пожалуй, даже претендовать на место капитана в королевской гвардии... «О чем ты думаешь, Конрад! – тут же мысленно оборвал я себя. – Капитана? Да человек, совершивший такой подвиг, вполне заслуживает места главнокомандующего. Особенно учитывая кадровую политику Мордауна – большинство остальных кандидатов на должность слишком рассеяны... по свету».

Мои сладкие мечты были прерваны скрипом кровати – Моргана все-таки уговорили встать, и он, не переставая ныть и ругаться, позволил дворецкому одеть себя. Я все ждал, когда же он выпьет кофе, но проклятый колдун словно издевался надо мною – раз пять он подходил к столику, разрезал рогалик, намазывал его маслом, заливал в кофе сливки, но каждый раз что-то его отвлекало, и он так и не сделал ни глотка. Я так извелся, что готов был уже выскочить из-под кровати и силой влить в Моргана проклятый кофе, но присутствие Быка производило сильный успокаивающий эффект. Наконец с процессом облачения было закончено, на голову мэтра Мордауна водрузили парик, сделавший его сразу на две головы выше, маг доел рогалик и взял в руку чашечку с кофе. Я невольно затаил дыхание...

– Ваше величество! – Дверь распахнулась и в комнату вкатился маленький пузан, весь словно состоящий из шаров и валиков жира. – Ваше величество! Ну где же вы?!

– Это еще что такое?

– Не извольте гневаться, ваше величество! – прогудел Бык. – Но это и есть сэр Сахарин Натуральный, ваш новый главнокомандующий.

– Он идиот или враг? – деловито поинтересовался маг.

– Все в порядке – идиот.

– Это хорошо. А вот врываться ко мне во время завтрака – это очень плохая карма!

– Ваше величество! Но войска противника уже вошли в город и скоро будут во дворце!

– Как?! Кто допустил?! Почему мне не доложили?! – завопил Мордаун, стуча ногами и расплескивая кофе. Я выругался шепотом.

– Осмелюсь сказать, ваше величество, но я докладывал! – состроив надменную гримасу, произнес дворецкий. – Но вы не желали слуш...

П-х-х-х...

– Никогда! Слышите?! Никогда не смейте мне говорить, что это я во всем виноват! С детства ненавижу, когда мне так говорят... Э-э-э... Никто не заметил, куда я его отослал? Ну ладно, неважно! Я желаю немедленно спасти державу! Идемте к войскам!

Я вылез из-под кровати и, не веря своим глазам, уставился на забытый всеми кофейник. Это был провал – невозможное, невероятное фиаско! Быть так близко к успеху и проиграть?!

Я – сам не очень понимая зачем – бросился вслед за Морганом. В голове крутились какие-то бредовые идеи вроде того, чтобы наброситься на мага и попытаться перегрызть ему горло. Останавливала меня только очевидная самоубийственность этой идеи – на этот раз Бык не станет церемониться и просто свернет мне шею. Так ничего путного и не придумав, я выскочил вместе со шлейфом придворных вслед за Морганом на крыльцо.

Да-а-а... Шесть полков – это не так уж и много по меркам современных войн, мне доводилось участвовать в гораздо более масштабных сражениях, но – надо признать, – выстроившись перед дворцом в сияющих кирасах и шлемах, они производили впечатление!

Морган шагнул вперед и воздел руки к небу. Я думал, он собирается устроить какое-нибудь колдовство, но это была всего лишь пафосная поза. Впрочем, возможно, какое-то колдовство все-таки имело место – голос мэтра, казалось, без труда достиг самых дальних рядов солдат.

– Солдаты! Воины! Вот стою я перед вами – простой придворный маг, волею судьбы призванный спасти наше многострадальное Отечество...

Шшшшша-гррх!

Я зажмурился и прижал к голове уши – за мгновение до того, как молния ударила в крыльцо, я увидел, как мальчишка-паж откинул закрывающую глаза челку, узнал пронзительные зеленые глаза и понял, что сейчас произойдет.

– Та-а-ак... Ну это уже совсем наглость! Куда смотрит охрана? Меня чуть не поджарили у всех на глазах! Бездельники!

Я открыл глаза. Диспозиция на крыльце изменилась, хотя ожидаемого сокращения действующих лиц не произошло – мэтр Мордаун в дымящемся парике хоть и выглядел несколько подкопченным и дезориентированным, был безнадежно жив. Двое придворных держали за руки отчаянно вырывающуюся ведьму.

– Ну и что за юное дарование принесла нелегкая в мое королевство? Кто ты, парень?

– Когда спрашивает его величество, надо отвечать, – скучным голосом произнес Бык и замахнулся, собираясь ударить «пажа». Это ему не удалось. Сам не знаю, как так получилось, но меня словно подбросило хорошим пинком, и я, запрыгнув громиле на плечи, вцепился когтями в лицо, стараясь попасть в глаза. Бык как-то по-женски пронзительно завизжал и завертелся на месте...

– Коллет, беги!

– Коллет?!

– Конрад?!

– ...ть! ...!

Увы, придворные, державшие ведьму, то ли не растерялись – на что я надеялся, – то ли как раз растерялись и от этого впали в ступор, но Коллет не смогла вырваться. А в следующее мгновение на меня обрушилось небо и перед глазами все померкло. Я успел подумать, что все-таки погиб самым несуразным образом, да еще и в шкуре кота. А потом больше ничего уже не думал.

Пока не открыл глаза.

– Вот, ваше величество! Этот тоже жив!

– Ничего, Бык, это ненадолго. Сейчас быстренько допросим, и можешь его убить.

Меня бесцеремонно вздернули за шкурку и встряхнули. Боль прояснила мой разум, и я понял, что снова нахожусь в спальне Мордауна. Хозяин спальни, укутавшись в теплую

мантию, сидел в кресле напротив и с интересом разглядывал меня. Молния начисто спалила ему брови и ресницы, от чего лицо его стало еще более уродливым. Держал меня, судя по всему, Бык. На кровати сидела связанная по рукам и ногам Коллет, а рядом с ней – непонятно откуда взявшийся Жак.

– Добро пожаловать назад – в мир живых, – нехорошо улыбаясь, проскрипел маг. – Правда, это ненадолго. Быку очень не понравилось, как ты разукрасил его лицо. Но он – человек добрый и не будет тебя слишком долго мучить. И чем быстрее ты расскажешь, кто и зачем тебя нанял, тем меньше будешь мучаться.

– Никто меня не нанимал. Я все рассказал еще в первую нашу встречу...

– Сказочку про злую ведьму можешь не повторять. Очевидно, что вы работаете в паре. Вернее, втроем, но это ничтожество в расчет можно не принимать. – Он кивнул в сторону Жака. – Бык?

Гигант взял меня за задние и передние лапы и начал растягивать. В глазах у меня опять потемнело, и я взвыл от боли.

– Итак, начнем сначала, – спокойно продолжил маг. – Кто и зачем тебя нанял?

Мой ответ в основном состоял из перечисления способов, которыми маг может вступить со своим любимчиком-палачом в интимную близость. Я не из тех отчаянных храбрецов, что терпят любые пытки и умирают в застенках, так и не выдав тайну. Какое там! Я бы все рассказал, но попал в дурацкую ситуацию – мне нечего было рассказывать. Я и так признался во всем, но Мордаун не верил ни единому моему слову. Так зачем зря унижаться?

– Очень познавательно... Ты, наверное, думаешь, что протянешь время и тебя спасет Хилобок? – усмехнулся маг. – Не рассчитывай на него. Ни ты, ни твоя сообщница не смогли сорвать моего обращения к войскам. И сейчас они – вдохновленные мною – храбро отбивают наступление Хилобока. Ты не чувствуешь запаха? Не видишь дыма в воздухе? Думал – это у тебя от боли мутится рассудок? Нет. Это пороховой дым. Мои солдаты вооружены гораздо лучше, они сейчас спокойно расстреливают армию Хилобока из укрытий. А потом начнут контрнаступление, потому что вояка из Хилли – никакой... Так что ты мне хотел сказать? Бык...

Я терпел, сколько мог, чтобы не доставлять лишней радости мучителям, но потом все-таки заорал – уж очень это больно, когда растягивают, словно на дыбе. Мои чуткие кошачьи уши уловили где-то в глубине дворца звон бьющегося стекла и приближающийся тяжелый топот. Проклятье! Только Андрэ тут не хватало!

– Ну что же, мне не так уж важно получить эти сведения от тебя, – пожал плечами Мордаун. – Мне все расскажет Коллет или этот хлюпик... Черт! От этого дыма безумно першит в горле.

Мордаун взял чашечку с остывшим кофе и одним глотком выпил ее. И удивленно уставился на меня, потому что я начал хихикать, а потом и вовсе совершенно неприлично заржал. Смеющийся кот – зрелище, думаю, совершенно дикое. И это зрелище было последним, что увидел маг перед тем, как эликсир начал действовать.

– Ваше величество? – Бык уставился на рухнувшего рядом со столиком Мордауна. – Вам плохо?

– Ему охренительно! – простонал я сквозь смех. – Уверю тебя, я сам через такое прошел – знаю!

– Вы отравили его! – взвыл громила и потянул меня в стороны с явным намерением разорвать. – Вы сдохнете!

Я заорал от дикой боли – стесняться уже не имело смысла... Дверь влетела в спальню, словно по ней ударили тараном, и из коридора ввалился Андрэ. Бросив очумелый взгляд на связанных Коллет и Жака, на груды одежды, оставшейся от мага, он поднял глаза и увидел меня в руках Быка.

– Андрэ... – простонал я, – хватай девчонку и беги. Этот парень тебе не по зубам...

– А? Э-э, нет, господин! Я же поклялся никогда не покидать вас!

– Дурень. Я тебе приказываю! Спаси Коллет!

– Эй, брат, ты бы отпустил моего господина, а? – игнорируя мои слова, обратился Андрэ к слегка ошарашенному стремительным развитием событий Быку. – Нехорошо зверушек мучить!

– Ах ты ж...! И! – отвечивал Бык и вновь попытался разорвать меня пополам. Кулак оруженосца прошел совсем близко от моей растянутой тушки, раздался звонкий удар о кость, и я почувствовал, что свободен. Шлепнувшись на пол, я быстро отполз из-под ног дерущихся и оглянулся. Обычного человека, думаю, удар Андрэ отправил бы прямиком в могилу, но Бык не только остался стоять на ногах, но и ответил. К счастью для моего оруженосца, имеющего смутные представления о драке, Бык все же был изрядно оглушен, и большинство ударов, которыми он осыпал противника, цели не достигали. Это уравнивало бойцов, поскольку большинство ударов Андрэ также пропадали втуне, но уже из-за собственной его неловкости. Я полюбовался на это зрелище и поковылял к кровати.

– Коллет, перевернись на живот!

– Это еще зачем?

– Захотелось тебя отшлепать! – прохрипел я ехидно. – Совсем ум потеряла? Переворачивайся быстро, руки тебе развяжу!

– А... – Покрасневшая до корней волос ведьма послушно перевернулась на живот. Узел поддавался плохо, пришлось тянуть веревку зубами, но за пару минут я с ним все же справился. Коллет освободилась от веревки, быстро развязала ноги и наклонилась над Жаком.

– Потом развяжешь! – зашипел я. – Шарахни Быка молнией, пока он Андрэ не пришиб! Ты что, не видишь – парень еле его сдерживает!

– Не буду! – заупрямилась ведьма. – Я все время промахиваюсь! Хочешь, чтобы я и оруженосца твоего заодно поджарила?.. Да и посмотри – он вроде сам хорошо справляется.

Я обернулся... Ну и дела! Андрэ и впрямь теснил Быка! Слуга мага явно был опытен в кулачном бою, пытался делать финты и наносить хитрые удары, но оруженосец, казалось, не чувствует их. Сам он тупо пер вперед, нанося один за другим пушечные удары в голову Быка. Тот, конечно, легко уклонялся от большинства из них, но не от всех. И каждый пропущенный удар все сильнее и сильнее оглушал громилу. Вот он уже начал пропускать один удар за другим, вот он уже не может поднять руки для защиты... закачался... Наконец глаза его закатились, колени подогнулись, и Бык огромной бесчувственной горой мяса рухнул в углу, куда его загнал Андрэ.

Я подбежал к запаленно хватающему ртом воздух оруженосцу.

Лицо Андрэ напоминало отбивную, но он счастливо улыбался.

– Я победил... Господин, я его победил! Я больше не боюсь драться!

– Ты настоящий герой! Ты спас меня... Да не только меня, всех нас! Я этого никогда не забуду, Андрэ! – Я обернулся к ведьме. – Коллет, за твоей спиной на стене висят мечи, видишь? Принеси мне, пожалуйста, самый маленький...

Ведьма, проникшись торжественностью момента, поднесла мне на вытянутых руках старинный короткий меч, помнивший еще, наверное, кельтов... М-да...

– Поддержи его, пожалуйста, а? Я понимаю, что так не положено, но я сам его ни за что не удержу. Заодно будешь свидетелем, если что... Андрэ, встань на одно колено!

– Это зачем это?

– Вот балбес! Встань, говорю!.. Accingere gladio tuo super femur... черт! Не помню, как там дальше, ну да и неважно! Все равно ни пояса, ни шпор у меня нет, так что проведем обряд по сокращенному варианту – отныне ты, Андрэ... гм... Короче, с этого момента ты, Андрэ, свободный человек и рыцарь, в чем свидетельствую я – Густав Конрад Генрих Мария фон Котт.

– Я? Рыцарь?!

– Он – рыцарь?!

– Коллет, помолчи! Или ты считаешь, что он недостойн?

– Молчу, молчу...

– Ну вот... С формальностями покончили. Теперь надо остановить войну... Только вот как?

– Надо выйти из дворца и сказать солдатам, что мага больше нет... ой, а где маг-то?

– Я думаю, под одеждой... Интересно, во что он превратился? А от чего, кстати, зависит, во что превращается человек от твоего эликсира?

– Да я как-то не задумывалась над этим... И потом – Морган лишь третий человек, на котором я его испытала, статистических данных мало. Не думаю, что это зависит от сути человека – принцесса была совсем непохожа на лягушку.

– Сейчас посмотрим, во что обратился наш грозный маг... – Я приподнял пышный парик. – Гм... Так, говоришь, не зависит от сути человека?

– И-и-и-и! – Коллет мгновенно оказалась с ногами на столике.

– Иезус Мария! – Я от неожиданности выронил парик и попытался заткнуть уши лапами. – Коллет! Прекрати! Неужели ведьма может бояться мышей! Стыдно должно быть!

– Может! – обиженно пробурчала девушка. – Они противные! И потом, это не мышь, а крыса! Фу, мерзость!

– Да ладно – крыса как крыса... – Я приподнял спящего мага за длинный серый хвост, но тот даже не проснулся.

– Ты же не собираешься...

– Что?

– Ну... ты же кот?

– Что-о-о? Ты с ума сошла?! – Я брезгливо бросил Моргана на пол. – Как тебе такое только в голову могло прийти? Мы его отдадим Хилобоку – пусть судит. Ох! Надо же бежать скорее – остановить бой!

– А его куда? – опасливо кивнула на мирно похрапывающего крыса Коллет. – Если ты его с собой потащишь, я отказываюсь идти!

– Э-э-э... Жак! Ты крыс не боишься, надеюсь?

– Нет, господин.

– Ну и отлично! Кошон останется охранять нашего хвостатого мага. Свяжи его, чтобы лапами не мог махать – ему для колдовства надо что-то такое рукой сделать. Коллет! Пошли быстрее, пока они там друг друга не поубивали!

Мы бегом спустились на первый этаж дворца. Здесь не только пахло пороховым дымом – он клубился густым туманом. В горле сразу запершило, на глаза навернулись слезы. Со стороны дворца гремела непрерывающаяся канонада выстрелов, на которые изредка огрызались стрелки Хилобока. Похоже, наступающие уже истратили запасы пороха и вот-вот вынуждены будут пойти в атаку – прямо под пули.

– Ну и как мы будем их останавливать? – с сомнением протянула ведьма, оглядывая с балкончика поле боя. – Похоже, они заигрались: кричи не кричи – не услышат.

– Так... – Я задумчиво посмотрел на уродливый фонтан, красующийся посреди площади. – Врежь-ка молнией по этому истукану! Да вызови самую мощную, какую только сможешь.

– Так там ведь нет солдат?

– Ну и замечательно! Мы пришли спасти этих солдат, а не убивать – ты не забыла? И откуда только в такой молодой и красивой девушке столько кровожадности...

– Пообщалась с мужиками! – огрызнулась Коллет, но без настоящей злости. Прищурившись, она внимательно разглядывала фонтан. – Ну... хорошо. Я готова.

– Тогда – бей! Только не промахнись!

Ведьма закрыла глаза, что-то пробормотала и сомкнула над головой руки... Да-а-а, эта молния была всем молниям молния! Я даже не думал, что такие вообще в природе бывают. Особенно сильное впечатление она произвела, ударив с совершенно чистого – как на заказ – неба. Фонтан просто исчез, думаю – его разнесло в мелкую крошку. Уже одного этого хватило, чтобы пальба с обеих сторон мгновенно затихла, но эффект даже превзошел мои ожидания. Из оставшейся от фонтана дыры в центре площади вверх ударила мощная струя

воды, равномерно окатившая обе воюющие стороны.

– Молодец, девочка! – похлопал я Коллет по изящно обтянутой панталонами попке. Право слово – жаль, что девушки редко надевают костюмы пажей! – Андрэ, теперь подними меня повыше... Да не за шкуру же, болван!

Я оглядел с балкона мокрых солдат, столпившихся на площади, и завопил что есть мочи:

– Солдаты! Воины!

– Я, по-моему, это уже слышала недавно...

– Не отвлекай меня... Воины! Остановитесь! Этот бой – бессмысленный! Вы сражаетесь с законным королем – Хилобоком Четвертым!

– Как бы не так! – подал голос кто-то из солдат. – Мэтр Мордаун объяснил нам, что это не король, а самозванец! Настоящий король давно исчез...

– И вы ему поверили?

– Конечно!

– Но почему?

– Ну он же маг! Колдун! – раздалось несколько голосов сразу. – Он все знает!

– Вот именно! Он – колдун! Значит, продал душу дьяволу! О чем вы думали, когда доверились слуге сатаны? Этому ли учит вас наша общая мать – католическая церковь?

– Эй, ты сейчас договоришься! – прошипела мне в спину Коллет. – Хочешь, чтобы нас на костер потащили?

– Очень своевременное замечание, спасибо... Воины! Посмотрите, что проклятый колдун сотворил со мной! А ведь я был таким же, как вы, солдатом, человеком! Но его колдовство обратилось против него самого! Колдуна больше нет!

– Как нет?!

– Да что-то у него там не заладилось, и он сам превратился в крысу. Да это и неважно! Главное – вернулся законный государь – Хилобок Четвертый! Приветствуйте своего короля!

Надо отдать должное Хилобоку – он не испугался выйти перед войском и, гордо задрав подбородок, пройти во дворец. Навстречу ему уже бежали те из царедворцев, которых Мордаун еще не успел отправить в дальние края. Многие рыдали от счастья – уж не знаю, искреннего или притворного, – и падали на пол, пытаясь облобызать пыльные башмаки короля. Заметив нашу компанию, Хилобок не без труда выбрался из толпы придворных и устремился к нам с распростертыми объятиями.

– Дорогой мой! Я так обязан вам!..

– Ну что вы... – начал было я скромно, но Хилобок почему-то обнял Андрэ. – Дорогой маркиз, вы удивительный человек! В одиночку победить такого могущественного мага, как Мордаун, настоящий подвиг!

Я услышал, как Коллет прыснула в кулак от смеха, и исподтишка продемонстрировал ей выпущенные когти. Бог с ней – со славой! Пусть Андрэ считают настоящим победителем мага, тем более что, не подоспей он вовремя, наша победа вполне могла стать пирровой – как минимум для меня. Да и к чему мне слава? Я всегда предпочитал ей наличные. А парню пригодится – если он всерьез увлекся принцессой... А, кстати!

– Ваше величество, а где же принцесса?

– Ох! Я совсем забыл! – поник король. – Доченька, кажется, не может больше сопротивляться природе! Она все еще держится, но все больше и больше времени проводит во сне. Боюсь, она вот-вот погрузится в спячку до весны! Да! Вы схватили Мордауна? Надо заставить его немедленно расколдовать Анну!

– Не извольте беспокоиться – Мордаун схвачен. Но вообще-то он нам не нужен. – Я указал на Коллет. – Эта девушка превосходит его в мастерстве магии и сможет расколдовать и принцессу, и меня. Иезус Мария, как же я устал быть котом!

– Тогда не будем терять время! – оживился Хилобок. – Идемте в кабинет мага – там наверняка есть все необходимое...

– Мне на самом деле ничего не нужно, – пожала плечами Коллет. – Противоядие у меня

с собой. Но нам действительно лучше найти укромное место – не забудьте, что принцесса вернется в свое естественное состояние в костюме Евы. Уверена, она не обрадуется, обнаружив вокруг толпу плящих на нее вельмож.

– Да-да, вы абсолютно правы, уважаемая мэтресса! Немедленно идем в кабинет мэтра Мордауна... э-э-э, бывший кабинет бывшего мэтра Мордауна.

Что-то тревожно шевельнулось у меня в душе, но я так торопился вернуть себе человеческое обличье, что не обратил на эту тревогу внимания. Мы все вместе – то есть король, я, Коллет и Андре – проследовали в башню. Почти тут же прибежал паж с большой коробкой. Хилобок дрожащими руками снял крышку, на глазах у короля блеснули слезы:

– Доченька... Ты слышишь меня?

– Папенька, ну зачем вы меня разбудили? Мне снился такой прекрасный сон! – Лягушка встала, опираясь передними лапками о край коробки, и зевнула. – Простите... Вау! Узнаю кабинет! Неужели мы победили?

– Да, дочка! И все благодаря маркизу!

– Я не сомневалась, что такой выдающийся мужчина сумеет вернуть нам трон. – Тут лягушка вздрогнула. – Но если вы его убили, это значит...

– Нет-нет, его не убили, но это неважно! – поспешила успокоить ее Коллет. – Помните меня? Я была ученицей Моргана, пока мне не пришлось бежать. Ну да это тоже неважно. Главное – у меня есть средство, которое снимет чары.

– Наконец-то! Давай же его быстрее...

– Не так быстро. Всем стоять!

Я обернулся, уже догадываясь, что увижу. У дверей стоял Бык. И без того уродливое, его лицо после знакомства с кулаками Андрэ было похоже на гнилую тыкву, а заплывшие синяками глазки светились такой ненавистью, что меня передернуло. На плече громилы умоглась крыса – мэтр Мордаун. А за спиной мялся Жак Кошон.

– Жак... Это ты развязал Быка? – потрясенно выдохнула Коллет. – Зачем?!

– «Зачем?», «зачем?»... А надо! Вы все герои. Все получите за это награды. Этот амбал уже стал рыцарем, а теперь получит должность при дворе. Кот вернет человеческий облик, да и Андрэ ему протекцию составит. Ты небось рассчитывала на должность придворного мага? Я угадал... А я? – Жак развел руками. – Я опять не у дел. И скажу вам так: про меня всегда забывают, а зря забывают, я вам скажу! Вот опять забыли, а мэтр Мордаун объяснил, что про меня забудут, а он наградит – хорошо про это объяснил, так что я им решил служить...

– Мерзавка! – перебил Жака маг. Я заметил, что веко у него задергалось, и сжался, приготовившись прыгнуть куда-нибудь под кровать. – Дрянь! Предательница!

– Я?! – Коллет сжала кулачки, и мне показалось, что она сейчас набросится на бывшего господина, невзирая на Быка. – Я – предательница?! Это ты меня предал, мерзкая крыса!

– Не смей меня называть крысой! – завизжал Мордаун и выбросил вперед лапку.

Одновременно с этим произошло несколько событий. Андрэ прыгнул на Быка, занеся над головой массивное резное кресло. Хилобок обхватил руками коробку с принцессой-лягушкой и повернулся к магу спиной. Паж проявил неожиданное здравомыслие и нырнул под стол. Коллет растерянно застыла, сжимая в руках фляжку с зельем. А я почему-то прыгнул не под кровать, как собирался, а навстречу воздушному «водовороту». Я хотел бы сказать, что понял – если заклятие попадет в Коллет, то неизвестно, куда ее забросит и вернется ли она когда-нибудь, а значит, мы с принцессой обречены остаться животными. Или что я решил проявить благородство и спасти девушку. Увы, это не так. Все произошло слишком быстро, чтобы успеть так здраво и логично разложить все по полочкам. Так что я до сих пор толком не знаю, почему так поступил. Просто прыгнул – и все.

Меня закрутило в магическом урагане, чуть не вывернуло наизнанку, потом куда-то стремительно понесло и с размаху впечатало в холодную жидкую грязь. Малоприятное ощущение, должен сказать. Побарахтавшись, я выбрался из лужи, нервно встряхнулся и огляделся.

Прямо передо мной высились две башни – то ли недостроенные, то ли начавшие разваливаться. Вместо ворот наличествовала примитивная конструкция из оглобли, пары блоков и веревки. Стражник запойной наружности поднял ее, пропуская очередного торговца в город.

– Иезус Мария! – пробормотал я, не веря собственным глазам.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт встретился со старыми друзьями и какая неожиданность поджидала его на постоялом дворе

Нет, конечно, могло быть и хуже. Гораздо хуже! Чокнутый колдун мог запросто отправить меня и в какую-нибудь африканскую пустыню, где от жары плавится песок, или в далекую Московию, про которую рассказывают, будто там в самые жаркие летние дни птицы замерзают на лету. А я всего лишь оказался в исходном пункте своего путешествия – в Либерхоффе. Всего-то в трех неделях пути от столицы, от Коллет и ее зелья. В трех неделях пути – если скакать на коне. И – все равно – этих трех недель у меня не было. Через восемнадцать дней наступит Хеллоуин, и мне уже некуда будет спешить.

Да и коня у меня нет.

И верного Андрэ – тоже.

Первой мыслью было – брать ноги в руки и бежать.

Впрочем, нет – если быть совсем точным, то первой мыслью было разбежаться и прыгнуть вниз головой с моста. Но несколько поколений отважных рыцарей из рода фон Котт, скончавшихся, как и подобает истинному католику, в собственной постели после исповеди, и попавших, несомненно, прямоком в рай, возмутились бы подобным малодушным поступком. К тому же умирать как-то совсем не хотелось, несмотря на отчаяние, овладевшее мною при здравом осмыслении всей безнадежности положения. Да оно и к лучшему – хоть дожди шли уже целую неделю, ров вокруг Либерхоффе могла курица вброд перейти. Топиться в луже грязи и нечистот – занятие одновременно неприятное, бессмысленное и унижительное.

Смех смехом, но отчасти именно эти соображения удержали меня в первый момент от опрометчивого поступка, о котором я, несомненно, жалел бы весь недолгий остаток жизни. После некоторых раздумий идею немедленно бежать в столицу я тоже счел не совсем разумной. В собственной неспособности к дальним переходам я уже имел возможность убедиться – если я на дорогу от Бугров до Либерхоффе потратил двое суток и притом сбил в кровь ноги и довел себя до полного истощения, то до Баб-лингв или хотя бы Куаферштадта мне вообще никогда не добраться. Во всяком случае – на своих лапах. «Конрад! – мысленно сказал я себе. – Для разнообразия, потрудись немного головой!»

В самом деле, ситуация была вполне очевидной: если пешком мне в срок не уложиться, то надо раздобыть какой-то транспорт. И даже не просто «какой-то транспорт», а что-то не уступающее по скорости лошади королевского гонца. Я вспомнил про ведьму с улицы Маргариток, и надежда вновь затеплилась во мне. В прошлый раз меня интересовала только возможность превратиться в человека – в этом вопросе ведьма оказалась некомпетентна. Но вдруг она, как Мордаун, владеет умением мгновенно перемещать людей в пространстве? Маловероятно, конечно, при моем-то везении, но проверить надо в любом случае. А один лишний день для меня особой роли уже не играет.

К счастью, в этот раз не нужно было искать дом ведьмы, и вскоре я вновь постучался в ее дверь. Шаги, раздавшиеся за дверью, явно принадлежали мужчине, и я совсем не удивился, когда дверь мне открыл Фредерик. Правда, от старого угрюмого клоуна в нем осталась лишь выдающаяся толщина, которую в свое время не смогли победить даже скудные цирковые харчи. Пожалуй, он даже прибавил в весе и отпустил голландскую бородку, парадоксальным образом молодившую его.

– Я вижу, семейная жизнь пошла тебе на пользу!

– Конрад?! Ты?! О боги! Проходи скорее, не стой на холоде!

– Спасибо! Ты уверен, что Мэрион будет мне рада?

– А ты сомневаешься? – раздался знакомый голос, и в холл вышла ведьма. – Расставались мы, конечно, не сказать чтобы друзьями, но... иногда жестокая правда целительнее сладкой лжи. Если бы не ты, я, возможно, никогда не нашла бы Фредерика.

– А я так и бродил бы с Сарозом по свету, пока не откинул бы копыта. Уверен, Огюст сумел бы и из этого извлечь прибыль – набил бы из меня чучело и выставил бы за деньги...

– М-да, вижу, хоть что-то остается неизменным – твои шутки по-прежнему ужасны!

– Тоже мне – знаток! – состроил обиженную физиономию Фредерик. – Тебе чувство юмора Сароз своим кнутом не отбил случайно?.. Ох... извини! Мой язык иногда не знает, что мелет!

– Да ерунда, не расстраивайся. – Я ухмыльнулся. – Главное – я жив и на свободе.

– Ну проходите же в комнату. – Мэрион подтолкнула замешкавшегося супруга к двери и кивнула мне. – Проходи, Конрад. Ты здесь теперь желанный гость, можешь жить у нас сколько пожелаешь.

– Спасибо, добрая госпожа, – церемонно поклонился я, – К сожалению, не в этот раз. Если помнишь – у меня осталось не так много времени.

– Помню. Просто, увидев тебя таким, я решила, что ты сдался, и не хотела беречь рану... Ты так и не нашел ту ведьму? Или она отказалась вернуть тебе человеческий облик?

– Ты будешь смеяться, но – ни то, ни другое. И ведьму нашел, и расколдовать меня она почти согласилась. – Я вздохнул. – Но, наверное, будет правильнее коротко рассказать вам всю историю с того места, как я покинул цирк Сароза.

– Мы хотели тебя вытащить. Клянусь! – Фредерик покаянно опустил голову. – Но я сам не справился бы, а когда на следующий день мы пришли на пустырь, Огюст с переломом челюсти и жуткой головной болью лежал в фургоне и даже ругаться толком не мог. Синьора Сароз, кормившая его бульоном через тростниковую трубочку, рассказала, что произошло. Не скажу, что мы успокоились, но где тебя искать, было неясно, и мы положились на Провидение.

– Ну что же... я, пожалуй, даже рад, что Огюст так легко отделался. По крайней мере, Андрэ не будут преследовать за убийство... Впрочем, думаю, теперь ему вряд ли следует опасаться какого бы то ни было судебного преследования.

– Боже, он что – умер?! – ахнул Фредерик.

– Э-э-э, нет, я не это имел в виду. Просто он, как бы это сказать, в ближайшее время станет коронованной особой и ему будет глубоко по фигу правосудие, тем более – правосудие соседней страны, в которой правит дядя его жены.

– Ты это так шутишь? – Бывший шут недоверчиво улыбнулся. – Андрэ станет королем? Хорошая шутка!

– Я тебя понимаю. Расскажи мне это кто-нибудь, я и сам не поверил бы. Да что там – я был участником всех событий, и то временами не верю, что все это было на самом деле!

– Рассказывай, не тяни кота... упс... извини!

– Ладно, слушайте...

Я собирался рассказать наши с Андрэ злоключения как можно короче, но постепенно увлекся, и мы просидели в гостиной до самого вечера. Впрочем, мне так давно не доводилось спокойно посидеть в кресле в приятной компании, что спешить не хотелось совсем. Ужин, поданный Мэрион, окончательно привел меня в благодушное настроение, и я едва удерживался от того, чтобы не свернуться в кресле и замурлыкать.

– И я ведь, еще когда слушал рассказ Коллег, подумал, что такому ничтожеству, как Кошон, нельзя доверять! – покаянно развел я лапами, завершая рассказ. – Воровал у своих, был стукачом... Но потом все так закрутилось, что у меня это из головы вылетело. Роковая ошибка – и ее, и моя.

– Да, обидно получилось, – пропыхтел Фредерик, раскуривая трубку. – Оказаться у

самой цели и потерять все из-за жалкого предателя...

– Обидно, – согласился я. – Но, надеюсь, еще не все потеряно.

– Так ты хочешь добраться в Бублинга до Дня Всех Святых? – недоверчиво покачал головой Фредерик. – По идее это, конечно, возможно. Но на практике... Понимаешь, гонец может покрыть это расстояние и быстрее, но он скачет всю дорогу, останавливаясь, только чтобы перекусить по-быстрому да сменить лошадей. Его на каждом постоялом дворе ждет свежий скакун. Лошадь я тебе, конечно, дам – как раз на днях выкупил у одного крестьянина очень хорошую лошадку, но если ты попытаешься скакать со скоростью гонца, то просто загонишь ее.

– Вообще-то я надеялся на помощь Мэрион...

– Увы, Конрад! – покачала головой ведьма. – Я бы с радостью тебе помогла, но я – всего лишь аптекарь. Умение лечить да несколько простых фокусов – вот и все мои таланты.

– Ничего, Мэрион, все равно я тебе очень благодарен. И тебе, Фредерик. Я все-таки попытаюсь успеть. Вдруг Андрэ удалось схватить Мордауна и сейчас Коллет направляется мне навстречу? – поделился я своей единственной надеждой. – Конечно, воспользоваться услугами мага, чтобы переместиться сюда, никто не рискнет – если ему позволить колдовать, он просто сам улизнет. Но у него можно выпытать, куда именно он забросил меня. В Либерхоффе Коллет добраться, конечно, не успеет, а вот если я отправлюсь ей навстречу, может быть, где-нибудь посередине мы и встретимся.

Я не стал упоминать последнее, что успел увидеть перед тем, как оказался у ворот Либерхоффе, – тяжелое кресло из резного дуба, обрушившееся на голову Быка. Даже если основной удар принял на себя громила, мэтру Мордауну, сидевшему в тот момент у него на плече, тоже изрядно перепало. Будет ли после этого у него желание (а главное – возможность) рассказать, куда он меня зашвырнул? И... и, честно говоря, не хотелось об этом думать, но опыт подсказывал – такое тоже вполне возможно – захочет ли Коллет меня спасти? Мы вроде как неплохо сработались, под конец я даже прикрыл ее от магической атаки Мордауна, но все же, все же... Правда, еще там оставался Андрэ – наивный честный Андрэ, в простой натуре которого не было места для предательства. Уж он-то для моего спасения в лепешку расшибется, поднимет на уши все окрестные королевства, но ведь его так легко обмануть! Скажут, мол, господин твой погиб – смертельную магию в него проклятый колдун кинул. И он поверит. Поплачет, погорюет, да и забудет.

«Очнись, ландскнехт! – мысленно одернул я себя. – С каких это пор ты стал рассчитывать на кого-то, кроме себя?!»

– Ну тогда решено – забирай лошадь, – прервал мои размышления Фредерик. – Надеюсь, ты на ночь глядя-то не поскачешь?

– Из такого гостеприимного дома, как у вас с Мэрион, не хочется уезжать. Спасибо вам, друзья... Но мне лучше выехать именно сейчас – ночь выдалась лунная, дорогу будет видно хорошо, зато встречных путников будет немного. Не хотелось бы привлекать лишнего внимания.

– Наверное, ты прав. Я бы поехал с тобой, но с моей тушей в седле лошадь далеко не ускачет.

– Ничего, как-нибудь выкручусь, – пожал я плечами.

– В этом я, пожалуй, смогу тебе помочь, – подала голос ведьма.

– Ты знаешь подходящее колдовство? – обрадовался я.

– Можно назвать это и колдовством, – усмехнулась Мэрион. – Погоди, мне нужны иголка и нитки.

Через полтора часа я разглядывал в зеркале... ну-у-у, если и не совсем обычного человека, то вполне обычного карлика. То есть я хочу сказать – встретить карлика в наших краях не такое уж обычное дело и обыватели на несчастных таращатся без всякого стеснения, а то и пальцами указывают. Но хотя бы не разбегаются с криками и не зовут инквизиторов – истребить чудовище. Мэрион продемонстрировала, что она не только ведьма, но и искусная швея – ушив камзол и штаны, она, кроме того, подложила в нужных

местах валики из ткани. Учítывая, что я и так был гораздо крупнее обычных котов, эти портновские ухищрения добавили мне роста и массивности. В результате «карлик» получился где-то по пояс взрослому мужчине – пожалуй, на меня даже особого внимания обращать не будут. Накинув плащ с высоким воротом на пуговицах и глубоко надвинув шляпу, я окончательно перевоплотился в человека.

– Мэрион, ты и впрямь волшебница!

– Неужели ты сомневался? – рассмеялась ведьма.

– Да, она у меня такая! – нежно обнял жену Фредерик. – Ну пошли в конюшню. Лошадь уже оседлана, стремяна для вида остались, но тебе они, конечно, бесполезны. Я привязал к седлу валик из рогожи – сможешь держаться за него когтями. Ну... надеюсь, что сможешь – никогда не седлал лошадей для котов.

Попрощавшись с Мэрион, я проследовал за Фредериком во двор. Толстяк предусмотрительно открыл передо мною ворота конюшни и поднял лампу повыше.

– Лошадка хорошая, Конрад, смирная, но ты все-таки осторожнее – сам понимаешь, тебя ей скинуть ничего не стоит.

– Думаю, мы с ней договоримся. – Я шагнул в теплую, пахнущую сеном конюшню. – Я ведь теперь могу разговаривать с животными. Постараюсь вернуть ее тебе в целости и сохранности, но в дороге что угодно может случиться... Иезус Мария...

– Что такое?

– Знаешь... эту лошадь я тебе не верну, – медленно приходя в себя, пробормотал я. – Раздобуду денег – сколько скажешь. В крайнем случае – займу у Андрэ, он теперь богат.

– Да ты о чем? Лошадь как лошадь. Хорошая, конечно, явно раньше какому-то благородному принадлежала. Я потому и выкупил ее, что тот крестьянин загубил бы на поле или в телеге.

– Тут ты угадал. Я даже лично знаю дворянина, которому она принадлежала... Эй, Иголка! Подъем!

– Есть, мой капитан! – встрепенулась лошадь. – Капитан?!

– Он самый! – Я обошел Иголку так, чтобы она могла меня видеть, снял шляпу. – Узнаешь?

– Капитан! – растроганно прослезилась Иголка. – А я уж думала, вас в лесу тогда волки сожрали!

– Я то же самое думал про тебя!

– Э-э-э... гм...

– Извини, друг, представляю, как это выглядит со стороны, – усмехнулся я. – Но я действительно понимаю, что она мне говорит!

– Нет, Конрад, ты совершенно не представляешь, *как* это выглядит со стороны, – очумело покачал головой бывший клоун. – Кот в человеческой одежде, разговаривающий с лошадью, – это, я тебе скажу, нечто!

Я рассмеялся и одним прыжком оказался в седле.

– Прощай, Фредерик! Счастья тебе и Мэрион. Если у меня все получится – ждите в гости. Впрочем, если не получится – все равно ждите. Ну а если не приеду... что ж, вспоминайте иногда добрым словом капитана Конрада фон Котта!

– Прощай, Конрад. Удачи!

– Ну, Иголка, покажи, на что ты способна!

– Есть, мой капитан!

Иголка спокойной рысью дошла до городских ворот. Меня посетило острое чувство дежавю – стражи у ворот вновь не наблюдалось, а из караульного помещения вновь доносились пьяные вопли и женский смех, словно и не было этих двух безумных месяцев.

– Держитесь крепче, капитан! – Иголка поскакала быстрее, потом перешла на галоп. Я вцепился передними лапами в рогожный валик и мысленно поблагодарил предусмотрительного Фредерика. Впрочем, Иголка смогла удерживать темп всего миль десять-пятнадцать, после чего перешла на спокойную рысцу и, задыхаясь, спросила гордо: –

Ну как?

– Молодец, Иголка, вижу, ты все такая же резвая и выносливая. Но больше так не выкладывайся. Нам нужно проехать больше двух тысяч миль, так что рассчитывай силы.

– Легко, капитан! – браво выпалила Иголка. – А это далеко – две тысячи миль?

Мы ехали всю ночь и весь следующий день – Иголка самоуверенно заявила, что при нынешнем моем весе она может скакать без остановки хоть несколько суток подряд. Но к вечеру все же вынуждена была признать, что несколько преувеличила свои силы, да и я устал трястись в седле. К тому же небо вновь затянуло тучами и дорогу стало трудно различать даже мне.

К счастью, вдоль дороги в столицу теснилось множество городов, городков, сел и просто хуторов. А путешествовал я теперь не как в прошлый раз – когда у нас с Булыгой не было и пары медяков за душой – добрая Мэрион убедила меня взять немного денег в дорогу, так что мы с Иголкой вполне могли позволить себе иногда ночевать на постоянных дворах. Единственное, что останавливало меня, – страх перед разоблачением. Как ни хороша была маскировка, всегда оставалась вероятность провала и тогда – опять бегство. А я порядком устал убегать. Но рано или поздно нужно было решиться испытать судьбу. Тут как раз на пути попалось небольшое село, и я решил рискнуть. Мальчишка-конюх, конечно, таращился на меня все то время, что я – не менее пристально – следил, как он устраивает Иголку в конюшне. Да оно и понятно, вряд ли в этой глухомани часто видят путешествующих карликов. Убедившись, что лошадь устроили со всеми удобствами, я бросил мальчишке мелкую монетку и толкнул дверь в трактир. Потом толкнул еще раз.

– Экое чучело, – донеслось до меня отчетливо. Обернувшись, чтобы осадить нахала, я никого не увидел. Мальчишка, правда, продолжал исподтишка наблюдать за мной, но остался сидеть возле конюшни – слишком далеко, чтобы я его мог услышать. Больше во дворе не было ни души, только несколько кур вяло ковырялось в грязи.

– Челове-э-эк, Венец Мирозда-а-ания, Царь Природы! – с презрительной интонацией продолжал мой невидимый хулигатель. – Присвоил себе право решать, кому из малых сих жить, а кому умереть. А на деле-то – жалкая душонка, обремененная трупом! А часто и труп у душонки такой же жалкий...

Я наконец понял, кто произносил эту обличительную речь. Сидевший на борту телеги петух нахохлился под моим взглядом и проскрежетал:

– Ну чего уставился? Петуха в первый раз увидел, что ли?

– Цитирующего Эпиктета – в первый, – признался я.

– Ты что, понимаешь меня? – От изумления петух так вытаращился, что стал похож на филина.

– Понимаю, – развел я лапами. – Так уж вышло. Не понимаю, правда, чего ты меня оскорбляешь? Мы разве раньше встречались?

– С тобой – нет. Такого уroda я бы запомнил. – Надо признать, петух быстро оправился от потрясения и вернулся к своему желчному тону. – Хотя все вы, люди, одинаковы. Ненавижу!

– И за что же ты нас ненавидишь?

– За что?! А разве не за что? Вот что ты сделаешь первым делом, зайдя в трактир?

– Ну-у-у... спрошу, есть ли свободные комнаты.

– А потом?

– Закажу ужин...

– Вот! А из кого, по-твоему, приготовят ужин? А? Все вы убийцы и каннибалы!

– Насчет каннибалов – не соглашусь. Мы не едим себе подобных – как правило. В чем-то ты, конечно, прав. Но так уж устроен этот мир – травоядные поедают траву, хищники – травоядных...

– И что же, мне на этом основании теперь броситься тебе на шею с объятиями? – ехидно поинтересовался петух.

– Ну тебе-то бояться нечего, – попытался я утешить петуха. – Петухов-то обычно не трогают.

– То есть ты считаешь, меня должно утешать, что мое племя истребляют, когда сам я в безопасности?! У тебя воистину низкая, извращенная душа! К тому же я слишком стар и меня решили заменить молодым петухом. Я это точно знаю – слышал, как это сказал хозяин постоянного двора. Так что иди и закажи курятину. Пусть это произойдет быстрее, я устал ждать свою судьбу! Убирайся с глаз моих! Ступай, набивай брюхо, убийца!

Не найдя, что возразить пернатому философу, я пожал плечами и навалился на чертову дверь всем телом – только тогда она соизволила открыться. Внутри оказалось довольнолюдно – видать, из-за скверной погоды местные жители собрались в единственном на все село трактире пропустить пару кружек пива или стаканчик-другой чего покрепче. Поначалу на меня внимания не обратили – точнее, просто никто не заметил моего появления. Но пока я шел через зал, разговоры утихали, из-за дальних столов даже кое-кто вскочил и подошел поближе, чтобы лучше меня разглядеть. Надвинув шляпу поглубже, я, стараясь всем своим видом продемонстрировать уверенность, промаршировал к стойке. Одноглазый трактирщик оказался единственным, на кого мое появление не произвело особого впечатления. Свесившись через стойку, он оценивающе оглядел меня с ног до головы и, видимо, сочтя не особо выгодным клиентом, уныло протянул:

– Ну чего надо?

– Комнату на ночь. – Я бросил на прилавок золотой. – Ужин. Лошади – овса. Лишку можешь оставить себе.

– Благодарю, щедрый господин! – немедленно сменил тон трактирщик. – Что будет угодно на ужин? Есть кабаньих бок с гречневой кашей, солянка, пирог с птицей...

– Давай пирог, – мстительно решил я. – Пришли в мою комнату.

– Вино? Пиво?

– Молока. – Я забрал ключ и, стараясь сохранить достоинство, вскарабкался по лестнице на второй этаж под прицелом двух десятков глаз. Чуткие уши различили чей-то разговор шепотом: «Экий хорек криволапый!» – «Зато у него, похоже, золотых куры не клюют!» – «Это точно! Комната в этом клоповнике да кусок пирога – это ж и четверти золотого не стоит!». Алчность, прозвучавшая в голосах разговаривающих, мне сильно не понравилась. Похоже, не стоило тут швыряться золотом. Оставалось надеяться, что в таких маленьких селах обычно нет профессиональных воров и грабителей – для них тут просто не найдется достаточно работы. Тут я вспомнил, что село-то маленькое, да ведь расположено прямо на главном тракте Либерхоффе – Куаферштадт, и настроение у меня резко испортилось. Доводилось мне слышать о целых династиях, промышлявших воровством и грабежами именно в таких «придорожных» селах, да о трактирщиках, пускавших одиноких путников под нож ради багажа и лошадей. Пожалуй, выспаться мне сегодня не придется...

Тщательно обнюхав половицы и стены и не обнаружив никаких признаков тайных ходов, я немного успокоился. Дверь в комнату массивная, значит, ночного нападения можно не опасаться.

Я дождался, пока слуга принесет мой ужин, запер дверь и с облегчением разоблачился. Нет, от своих слов не откажусь – Мэрион и впрямь волшебница и костюм она мне ушила прямо в самую пору, но как же в нем тяжело коту! Жарко, тесно, почесаться нормально невозможно... Я усилием воли заставил себя прекратить скрести ухо лапой – как ни слежу за собой, но избавиться от кошачьих привычек не удастся. Ладно... теперь ужинать и спать – завтра нужно будет ускользнуть с первыми петухами. Если кто и будет меня поджидать на лесной дороге, то в эти утренние часы, когда в засаде особенно невыносимо хочется спать, у меня больше шансов проскочить.

Я посмотрел на пирог и невольно поежился. Действительно – кто дал нам право убивать тварей бессловесных ради того, чтобы продлить свою жизнь? Почему мы – люди – решили, что все в этом мире существует лишь для нашего удовольствия, а звери и птицы лишены каких-либо прав только потому, что ничего не могут сказать в свою защиту? Бедный

пернатый философ... Я вздохнул и с тяжелой душой принялся за пирог – по крайней мере, его гибель не будет бессмысленной.

Покончив с пирогом, я загасил лампу, стянул одеяло в удобную мягкую кучу и устроился в нем, свернувшись калачиком. Завтра служанкам предстоит поломать голову над тем, что за странный постоялец оставил в комнате кучу звериной шерсти. Вот так и рождаются легенды про оборотней...

Я уже привык, что кошачий сон очень чуткий – вроде бы и крепко спишь, видишь сны, но стоит где-нибудь в углу зашуршать мышинному хвосту, как мгновенно просыпаешься. А уж когда в замке противно скрежещет металл – тем более! Конечно, тому, кто орудовал отмычкой, казалось, что он все делает очень тихо, но мне было прекрасно слышно даже его тяжелое сопение и как его напарник нервно переступает с ноги на ногу возле лестницы в конце коридора. Проклятье! Угораздило же меня понадеяться на запертую дверь! А ведь известно – нет такого замка, что устоит перед опытным вором. Ну ничего, если господа грабители надеялись застать сонного путника в постели, то они здорово ошиблись, и их встретит... Черт! Опять забыл, что встретить-то мне их и нечем. Я уже хотел перебороть неуместную в данной ситуации гордость и, закричав, спугнуть воров, но тут замок поддался, и в комнату проскользнула тощая длинная фигура. Ответ потайной лампы, тускло светившей в левой руке вора, выхватил из темноты длинный тесак в правой, и мне показалось тактически более верным промолчать и незаметно перебраться под кровать.

С нового наблюдательного пункта мне были видны только ноги вора в весьма неплохих башмаках – похоже, профессия приносит ему стабильный доход. Вор подкрался к кровати и, не обнаружив жертву, тихо выругался. Потом вдруг резко наклонился, заглядывая под кровать – прямо передо мной возникло вытянутое небритое лицо с когда-то давно перебитым в двух местах носом. Свет от лампы обжег мне глаза, я инстинктивно зашипел и ударил по физиономии лапой.

– Твою мать! – взвыл вор, резко дернул головой, влип затылком в край кровати и выронил лампу, которая мгновенно погасла.

– Тише! – зашипел из коридора второй вор. – Ты что, сдурел так орать? Что там у тебя?

– Кошка... – простонал его неудачливый напарник. – Всю щеку разодрала, сволочь!

– Откуда там кошка?

– Тебе так интересно?! Иди и спроси ее!.. Вот дрянь! Кровь так и хлещет!

– Заткнись, что ты как девка?! Ой, кошечка меня поцарапала! Ой, кровушка идет! – противно пропищал второй вор. – Ты карлика замочил?

– Да нету его.

– Как это – нету? Сбежал, что ли? Мы же следили весь вечер – он не выходил!

– Вещи я вроде видел.

– Что значит «вроде»?

– Я лампу уронил... Ни хрена не вижу, но когда вошел – сапоги его у кровати точно стояли.

– Боже всемогущий! За что мне такой напарник? Так найди лампу и зажги ее! Ты до утра копать собираешься?

– Не могу! Закатилась куда-то!

Я тихо-тихо прокрался мимо него, прижимая одной лапой к животу искомую лампу, и поставил ее в самом дальнем углу. Поищи-поищи, сейчас ты еще кое-что найдешь!

– А-а-ай, б...!....!

– Заткнись! Совсем охренел?! – В комнату ворвался второй вор, в отличие от первого – невысокий и толстенький. – Что у тебя тут... Ой, б...! Что это у тебя?

– Кошка, сволочь! Теперь руку!

– ЭТО кошка сделала?! Ох, блин, убери, меня мутит!

– Тебя мутит?! А каково мне?! Помоги перевязать – я так кровью изойду...

– Бу-э-э-э-э! – произнес толстяк, резко согнувшись. Вторая лампа покатилась по полу и погасла.

– Идиот!

– А чего ты мне под нос этот кошмар суешь?

– Ну и что будем делать? – неожиданно спокойно произнес первый вор. – У меня, между прочим, уже голова начинает кружиться. А кошка-то все еще где-то здесь...

– ...! – выругался толстяк и бросился к двери. На полпути я оказался под его ногами и с удовольствием услышал тяжелый удар об пол и сдавленную ругань.

– Надо уходить! – сделал наконец правильный вывод из происходящего первый вор. – Сегодня явно не наш день.

– Пошли хоть коня уведем, – вякнул было толстяк, но тут же схлопотал подзатыльник от напарника. – За что?!

– За тупость! Если бы мы карлика порешили, никто ничего и не узнал бы. Кривой Эрвин сказал бы, что тот уехал рано утром – все шито-крыто. Но этот хореk что-то учуял и провел нас. Наверняка он в одной из пустых комнат сейчас прячется... Или уже на улицу выбрался, пока мы тут возились... Главное – нам его не найти. Хочешь, чтобы он завтра явился к старосте и сказал, что у него украли коня – прямо из конюшни постоянного двора? Эр-вин тебе потом сам уши обрежет и заставит съесть. И мне – за компанию.

– Извини, я не подумал...

– Вот именно. Все, уходим.

Воры исчезли, а я стал торопливо одеваться. Спать резко расхотелось. Уже натянув шляпу, я огляделся и понял, что дорожная сумка исчезла. Кто-то из воров в суматохе и темноте все же ухватил ее! Я длинно, от всей души выругался – вместе с сумкой исчезли все деньги, что дала мне в дорогу Мэрион. Первой мыслью было догнать воров, но здравый смысл все же не совсем покинул меня. Во-первых, уже не догоню – пока возился с одеждой, они наверняка до дома добрались. Во-вторых, если догоню, это для них будет прямо подарок судьбы. Прибьют и вернутся за Иголкой... Ладно, делать нечего. Не к старосте же, в самом деле, идти! Будь я даже человеком – как смог бы доказать, что у меня украли деньги? А уж тем более с моей неблагонадежной физиономией соваться к местным властям и вовсе не с руки – вмиг на костер угодишь. Нет, придется смириться и уйти тихо – как и собирался. Дождавшись рассвета, я спустился вниз, растолкал спавшего у двери мальчишку и велел запрячь лошадь. Увидев развязанные седельные сумки, я зашипел сквозь зубы от бессильной злости. Мальчишка густо покраснел и быстро затянул ремешки.

Надеюсь, он остался крайне разочарованным – когда Иголка была оседлана и выведена во двор, я молча запрыгнул в седло и ускакал, не одарив его ни единой монеткой. С одной стороны, у меня их просто больше не было. А с другой, если подумать, воры как-то вошли и как-то вышли через дверь, перед которой он якобы спал, так что за «работу» пусть требует с подельщиков.

– Что-то случилось, капитан? – осторожно поинтересовалась Иголка, уловив мое мрачное настроение.

– Меня обокрали, – признался я. – Точнее, ограбили, и это особенно унижительно. В человеческом теле я бы расправился с ворами, даже не вспотев. Но это, в общем, ерунда. Хуже то, что мы снова остались без денег.

– Не хочу показаться излишне ехидной, но в этом нет ничего нового.

– Так-то оно так... Ну да ладно, что толку предаваться унынию? Поехали, Иголка, дорога впереди длинная, а время не ждет.

– Вперед, труба зовет, ландскнехты храбрые – в поход!

– Выпустите меня немедленно!

– Кто здесь?! – невольно повторил я любимую фразу Андрэ.

– Я! Здесь я! – затрепыхалась одна из седельных сумок. – Выпустите меня!

Скрежещущий голос показался мне знакомым. Распутав ремень, я заглянул в сумку. Оттуда на меня хмуро смотрел давешний петух.

– Иезус Мария!.. Ты как здесь оказался? Я думал, что тебя зажарили...

– Не надейся! – сварливо ответила птица, выбираясь из сумки и устраиваясь на луке

седла. – Я увидел, как воры потрошили твою поклажу и оставили сумки развязанными. Упускать такой случай было бы глупо.

– Замечательная идея, – кисло похвалил я петуха. – Ну а почему же ты не сбежал раньше?

– Ты лишний раз убеждаешь меня, что люди – отсталые существа. Ку-ку-куда бы я пошел? В лес? Я там не выживу. Залезть в багаж других путников? О, да – они очень обрадовались бы этому и съели бы меня по дороге.

– А что помешает тебя съесть мне? – с интересом спросил я петуха.

– Ты не сможешь, – уверенно заявила наглая птица. – Тебе совесть не позволит зажарить и съесть собеседника. И выкинуть меня на произвол судьбы ты тоже не сможешь.

– Иезус Мария! – беспомощно повторил я, – Ладно... Поехали, Иголка... И не смей ржать над капитаном!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт нашел выход из тяжелой ситуации и какая неожиданность поджидала жителей Думмкопфа

На восьмой день пути мы выехали на окраину Думмкопфа – городка чуть больше Либерхоффе, но гораздо более цивилизованного. Во всяком случае, ворота у него были на месте. Это обстоятельство вкупе с моими бескомпромиссно пустыми карманами побуждало выбрать объездной путь. Не менее пустое брюхо, напротив, требовало обязательно город посетить и осмотреть местные достопримечательности. В первую очередь – харчевни.

Припасы, что собрала в дорогу Мэрион, давно упокоились в желудках проклятых воров. Время от времени мне удавалось украсть что-то съестное в селах, которые мы проезжали, но везло мне нечасто, так что большую часть дороги я проделал под аккомпанемент жалобно бурчащего желудка.

Иголке тоже приходилось несладко. Трава уже порядком увяла, и есть ее – по собственному выражению лошади – было все равно что жевать старую метлу. Овса купить было не на что, когда мы оказывались вблизи сел, я воровал на сеновалах для Иголки сено, естественно, этого было мало. Лучше всех чувствовал себя петух – насекомые, пока еще не впавшие в спячку, но уже порядком оглушенные ночным холодом, были для него легкой добычей, да и на убранных полях всегда можно было найти достаточно пропущенных колосков. Но дальше так продолжаться не могло – и лошадь, и я нуждались в нормальном отдыхе и нормальной еде. Остановка в городе хотя бы на одну ночь была нам просто необходима.

Единственным препятствием было отсутствие денег. Ни в один постоялый двор нас, разумеется, бесплатно не пустят, да и за въезд в город требовалось заплатить пошлину. И если в Либерхоффе я проник даром за счет представительной внешности, шикарного снаряжения и самоуверенного вида, то теперь ни представительной внешности, ни вообще какого-либо снаряжения у меня не было, да и самоуверенности здорово поубавилось.

– Давай-ка съедем с дороги... ну хотя бы вон к тем кустам. Мне надо обдумать ситуацию.

– Как прикажете, капитан. – В голосе Иголки уже не было той бравады, к которой я привык.

Под прикрытием кустарника я стащил сапоги и с блаженным стоном вытянул лапы. Петух немедленно отправился искать на стерне пропущенные косарями колоски ячменя.

– Разрешите отлучиться. – Лошадка моя здорово исхудала на подножном корму, да и постоянные ночевки под открытым небом не прибавляли ей оптимизма, но речь ее до сих пор оставалась речью дисциплинированного солдата. – С целью самостоятельного решения вопроса с довольствием.

– Разрешаю... – Я посмотрел вслед бредущей по скошенному полю лошади и

вздохнул. – Как бы мне решить вопрос с удовольствием? На сырой ячмень пока как-то не тянет.

– А чего решать-то? Вон же у тебя под носом обед бродит.

Я вздрогнул – для внутреннего голоса этот был слишком реальный. Впрочем, хозяин голоса немедленно объявился и сам. Из кустов выбрался смутно знакомый пес. Странно, что я его не учуял...

– Ха! Так я в навозе вымазался! – гордо пояснил пес, заметив мое удивление. – Вот – понюхай!

– Спасибо, как-то не хочется. – Я неделикатно отодвинулся от «благоухающего» бродяги.

– Дурень! Ничего вы, кошки, в благородном искусстве охоты не понимаете! – нравоучительно заявил пес. – Чтобы дичь тебя не учуяла и подкрасться позволила, надо свой запах заглушить. Тут лучше навоза ничего нет!

– И много ты дичи подстерег? – с сомнением оглядел я тощую, облезлую тушку собеседника.

– Э-э-э... Ну пока несколько, – вздохнул пес. – Да и какая тут дичь? Город же рядом. Вот когда я жил в селе...

– Стой! Я тебя вспомнил! – воскликнул я. – Это ты меня из огорода хотел прогнать, а я тебе по морде когтями заехал!

– Угу. Я это, – смущенно проворчал пес. – Ты прав оказался. И месяца не прошло, как хозяин съездил на ярмарку и вернулся со щенком волкодава. Я ничего плохого не скажу – щенок он и есть щенок, на что натаскали – то и делает. Вот только хозяин вздумал его на меня натаскивать. А куда мне против здорового волкодава из весеннего помета? У меня уж и клыки-то не все на месте... Пришлось бежать.

– А как ты здесь оказался?

– Да прибился сначала к какому-то бродяге, потом – к паломникам, – вздохнул пес. – Совсем опустил. Бежал за теми, у кого хоть немного еды можно было выпросить. А здесь потерялся... Ну да ничего – рядом город, отбросов пока хватает. Главное – успеть до городских собак найти, а они пронырливые, все помойки знают, мне с ними трудно состязаться.

– А как ты в город пробираешься? – заинтересовался я.

– Как? Да легко – прохожу через ворота.

Вот черт! Я так привык изображать человека, что не сообразил – стоит мне снять одежду, и можно спокойно пройти внутрь города – стражникам ведь наплевать на кошек и собак, снующих туда-сюда.

– Так что насчет обеда? – деловито осведомился пес. – Могу помочь его придушить. Тушку пополам.

– Это не обед, это мой спутник.

– Петух? Ты какой-то странный кот – я сразу заметил. Зачем тебе такой спутник?

– Не знаю. Вернее – не знал до этой минуты. Слушай, ты хочешь есть?

– А то! Что, решил? Задавить его?

– погоди. В этом петухе мяса – одни слезы. Мне и одному мало будет, а вдвоем вообще только голод растравим. Но у меня есть идея. Если все получится – еды будет больше, чем мы сможем съесть.

– Врешь! Столько еды не бывает! Я знаешь сколько могу съесть?!

– Сам убедишься. – Я стащил плащ, камзол, штаны, свернул все в один узел с сапогами, запрятал все это в кустах. – Только надо сначала немного потренироваться. Иголка! Петух! Идите сюда!

Думаю, если бы у моих слушателей были пальцы, то, выслушав мою идею, все трое одновременно бы покрутили пальцем у виска. Во всяком случае, выражение морд у пса и у лошади было соответствующее, что касается петуха – вы никогда не видели, чтобы у птицы «отвисла челюсть» от удивления? Я видел.

– Но... мой капитан... – первой решилась высказаться Иголка. – Вы как себя чувствуете? Я понимаю, нам всем пришлось тяжело в этом марш-броске, а командиру всегда тяжелее приходится из-за груза ответственности. Может быть, ну его, этот Думмкопф? Мы прекрасно отдохнем и где-нибудь на поляне в лесу. И еду найдем обязательно...

– Да чего ее искать? Вот же этого, с клювом – съесть можно!

– Я бы попросил впредь избавить меня от подобных инсинуаций! Особенно от подобного люмпенизированного существа!

– Ничего я не люмпень... люмпрен... изирован! Я если мяса поем, еще ого-го как могу!

– Где ты только такое чучело подобрал? Впрочем, *similia similibus curantur*!

– Ты чего обзываешься?! Капитан, чего он обзывается?!

– Вот тупица! С кем я вынужден общаться?!

– Спокойно! Тихо! Он не обзывал тебя, просто сказал на латыни «Подобное излечивается подобным». Видимо, ты хотел сказать *trahit*, а не *curantur*?

– Что хотел, то и сказал! – надулся петух.

– Так я не понял – можно его съесть?

– Вообще-то я вижу в идее капитана рациональное зерно! – Петух опасливо перебрался на спину Иголки. – Кое-кто скажет – это безумие! Да, отвечу я, но в этом безумии спасение для нас!

– Эх закудаhtал, – сердито проворчал пес. – А я вот все равно считаю, что лучше съесть этого крикуна и идти дальше. Да и не умею я эти трюки выделять.

– Никто не умеет. Среди нас нет цирковых артистов. – Я не стал упоминать о своем печальном опыте в цирке Сароза. – Но ничего невозможного от нас и не требуется. Несколько самых простых трюков. Вот смотри – я могу делать так... вот так... и вот так...

Я несколько раз перекувырнулся через голову, подпрыгнул; сделал в воздухе сальто и прошелся на передних лапах.

– Ничего сложного в этом нет. А зеваки будут в восторге – им покажется, что это чудеса дрессировки. Ну попробуй!

На самом деле все оказалось не так просто, и я промучился со своим «цирком» почти до вечера. Сами трюки действительно были несложными, но очень важна была организация представления – в определенный момент мне необходимо было незаметно исчезнуть, но так, чтобы представление продолжалось. Наконец добившись более-менее удовлетворительного результата, я оставил спутников упражняться, а сам поспешил в город.

Как и следовало ожидать, стражники не обратили внимания на кота, прошмыгнувшего в ворота. Я не стал забираться далеко в город и искать центральную площадь – солнце уже клонилось к горизонту и надо было спешить. Выбрав первую же многолюдную улицу, я повторил свой коронный номер – прошелся сначала на задних, а потом – на передних лапах. Прохожие стали оглядываться. Я сделал несколько кульбитов, станцевал некий импровизированный танец, опять покувыркался. Вокруг начала собираться толпа праздных гуляк. Этого-то мне и было нужно. Продолжая пританцовывать, я направился к воротам. Толпа последовала за мной. Надо было видеть лица стражников, когда мимо них строевым шагом промаршировал огромный черный кот, за которым следовала толпа горожан. Судя по тому, как истово они крестились, не иначе решили – зачарованных горожан уводит из города злой колдун.

Так мы добрались до облюбованных мною кустов. Я подскочил к своей «трупке» и рывкнул:

– Ну давайте-ка зажжем!

И мы зажгли. Конечно, с точки зрения опытных циркачей наше выступление было нелепым и плохо поставленным. По сути, мы просто прыгали, кувыркались и кривлялись кто во что горазд. Что-то получалось, что-то – не очень, ведь у моих спутников не было никакого опыта. Но собравшаяся публика была не особо требовательна и принимала нас очень хорошо. Иголка снискала восхищение, демонстрируя банальные кавалеристские приемы – парадный шаг, «свечки», отбивы ногами и поклоны. У пса толком ничего не получалось, он

постоянно падал, путался в лапах, но благодаря жалкой внешности эти его эскапады воспринимались зрителями как шутовство и ему хлопали не меньше, чем Иголке или мне. Петух, хоть и не прекращал ворчать и издеваться над интеллектуальным уровнем людей, честно отрабатывал свой хлеб – танцевал, ездил на Иголке, псе и мне, изображал пьяного. Заметив, что артисты мои начинают выдыхаться, я незаметно ускользнул за куст и быстро нацепил на себя одежду. Надвинув на глаза шляпу, я вышел в круг и отвесил глубокий поклон толпе.

– Щедрые господа, добрые дамы! – невольно подражая Огюсту, произнес я, – Я рад, что выступление моей маленькой труппы доставило вам немного веселья. А теперь – прошу вас – выразите свою благодарность в виде небольших денежных пожертвований. Аплодисменты греют артистам душу, но им иногда хочется кушать! Не жмитесь, синьоры и синьориты, ваша щедрость не будет забыта!

Не скажу, что на меня обрушился золотой дождь – ни одного золотого, естественно, нам не перепало, но в приличной кучке меди поблескивало и несколько серебряных монеток.

– Ваша щедрость не знает границ! Благодарю вас, синьор! Благодарю, синьорита! Я люблю Думмкопф!

Когда зрители убедились, что ничего интересного больше не произойдет, и вернулись в город, я пересчитал выручку и обнял сначала Иголку, потом пса (петух от объятий уклонился).

– Спасибо, друзья! Все получилось! Все даже лучше, чем я ожидал! Теперь – в город, пока ворота на ночь не закрыли! Нас ждет пир!

Я выбрал небольшой, но вполне приличный трактир на окраине города. Хозяин его уже был наслышан о нашем выступлении и к появлению карлика в сопровождении лошади, собаки и петуха отнесся философски – и не таких чудаков видал. Даже когда я заявил, что пес и петух будут ночевать со мной в комнате, он не удивился, лишь поинтересовался, не хочу ли я и лошадь прихватить. Причем мне показалось, что он не шутил. Но Иголку я все-таки поставил в конюшню – убедившись, что овса ей насыпали вволю.

Настоящего пира, конечно, не получилось – не заработали мы на пир. Но простой сытной еды было вволю – я все-таки утер нос скептику-псу, он не смог съесть все, хотя и честно старался. Я помогал ему в этом как мог, но усталость вскоре победила и мы повалились спать прямо на полу...

Оглушительное «Ку-ка-реку-у-у!» буквально взорвало мой мозг. Я застонал, перекатился на живот и выплюнул огрызок колбасы.

– Надо было его вчера все-таки сожрать, – пробормотал пес, закрывая лапами голову. – Вот ведь паразит, не спится ему...

– Сони! – презрительно процедил петух. – Потому у вас такой убогий интеллект, что спите много!

– А кто вчера завалился спать, едва мы порог переступили? – возмутился пес. – Даже кашу свою не доклевал.

– У меня слабый организм, нуждающийся в хорошем сне и обильной еде. А интеллекту моему, после того как я связался с вашей безумной компанией, уже ничто повредить не сможет.

– Ладно, хватит ругаться. – Я закончил умываться и с отвращением посмотрел на человеческую одежду. – Раз уж проснулись, нечего зря время терять.

– Эй, ты о чем это? Куда спешить? Выступать лучше вечером – утром нам такую толпу не собрать. Хотя... можно разок утром и потом еще вечером. Но всяко не в такую рань!

– Ах, да... ты же не знаешь.

– Чего не знаю?

– Мы уходим. Мне нужно как можно скорее попасть в Куаферштадт. Вернее, мне нужно в Бублинг, но туда я уже точно не успеваю. Так что хотя бы добраться до Пусия Первого и уговорить его связаться с Хилобоком. Должен же у него быть какой-то способ срочной связи – почтовые голуби, придворный маг или хотя бы гонцы. Вчера мы хорошо

выступили, но задерживаться нельзя.

– Так это... выступать сегодня не будем? – растерянно спросил пес. – А когда будем?

– Так, – вздохнул я, – слушай внимательно. Мы покидаем город немедленно. Понимаешь?

– Да, да! – завилял хвостом пес.

– Я тоже рад, что ты это понимаешь. Останавливаться мы будем только при крайней необходимости. Понимаешь?

– Понимаю... – уже с меньшим энтузиазмом подтвердил пес.

– Тебе лучше остаться в городе. Ты не сможешь бежать наравне с Иголкой.

– Вы хотите меня бросить? – заскулил пес. – И вы тоже! Я никому не нужен!

– Прекрати. – Я закончил одеваться, сунул лапы в сапоги, надвинул на лоб шляпу. – Ну прекрати же... Черт! Никто тебя не хочет бросать, но ты пойми...

– Правда? – Хвост опять замолотил по полу. – Мне можно пойти с вами?!

– Иезус Мария!.. Ну пошли, что ж с тобой делать?!

Иголка к прибавлению в отряде отнеслась спокойно. Вообще, полноценный отдых в конюшне и торба овса вновь вернули ей боевое расположение духа, и она сразу взялась воспитывать пса.

– Господин капитан является командиром нашего отряда. Ты запомни – командир для солдата царь и бог, он один решает, когда тому спать, когда есть, а когда в бой идти и помирать. Приказы господина капитана не обсуждаются и выполняются точно и в срок.

– Дело знакомое! Служба – она и есть служба.

– Это хорошо, что ты со службой знаком. Но то была караульная служба, а у нас – поход. Не крестовый, конечно, но не менее тяжелый и ответственный. А потому пока будешь подчиняться непосредственно мне – у меня опыта в таких делах побольше будет. Зовут меня Иголка, для тебя – сержант Иголка. Выполняешь все мои распоряжения, конечно, если они не противоречат приказам господина капитана. Послужишь пока рядовым, а там – посмотрим, как себя покажешь. Тебя как зовут?

– Да всяко звали. Чаще всего – Пшелвон и Кабысдох. Иногда – Пес или Бурый...

– Отлично! Будешь рядовой Бурый!

– О, майн готт! – закатил глаза петух. – Капитан фон Котт, сержант Иголка, рядовой Бурый!.. А мне какую должность определите?

– Тебе? – ни на минуту не растерялась Иголка. – Отрядный капеллан! Конечно, отряду капеллан не положен, только полку, но у нас отдельная армейская единица, выполняющая особое задание, так что можно – в порядке исключения. Тебя как зовут?

– Гай Светоний Транквилл, – послушно ответил обалдевший от напора Иголки петух.

– Ну вот и имя у тебя подходящее, капеллан Транквилл!

– Подходящее?! – возмутился пес. – Да его за один раз и не выгав-гаваришь! Придумал тоже, пижон!

– Ничего я не придумал! – обиделся петух. – У нас на постоялом дворе в прошлом году почти все лето жил ученый монах. Он единственный ценил мою традицию приветствовать солнце, потому что вставал по моему крику. Он мне и дал это имя. Так что можно считать, меня почти по-настоящему окрестили! Он мне и труды всяческие ученые читал... Ну не мне, конечно, просто сидел у окна и читал вслух. А я запоминал...

– Излишняя ученость для солдата только во вред! – безапелляционно заявила лошадь. – Начнешь на поле боя задумываться о всяких хреномантиях и астрологиях – тут тебя и убьют. У хорошего солдата в голове должно быть две мысли – как живым остаться и как врага победить.

Я молча ухмылялся, слушая болтовню Иголки. Как все-таки хорошо, когда путешествуешь с верными друзьями. Ну ладно – пусть Бурый недалек и груб, но таковы ведь по большей части все ландскнехты. Пусть петух высокомерен и зануден – у всех есть свои недостатки. Главное, что мы движемся вперед, в седельных сумках хватит еды на пару дней, да и солнце решило под конец осени побаловать нас... В груди у меня нехорошо екнуло.

Конец осени! Да что со мной?! Еду, улыбаюсь, словно на прогулку отправился. А время-то уходит! Осталось всего девять дней и бог знает сколько миль до Куаферштадта. А там еще предстоит как-то пробиться к его величеству Пусию Первому и убедить помочь мне... При том, что в прошлую нашу встречу я ему, кажется, не особо понравился.

— Значит, так, орлы. Отставить разговорчики, — скомандовал я. — Сержант Иголка доходчиво объяснила задачу, теперь слушайте мой приказ. Приказываю осуществить марш-бросок отсюда и... э-э-э... до заката. Марш-бросок приказываю осуществлять сержанту Иголке легкой рысью. Я и отрядный капеллан следуют верхом, рядовой Бурый сопровождает пешком. Рядовой!

— Я!

— Когда устанешь, подавай сигналы голосом — тогда и остановимся на привал.

— Есть!

— Вперед! Марш!

— В поход, труба зовет...

— Иголка!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт и его отряд вступили в бой с превосходящими силами противника и как неожиданно все закончилось для Креста и Сиплого

— Что-то не нравится мне рядовой Бурый, — склонившись почти к самому моему уху, прошептала Иголка. — Неважно он выглядит.

— Ты даже специально не смогла бы подобрать менее подходящее слово. «Неважно!» — Петух, разумеется, не мог остаться в стороне. — По-моему, слова «скверно» или «хреново» подходят к его виду гораздо больше. А я бы выразился еще более определенно — еще пара таких марш-бросков — и ваш «рядовой» подохнет.

Я посмотрел на дремлющего у костра Бурого. Пес и впрямь выглядел плохо. Оно и понятно — Бурый уже давно немолод, причем большую часть жизни просидел на цепи. Бежать весь день за лошадью, пусть даже и скачущей легкой рысцой, даже для молодой собаки тяжело, а нашего старика это просто медленно убивало.

— Он сам решил идти с нами. Я его предупреждал...

— Да я ж ничего и не говорю. — Иголка тряхнула гривой. — Ясное дело — поход есть поход. Просто заметила, что выглядит он...

— Помолчи лучше. — Петух укоризненно посмотрел на лошадь. — Осталось пять дней...

— Мы могли бы уйти ночью, — сказал я, ни к кому конкретно не обращаясь. — Он бы не стал нас догонять, просто не смог бы. Оставим ему часть еды... даже — большую часть. Если скакать быстро, то дня через два мы будем уже в Куаферштадте. Два дня голод можно потерпеть.

— Да, хорошая идея... наверное, — неуверенно протянула Иголка.

— Это единственный выход. — Петух отвел глаза.

Я и сам понимал, что это — единственный выход. Выход, который мне совсем не нравился. Отсюда Бурый не сможет вернуться к человеческому жилью. Последнее селение мы миновали очень давно, да и что ему там делать? Принимали нас, правда, хорошо, но одно дело — бродячий цирк, а совсем другое — бродячий пес. Бурый смог бы выжить в большом городе, но не в селе. Думмкопф остался далеко позади, а до Куаферштадта пес будет добираться не два дня и даже не пять... Я обернулся, посмотрел на слабо закашлявшего во сне Бурого. Проклятье!

— Иголка. Возьмешь его в седло.

— Капитан! — Иголка растерянно фыркнула. — Но так мы вообще никуда не успеем!

— Глупец! — С какой-то странной ноткой в голосе проскрипел петух.

— Приказы капитана не обсуждаются, а выполняются точно и в срок, — устало прикрыв

глаза, процитировал я. – В чем дело, сержант? Мы все вместе с псом сейчас весим меньше, чем я один, когда был человеком.

– Дело не в этом! Я не смогу скакать с Бурым в седле – он свалится!

– Пойдешь шагом. Все равно надо найти какое-то убежище и переждать хотя бы один день – видишь, он совсем раскис, кашляет.

– Где ж его найти?

– Милях в пяти дальше по дороге есть какое-то жилье. Я чувствую запах дыма и готовящейся еды.

– Но...

– Все! Обсуждение закончено.

Взгромоздить пса на седло оказалось задачей не из простых, но в конце концов это удалось сделать. Иголка поначалу опасливо косилась на «поклажу», но потом приноровилась и потрусила более уверенно. Можно будет, пожалуй, ехать в таком темпе... правда, до столицы мы доберемся нескоро, но теперь это уже неважно – решение принято и жалеть о нем бессмысленно. А сегодня нужно обязательно устроиться в тепле.

Запах дыма, который я уловил вчера, постепенно усиливался, потом его почуяла и Иголка.

– Похоже, топится печь, но не рядом с дорогой, а где-то в лесу... Что скажешь, Бурый – у тебя-то чутье лучше?

– Дом, – подумав, прохрипел беспомощно свисающий поперек седла пес. – Деревянный. Маленький – одна комната. В доме четыре человека. Давно не мылись. Вооруженные... Все это в двух милях от дороги, в лесу... Все, ничего больше не чую – уж простите, капитан, хворь совсем чутье отбила.

– Ничего, ты молодец – вон сколько всего рассказал.

– Не нравится мне это, – влез петух. – Четыре вооруженных человека в избушке в глухом лесу. Тебе это ни о чем не говорит?

– Говорит. – Я посмотрел на тяжело дышащего пса. – Поехали, Иголка.

– Ты с ума сошел? – завопил Транквилл. – Это же разбойники!

– Поехали, сержант, – повторил я. – Есть у меня кой-какие мысли относительно избушки и этих разбойников.

На самом деле никаких особых мыслей у меня не имелось. Но в тот момент, когда я понял, что проиграл эту ставку, во мне проснулось порядком забытое чувство абсолютной свободы. Когда-то давно, новобранцем, я выходил с этим чувством на поле боя и не боялся ни меча, ни пули. Постепенно, становясь старше, приобретая опыт и шрамы, я научился ценить свою жизнь и стал осторожен. Да, шишек и синяков поубавилось, но и легкость бытия куда-то испарилась. И вот теперь мне вновь нечего было терять. И во мне вновь не было страха. Я мог бы сейчас в одиночку напасть на целую армию, но попались какие-то четыре жалких разбойника. Что же, тем хуже для них!

Избушка обнаружилась всего в паре миль от главного тракта, причем ни отдельной дороги, ни даже тропинки к ней не вело. Действительно, небольшая такая изба из почерневших от времени бревен, слегка покосившаяся, но все еще вполне способная служить жильем. Возможно, когда-то в ней жил местный егерь... на самом деле – возможно, там и сейчас вовсе не разбойники, а по-прежнему живет егерь, а остальные трое – его помощники. Ну... значит, ему крупно не повезло!

Спешившись, я сделал знак своим спутникам затаиться, а сам прокрался к избе, отыскал затянутое бычьим пузырем окно, осторожно проколупал дырочку и заглянул внутрь. В тусклом свете единственной масляной лампы за столом сидели четыре оборванца. Судя по комментариям и азартным возгласам, в избушке резались в карты. Я поочередно рассмотрел всех участников игры. Нет, все-таки на егеря сидевший во главе стола мужик походил мало. Слишком уж запущенный и диковатый у него вид. Одет в какое-то рванье, причем явно раньше все детали его наряда принадлежали разным людям, борода неопрятным веником, на голове – колтун. Сразу видно, что человек давно из леса и носа не высовывал. Остальные

трое ничуть не лучше. Прав наш Гай Светоний Транквилл – это разбойники. Ну тем лучше. План у меня уже созрел.

Я вернулся к отряду и обрисовал свою гениальную идею.

– Большого бреда я не слышал, даже когда лежал в яйце в окружении кур-наседок! А они, замечу, интеллектом уступают даже людям!

– Капитан... по-моему, этот план нуждается в доработке, – деликатно высказалась Иголка.

В общем, поддержал меня только Бурый, который, как выяснилось, вовсе не спал и слышал весь наш разговор. То, что я несмотря ни на что решил везти его дальше в седле, так потрясло бедного пса, что он совершенно потерял способность критически воспринимать мои идеи. Впрочем, мне сейчас как раз и не нужна была критика.

– Вот что, братцы... Напомню вам, что точно так же вы восприняли мою идею с цирковым выступлением. И что? Я оказался прав! Теперь мы легко зарабатываем себе на ночлег и еду. Все-таки тут – под кошачьей Шкурой – я остаюсь человеком, а значит, лучше знаю людей, чем вы. И если я говорю, что этот трюк против разбойников сработает – он сработает. Да, это опасно – все-таки против нас будут вооруженные и, как мне показалось, не совсем адекватные люди. Видимо, от постоянного сидения в лесу мозги у них слегка набекрень. Но это лишь увеличивает наши шансы. Я не хочу вас принуждать – кто боится, может остаться здесь и подождать. Мы пойдем с Бурым – может быть, даже нас двоих хватит...

– Я вас одного не отпущу! Что вы такое говорите, господин капитан! – с обидой в голосе воскликнула Иголка. – Мы же в бой всегда вместе шли! Плечом к плечу... гм... ну в общем, вместе!

– А что вы на меня так смотрите? Не надо на меня так смотреть! Вы со своим ко-ко-копитаном можете сходить с ума ско-ко-колько угодно. Я в этом не участвую!

– Ладно, тогда посидишь здесь...

– Здесь?! Один?! А если здесь лисы водятся? Волки? Медведи? Хорьки?! А-а-а! Я понял ваш замысел! Вы хотите избавиться от меня! Так вот, я вам ответственно заявляю – не выйдет! Я иду с вами!

– Хорошо, тогда всем тихо! Действуем по плану. Ждем темноты...

Осенью в лесу темнеет рано, так что долго ждать нам не пришлось. Мы подкрались к избушке. По моему сигналу Иголка ударом копыта высадила окно и отскочила. Бурый заглянул в дыру и улыбнулся щербатой ухмылкой.

– Ку-ка-ре-ку-у-у! – истошно завопил спрятавшийся под окном петух.

Тут же Иголка вышибла второе окошко, Гай Транквилл вспорхнул на подоконник, захлопал крыльями, вытянул шею, и протяжное лошадиное ржание разнеслось над избушкой.

Иголка быстро обскакала вокруг дома и вышибла третье окно, просунула морду внутрь, а я постарался издать самый заунывный мям, на который был способен.

– Му-у-у-а-о-о-в-у-у-у!

– Так, Иголка, теперь осторожно – нужно только сорвать щеколду. Если ты вышибешь дверь, в избе ночью будет холодно.

Иголка нанесла точно рассчитанный удар. Дверь распахнулась, и я торжественно переступил порог. Разбойники уже не играли в карты, а сбились в углу, бестолково ошестинившись кинжалами. Судя по лицам, моя маленькая импровизация произвела на них сильное впечатление. Выдержав значительную паузу, я стянул шляпу, расстегнул воротник плаща. Разгладил усы.

– Мама... – простонал один из разбойников, роняя тесак.

– Вы заблуждаетесь, милейший, – вежливо произнес я, усаживаясь на стул. – К вашей маме я не имею ни малейшего отношения и даже не имею чести ее знать. Я тут, знаете ли, по делу. Не хотите присесть? Нет?.. Ну как будет угодно. Так вот, у нас в аду сейчас образовался некий избыток места для грешных душ – несколько пустых котлов с кипящим

маслом, парочка раскаленных сковородок и уютная яма с нечистотами и змеями. Мы решили, что ваши души уже давно готовы занять эти места.

Главарь тихо завыл, бросил кинжал и, повалившись на колени, забормотал что-то невразумительное. Остальные разбойники немедленно последовали его примеру.

– Что? Я что-то не пойму... А! Понимаю! Не хотите в ад?

Разбойники так старательно замотали головами, что у меня началась морская болезнь.

– Но что я могу поделать? Решено было, что вы сегодня умрете. Отряд стражников из столицы уже выехал. К утру они будут здесь, шериф тоже едет с ними, так что суд будет скорый, беспощадный, но местами справедливый. Вы ведь много преступлений совершили? Ну вот вас теперь и повесят. Прямо здесь, возле избушки, а потом я заберу ваши души, и все расстанутся довольные друг другом.

Разбойники хором жалобно загомонили, недвусмысленно демонстрируя, что они таким решением точно довольны не будут.

– Нет, ну вы, конечно, еще можете попытаться себя спасти, – заговорщицки подмигнул я. – В селе, что в противоположной от столице стороне, есть церковь. Если успеете до нее добежать и покаяться, вам, возможно, дадут убежище...

В дверях все четверо столкнулись и закупорили проем не хуже пробки в бутылке шампанского.

– А может, все-таки передумаете? Право слово – котел с кипящим маслом...

– Чпок! – Каким-то образом все четверо сумели протиснуться в дверь и исчезли в темноте.

Выйдя на крыльцо и прислушавшись к стремительно удаляющемуся треску кустов, я покачал головой.

– А ведь они не в ту сторону побежали. Там как раз столица...

– Так их ведь поймают! – ахнул Бурый.

– Тук-тук! – постучал себя по голове крылом Транквилл. – Есть кто дома? Кто их поймает?

– Ну этот... как его... шериф со стражниками! А-а-а...

– Дошло? Ладно, вы как хотите, а я спать. Приличные петухи ложатся спать с курами! Мне, между прочим, рано вставать завтра...

– Только попробуй опять закукарекать посреди ночи! – рыкнул Бурый. – Загрызу!

– Попрошу вот без этих угроз! Ничего не могу поделать, природа у меня такая – первым приветствовать солнце!

– А моя природа терпеть не может, когда меня будят посреди ночи! Я тебя предупредил: – поприветствуешь солнце – это будет последний раз, когда ты его приветствуешь.

– Все, хватит! Сейчас ужинать и спать! Иголка, я осмотрел конюшню, там сплошные щели в стенах и крыша протекает, так что тебе лучше тоже устроиться в избе – холодно и дождь, кажется, скоро будет.

– Есть, капитан!

Я запер ставни, прикрыл дверь и устроился на лавке рядом с печкой. Продолжающего кашля Бурого уложили тут же, укрыв всеми тряпками, что нашлись в доме. Петух устроился на печке рядом с трубой, распушил перья и мгновенно заснул. Иголка тоже заснула почти сразу, один я маялся, глядя на пляшущий в летке огонь.

Конечно, решение спасти Бурого было весьма благородным. Очень, я бы даже сказал, в традициях фон Коттов. Помнится, дядя мой по отцовской линии как-то охотился на кабана. В пылу погони он оторвался от остальных охотников, но кабана все же догнал – на свою голову. Взбешенный свин, видя, что уйти не получится, развернулся и атаковал противника. Лошадь испугалась, сбросила наездника и ускакала, к счастью уведя кабана за собой. А дядя несколько миль до лагеря пер на плечах своего пса, которому кабан повредил лапу. Дядя тогда сильно ударился головой и, скорее всего, не совсем соображал, что делает, но остальные охотники сочли его поступок весьма достойным. Впрочем, возможно, он и впрямь

поступил тогда осознанно – ведь ставка была не столь высока.

Я посмотрел на свои лапы. Выпустил и спрятал когти. Никогда в жизни больше не взять мне в руки меч. Никогда не ощутить сладости вина, никогда не обнять женщину... И еще много разных «никогда». Интересно, проживу я в кошачьей шкуре кошачий век или человеческий? И ведь даже непонятно, хочу ли я прожить так долго, если придется все это время оставаться котом.

Ведьма! Вот ведь одарила проклятием!

Я честно попытался разозлиться на Коллет, но ничего не вышло. Мы все оказались заложниками глупейшего стечения обстоятельств – и я, и она. Если вспомнить, что ей пришлось пережить за лето, вряд ли можно осуждать некоторую ее несдержанность. Да и вообще я не мог на нее сердиться...

Если подумать, злая шутка, которую сыграла со мною ведьма, обратилась в добро для многих. Андрэ из туповатого разбойника стал маркизом и женихом принцессы. Пусть он по-прежнему не блещет умом, но будущему королю это и необязательно, особенно – когда рядом будет такая королева. И в том, что Анну удалось так быстро найти, тоже есть моя заслуга. А кто помог избавиться от Мордауна?... Подумать только – если бы Коллет тогда не заколдовала меня, я, скорее всего, занимал бы сейчас какую-то не очень высокую должность при коменданте захолустного Либерхоффе и подышал бы с тоски.

«И был бы счастлив! – встрял мой внутренний голос. – Вспомни, ты ведь мечтал жить спокойно!»

«Черта с два! – показал я внутреннему голосу воображаемый кукиш. – Тебе прекрасно известно, что у меня не получается спокойно жить. Месяц-другой такой жизни, и я начинаю сходить с ума от скуки».

«Ты уже не мальчик, пора бы остепениться!»

«Да, да, жениться на богатой невесте, наплодить кучу маленьких фон Коттов, заплыть жиром и однажды помереть в своей постели».

«Твои предки не видели в этом ничего предосудительного!»

«Я тоже не вижу. Но и жить так не желаю!»

«Тебе и не придется теперь. Даже если захочешь!»

Я сердито оборвал спор. Мало того что как безумец разговариваю сам с собой, так еще и ругаюсь... Похоже, я потихоньку схожу с ума. Впрочем, неудивительно! В моем положении как раз было бы странно остаться полностью в своем уме. Возможно, со временем я окончательно свихнусь... Наверное, это даже будет благом для меня.

Что же все-таки делать с Бурым? Может, оставить его в избе? Все крыша над головой. Оставить ему еды. Добраться до Куаферштадта, вернуть себе человеческое тело, а потом можно будет вернуться и забрать пса с собой. Вот только как поступят разбойники утром? Это ночью они напугались так, что готовы были бежать без оглядки до самой столицы. А что будет, когда взойдет солнце и развеет ночные страхи? Вполне вероятно, они убедят себя, что им просто привиделись и лающий петух, и разговаривающий кот. Во всяком случае, меньше всего я верю в то, что они действительно явятся в церковь, покаются и начнут праведный образ жизни. Скорее уж решат перебраться на другую дорогу, но перед этим вполне могут заявиться в избу – забрать оружие и награбленное добро. Тогда Бурому не поздоровится.

Нет, придется тащить его с собой. Лишь бы он окончательно не разболелся...

Мои опасения, к счастью, не оправдались. Утром Бурый, конечно, не скакал здоровым щенком, но чувствовал себя значительно лучше. Иголлка тоже выглядела отдохнувшей. Единственной хмурой физиономией в отряде мог похвастаться только я, поскольку заснул лишь под утро. Ну и Гай Светоний Транквилл сердито топорщил гребень и подозрительно разглядывал меня и Бурого. Наконец, не выдержав, он сердито проскрипел:

– Ну? И кто это сделал?

– Что сделал?

– Не прикидывайтесь невинными цыплятами! Это было унижительно! И подло с вашей

стороны – воспользоваться тем, что я плохо вижу в темноте!

– А что случилось? – поинтересовалась Иголка.

– Кто-то из этих... я даже не знаю, как их назвать! Но подозреваю, что только извращенный человеческий ум мог придумать такую подлость!..

– Попрошу без голословных обвинений. – Я застегнул ворот плаща, скрывая ухмылку. – Если видел меня, так и скажи.

– Ты прекрасно знаешь, что я не видел, кто это сделал! Я в темноте не вижу, в отличие от неко-ко-которых!

– Да что сделал-то? – топнула копытом Иголка.

– Что? Извольте! Только я проснулся и набрал полную грудь воздуха, чтобы поприветствовать солнце – как из поколения в поколение делает все наше племя, как како-ко-кой-то негодяй накрыл меня мешком! Я чуть яйцо не снес от испуга!

– У! Жаль, что не снес! – покачал головой Бурый. – Говорят, из таких яиц василиска можно вывести. Был бы у нас в трупке ручной василиск. Представляете, сколько можно было бы заработать?

– Точно! Он бы зрителей превращал в камень, а мы бы собирали их кошельки, – рассмеялся я.

– Да, нехорошо как-то! – расстроился пес. – Но можно было бы ему глаза завязывать...

– Противно слушать бред суеверного солдафона! – вспылil петух. – Наверняка это твоя выходка!

– Только что ты обвинял в этом меня. Теперь – Бурого. Странно, что ты забыл Иголку.

– Даже дурак сообразит, что ко-ко-копытами набросить мешок вряд ли получится... Хотя... Если подумать, то зубами ты вполне могла бы это сделать! И тебя сложнее всего заподозрить – значит, ты это и сделала! Како-кое ко-ко-коварство!

– Совсем сдурел, – вздохнула Иголка, протискиваясь в дверной проем. – Дождь закончился, господин капитан! Ну что, поскачем?

– Пойдем, Иголка, пойдем шагом. Бурый еще слишком слаб для скачки.

– Я здоров, господин капитан! Готов бежать, сколько будет нужно!

– Нисколько не нужно. Забирайся в седло.

– Но, капитан!..

– Вы опять со мной спорите! – разозлился я. – Неделью назад вы спорили со мной, но я оказался прав. Вчера вы спорили со мной, но я оказался прав. И сейчас вы опять спорите со мной! Если называете меня капитаном – извольте мои приказы не обсуждать!

– Молчу, молчу!

– И нечего фыркать – я все слышал!

Некоторое время мы ехали молча, потом Иголка начала по привычке напевать любимую песенку про бравых ландскнехтов, я невольно начал подтягивать, и даже Бурый попытался подвывать в такт. Только петух продолжал дуться и неподвижно сидел на голове Иголки, глядя прямо перед собой. Он-то первым и увидел опасность.

– Кажется, мы влипли...

– Стой! Стоять, кому сказал!

– Это ж тот самый кот!

– Наконец ты научился отличать котов от белок, Крест. – Я постарался произнести это как можно увереннее.

– Да мне без разницы. Еда – она и есть еда, как ни называй. – Старый волк шагнул вперед, оскалив клыки. – На этот раз тебе не уйти.

– Знаешь, на Востоке говорят, что мудрецы учатся на ошибках других, обычные люди – на собственных ошибках, и только дураки никогда ничему не учатся.

– Это ты о чем? – подозрительно уставился на меня Крест.

– Ну сам подумай – в первый раз ты напал на нас с Иголкой и один твой приятель, кажется, до сих пор не оправился. – Я кивнул на Сиплого, который успел убраться к обочине и тупо уставился в кусты.

– Я тебе за Сиплого...

– Ты уже хотел за него отомстить, – оборвал я его. – И, я вижу, второй твой приятель стал настоящим красавцем.

Беспалый зло зарычал, но ничего не ответил. Смотреть на него, честно говоря, было жутковато – видимо, когда Андрэ метнул в волков костер, большая часть досталась именно Беспалому. Теперь его голову покрывали жуткого вида ожоги, правого уха и правого глаза не было вовсе.

– А теперь подумай, – вкрадчиво продолжил я. – Ты решил напасть в третий раз. Чья очередь получать все шишки?

– Ерунду говоришь! Это просто совпадение!

– Ну тогда тебе нечего бояться! Нападай или пропусти нас – я тороплюсь.

К сожалению, Крест оказался не так глуп или просто слишком разозлился, но мой расчет не оправдался. Вместо того чтобы отступить, он бросился на Иголку, намереваясь вцепиться в шею. Только теперь был ясный день, а Иголка была не пугливой крестьянской лошадкой, а боевой лошадкой, которой доводилось сражаться и против специально обученных собак. Сделав «свечку», она чуть не размозжила волку голову, Крест едва успел отскочить в сторону. Нас с Бурым вышвырнуло из седла. Пес с трудом поднялся, угрожающе оскалится и шагнул навстречу Беспалому.

– Уйди с дороги, старик! – рявкнул изуродованный волк. – Мне нужен этот комок шерсти. Тебя мы не тронем.

– Это мой сюзерен, щенок! – Бурий попытался зарычать, но только закашлялся. – Уходи сам и останешься жив...

– Ой, напугал! Да у тебя клыков даже нет! – зло рассмеялся Беспалый. – Ты меня зализать до смерти собрался?

Бурий молча бросился на противника, в следующий момент, вцепившись друг другу в шеи, они покатались по земле. Я обернулся: Иголка пока вполне успешно отгоняла Креста ударами копыт. Сиплый улегся в дорожную грязь и равнодушно наблюдал за схваткой. Бурий жалобно завизжал, отпустив шею врага, попытался освободиться от захвата Беспалого, но тот только крепче сжимал челюсти. Я прыгнул ему на загривок, впился зубами в оставшееся ухо и стал рвать когтями толстую шкуру, волк зарычал и упал на спину, пытаясь придавить меня своей тушей. Ему это почти удалось, но тут откуда-то сверху на нас обрушился воинственно кукарекающий петух. Волк завизжал, ударом лапы отбросил Транквилла, перевернулся, сбрасывая меня... Удар о землю был так силен, что чуть не вышиб из меня дух. Я с трудом поднялся, приготовившись встретить смерть стоя, как подбавляет потомку рода фон Котт... Беспалый почему-то не нападал, продолжая визжать и кататься по дороге. Я встряхнулся, перед глазами немного прояснилось. Кажется, поле боя осталось за нами. Крест неподвижно лежал у ног Иголки, голова его была так смята, что сразу стало ясно – мертв. Сиплый брел куда-то в сторону от столицы посередине дороги. Беспалый перестал кататься и встал на подгибающиеся лапы. Теперь он был полностью слеп.

– Клюв у меня, конечно, поменьше, чем у ворона, зато таких шпор больше ни у кого нет, – прокрипел петух, выбираясь из кустарника, куда его закинуло ударом. – Вовремя я подоспел!

– Боюсь... боюсь, ты все-таки опоздал, – вздохнул я.

– Ничего себе! Я рисковал жизнью, и вот она – людская благодарность... – Петух проследил за моим взглядом и умолк.

Бурий неподвижно лежал в луже крови, еще продолжавшей вытекать из разорванного горла.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт беседовал о смысле жизни с мэтром Бахусом и какой неожиданностью это закончилось для Коллет

– Перестаньте уже переживать, – фыркнула Иголка. – Можно подумать, раньше вам солдат терять не доводилось!

– Да я не переживаю...

– Угу, то-то мне спину уже натерли, ерзая.

– Извини. Просто, понимаешь... он ведь на самом деле и не был солдатом. Просто пес, старый беззубый пес. И я повел его на смерть. Если бы мы не встретились, он так и жил бы себе в Думмкопфе...

– Он бы умер этой зимой, – жестко оборвала меня Иголка. – Именно потому, что он был старый пес без клыков. Подох бы от холода и голода. А так – он умер в бою, сражаясь. Не оскорбляйте его жалостью, капитан.

Я промолчал. Иголка все сказала правильно, но легче мне от этого не стало. Да и сама лошадь выглядела расстроенной. Даже Транквилл, не питавший особо теплых чувств к Бурому, ехал нахохлившись и молчал.

– Господин капитан, лес заканчивается, – подала голос Иголка. – Надели бы вы шляпу.

– Спасибо, Иголка. Ты помедленнее скачи – нам внимание привлекать незачем.

– Шутите? Карлик с петухом на лошади – да на нас никто и не посмотрит! Подумаешь – эка невидаль!

– Твоя ирония неуместна. Это – столица. Здесь привыкли ко всему. – Я, не отрываясь, смотрел на приближающиеся башни Куаферштадта. – На самом деле я мог бы уже снять маскировку. Пусий Первый видел меня, так что если ему доложат, что аудиенции просит говорящий кот, он догадается, о ком речь.

– Я бы не рекомендовал этого делать, – посоветовал Транквилл. – Король королем, но первым тебя увидят местные обыватели. В лучшем случае мы застрянем в толпе любопытных. Но гораздо больше вероятности, что нас побьют камнями – на всякий случай.

– Пожалуй, ты прав, – признал я наличие рационального зерна в словах петуха. – Похожу еще немного в этом маскарадном костюме. Давай, Иголка, скачи к главным воротам. Вроде бы у нас есть еще пара дней до Хеллоуина, но я не уверен...

Последним местом обетованным на нашем пути было совсем уж маленькое село. Там мы дали одно представление, запаслись едой и заодно узнали, какое число было в тот день. Тем не менее у меня были все основания подозревать, что селяне называли мне число весьма и весьма приблизительно, поскольку следил за календарем сельский священник, от старости похожий на ожившие мощи какого-нибудь святого. А потом спросить было некого – дорога все время шла через лес, других путешественников мы не встретили, дни путались в моей голове от усталости и тревоги. Ну... сейчас мои сомнения разрешатся.

– Пять серебряных за лошадь и десять медяков за петуха, господин, – равнодушно скользнув по мне взглядом, назвал сумму пошлины стражник. – Имеете при себе какие-либо товары на продажу?

– Нет, я просто путешественник. Видите – даже сумки пустые.

– Тогда еще один серебряный в казну на развитие туризма.

– Держите. – Я, не пытаясь торговаться, протянул деньги. – А какое сегодня число?

– Тридцать первое октября...

Я чуть не взвыл от досады.

– Иголка, быстрее во дворец. Вдруг... – Я попытался придумать, что могло бы спасти меня, но ничего в голову не приходило, кроме совсем уж маловероятного. – Вдруг придворный маг сможет меня отправить во дворец Хилобока?

– Есть, капитан!

– И как ты собираешься попасть к королю? Вот так просто постучишься в дверь и скажешь – хочу поговорить с его величеством?

– Почему бы и нет? Ничего другого мне в голову не приходит. В конце концов, я спас его племянницу, вернул трон его двоюродному брату. Думаю, он будет рад меня повидать! – отгоняя сомнения, ответил я.

Иголка свернула на центральную улицу, проскакала по ней галопом, заставляя прохожих отпрыгивать к стенам, вынесла меня на площадь перед дворцом и резко остановилась.

– Иезус Мария... Что здесь происходит?

Вся площадь была забита... существами, выглядевшими по большей степени пестро и странно. Больше всего толпа напоминала сборище ведьм, чертей и прочей нечисти на Лысой горе, как это описывал наш полковой капеллан. Правда, столы с жареными змеями и супом из болотной тины отсутствовали, также не заметил я плясок обнаженных ведьм и массовых греховных развлечений, что – если судить по живописным рассказам того же капеллана – являлось обязательным условием шабаша. Ведьмы, черти, упыри, призраки и прочие подозрительные личности вели себя весьма чинно и самым греховным занятием, что я углядел со спины Иголки, была игра в кости, которой предавалось несколько группок нечисти. Причем все это непотребство происходило при свете дня!

Поборов испуг, я окликнул скучающего рядом скелета в поношенной монашеской сутане.

– Эй, уважаемый! А что это здесь творится?

– Бардак! – охотно отозвался скелет. – Полное отсутствие организации!

– Да?

– Ну а чего ожидать, когда за дело берутся любители? Особенно такие безответственные, как наш Пусичка. «Ах, желаю чтобы мне сделали красиво!» – довольно похоже передразнил разговорчивый скелет жеманный голос Пусия Первого. – И забыл небось сразу же про нас. А мы паримся здесь уже с самого утра!

– Никогда не думал, что скелету может быть жарко!

– Ха-ха, парень! Отличная шутка! – Серdito проворчала прислушивавшаяся к нашему разговору ведьма. – Тебе хорошо, ты только приехал. Посмотрю, как ты будешь шутить к вечеру!

– Ни за что не останусь тут до вечера, – пылко ответил я и направил Иголку к воротам. – Я еще с ума не сошел. Знаю я вас – это вы сейчас такие тихие да смирные. А вот ночь настанет – небось сразу в срамной хоровод потащите, а то и в котел засунете... Но Пусий явно совсем рехнулся! Зачем ему весь этот пандемониум понадобился?

– Стой! Куда прешь! – Преграждавший нечисти вход в дворцовый парк стражник ухватил Иголку за узду. – Сказано же – ждать до особого распоряжения!

– Пропустите меня ради всего святого! – простонал я испуганно. – Поверите ли, добрый воин, я ведь бывший ландскнехт! Я не знал страха, ни когда встречал в строю кавалеристскую атаку, ни под шрапнелью, ни когда сам шел в атаку! Но пребывание среди всей этой нечисти пугает меня, ибо сказано – не бойся убивающих тело, но бойся душу убивающих!

– Замечательная речь! – рассмеялся стражник. Его напарники даже вежливо поаплодировали мне. – Думаю, его величеству понравится. Карлик-ландскнехт – это надо ж такое придумать!

– Я не карлик! – возмущенно заявил я. – Только волею случая и из-за глупой выходки одной юной ведьмы пребываю я сейчас в столь жалком состоянии!

– Ой, не могу! – Стражник даже выпустил уздечку, согнувшись от хохота. – Выходка юной ведьмы? О! Я представляю, что это была за выходка! Ох, уморил, парень!

– Да что такого смешного я сказал? – Я начал терять самообладание.

– Ой, нет! Лучше молчи! – Стражник стянул шлем и вытер рукавом выступившие слезы. – Вот спасибо, повеселил! А то стоим тут как болваны весь день, а господа артисты даже пошутить не изволят.

– Арти... О! Иезус Мария! – Я вцепился зубами в перчатку, чтобы не наговорить лишнего. Так это всего лишь ряженные артисты! Наверное, долгое и тяжелое путешествие сказалось на моих умственных способностях. Взяв себя в руки, я строго посмотрел на сдавленно кудахтающего петуха. – Гай Светоний Транквилл, если ты скажешь хоть слово, я

тебя отдам на королевскую кухню!

– Молчу, молчу!

– А петух твой что умеет? – Стражник тоже обратил внимание на раздувшегося от сдерживаемого смеха Транквилла.

– Много чего, добрый воин. Однако сейчас у меня нет времени, чтобы продемонстрировать его умения. Я рад, что мне удалось немного скрасить тяготы вашей службы, но мне обязательно надо увидеть Пусия Первого немедленно. У меня важнейшее сообщение для него...

– Э-э-э, ну так дело не пойдет, – поскущел стражник. – Знаешь, сколько вас таких ко мне с самого утра подходило с «важнейшим сообщением»? Понятное дело – всем хочется без очереди на просмотр пробиться, больше шансов работу получить, а то, глядишь, и аванс удасться выпросить. Да только мне приказано никого не пускать.

– Просмотр, просмотр... – Я посмотрел на башню с часами. Уже четыре часа! – А во сколько этот просмотр?

– Кто ж его знает? – пожал плечами стражник. – Приказано было являться к полудню. Многие, конечно, с самого утра здесь сидят – думали, самые умные. Но это они нашего короля плохо знают. Его величество может и до самой ночи о просмотре не вспомнить. Да ты не волнуйся так, все равно в конце концов всех возьмут, у кого костюм есть. А уж такого шутника, как ты, – обязательно. Лучше покажи, что твой петух умеет...

– Проклятье! Я не могу ждать до ночи! – Я развернул Иголку и выбрался из толпы. – Ну что же, задействуем план «Б».

– У тебя что, есть план «Б»? – изумился петух. – Я думал, ты всегда тупо прешь напролом, рассчитывая на удачу!

– Вообще-то таков и был план «А». А план «Б» я придумал давно, просто мне не хотелось являться к Пусию без доклада. Невежливо это как-то – вламываться к королю. Ну да сам виноват – мне сейчас не до вежливости. Пошли, Иголка, в обход дворца.

Подходящее место обнаружилось с северной стороны, почти в миле от парковых ворот – ветви дерева свисали над остриями пик, украшавших ограду. Слишком тонкие для человека, кота они должны были выдержать.

– Иголка... я боюсь тебя оставлять, но выхода нет.

– Да ладно вам, капитан! – возмутилась лошадь. – Я на поле боя сколько раз была, разбойников не испугалась, с волками дралась!

– Одно дело – поле боя, а другое – большой город. Люди здесь поопаснее разбойников да волков. Ладно, если что – скачи вон из города, дорогу ты помнишь. Я постараюсь обернуться как можно быстрее.

– А как же я? – встрепнулся петух. – За лошадь он беспокоится, видите ли, а за меня? Понятное дело – кого волнует какой-то там петух!

– О тебе разговор особый, – прервал я его причитания. – Ты мне понадобишься.

– Это еще зачем? – подозрительно уставился на меня Транквилл.

– Видишь – ветки слишком высоко. Я сам не допрыгну. Тебе придется мне помочь...

– Ты совсем того? Да? Что я тебе – орел, что ли? Я, между прочим, и сам-то летать не умею!

– Летать не нужно. Иголка подбросит нас, дальше я прыгну, а в верхней точке ты начнешь бить крыльями, я надеюсь, это поможет нам отыграть немного высоты...

– А если не выйдет? Ты видел, какие там острия на стене?

– Ну тебе-то точно ничего не угрожает... А мне придется рискнуть. Времени совсем не остается. Ну? Поможешь или нет? Учти, я буду пытаться и без твоей помощи...

– Ладно, уговорил. Но я хочу сказать...

– Некогда! Потом скажешь! Иголка – на счет «три»... Раз! Два! Три!

Иголка подбросила круп, я оттолкнулся изо всех сил, острия пик мелькнули под самым моим брюхом, но тут над головой у меня суматошно захлопали крылья, и меня вздернуло на локоть выше, перенося через ограду.

– Мя-а-а-а-у-у-у! – взвыл я, чуть не теряя сознание от боли. Когти у петуха оказались не меньше, чем у орла. В следующий момент меня ударило мордой о дерево, я инстинктивно выпустил когти и... полетел вниз.

– А я ведь хотел предупредить... – раздался надо мною нудный голос Транквилла. – Перчатки и сапоги надо было бы снять. Неудобно в них по деревьям-то лазить.

– О-о-о... моя спина... – простонал я, пытаюсь встать. Со второй попытки это удалось. – Мы хотя бы внутри?

– Внутри, внутри, – успокоил меня петух. – Что дальше, капитан?

– Станный вопрос! Идем во дворец.

– Ничего странного. По-моему, ты не очень любишь простые решения.

Пропустив шпильку мимо ушей, я побежал к высящемуся посреди парка безобразному строению, напоминающему огромный кремовый торт. Несоразмерность пропорций и обилие пышной лепнины навели меня на мысль, что проект разрабатывал не иначе как сам Пусий Первый. Впрочем, не время отвлекаться на «красоты» архитектуры. Проскользнув в первое открытое подвальное окно, я обернулся к ковыляющему за мной петуху.

– Жди меня здесь!

– Ну вот еще! Я полноправный член отряда и требую...

– Это окно ведет на королевскую кухню.

– Я тебя лучше здесь подожду!

Спрыгнув на пол, я огляделся. Моего появления никто не заметил, хотя на кухне было настоящее столпотворение. Такого количества суетящихся людей в фартуках и поварских колпаках, кипящих кастрюль и шкварчащих жиром сковород я не видел никогда в жизни. Проскользнув вдоль стены, я выбрался из кухни в коридор и побежал вслед за поваренком, тащившим стопку чистых тарелок. Как я и надеялся, паренек привел меня в обеденный зал. Пышно одетые слуги чинно накрывали на стол. Короля, разумеется, еще не было. Оставив своего невольного провожатого, я выбрался в соседний зал. Никого. Распахнув поочередно три двери, ведущие в три соседних зала, мне и там никого не удалось обнаружить. Что ж, говорят, по лабиринту надо идти, всегда выбирая левый проход. Я побежал из зала в зал, надеясь встретить хоть кого-нибудь, но дворец словно вымер. Еще зал... старинные доспехи, мечи и щиты на стенах... Следующий зал... Портреты... Где-то начали бить часы. Уже пять вечера!

За следующей дверью оказался просторный зал, в центре которого я увидел широкую лестницу, ведущую на галерею второго этажа. Старенький слуга меланхолично натирал перила воском.

– Здравствуйте, уважаемый, – вежливо обратился я к старику, едва сдерживаясь от нетерпения. – Не будете ли вы так любезны сказать, где мне найти короля?

Слуга продолжал свое занятие, не обращая на меня ни малейшего внимания.

– Уважаемый! – повысил я голос.

Никакой реакции.

– Где король?! – завопил я во все горло, дергая слугу за рукав.

– Что?! Где?! – испуганно завертелся на месте старик. – Кто это кричал? Что случилось?! Пожар?! Нападение?! Спасайте короля!

– Иезус Мария! Успокойтесь! Это я кричал. Нет никакого пожара.

– Нет? – Слуга недоверчиво уставился на меня. – А вы кто такой? Я вас раньше во дворце не видел, а я всех во дворце знаю. Я здесь уже шестой десяток лет служу, еще при короле Офиногене Первом Загадочном меня взяли на службу. Хорошее время было, не то что сейчас...

– Какой, на фиг, Офиноген Первый, дедушка?! Где Пусий?!!

– Какой Пусий? Принц Пусий? Так его нянька на прогулку понесла, наверное... А вы кто такой? Я вас раньше во дворце не видел, а я всех во дворце знаю. Я здесь уже шестой десяток...

Я застонал и бросился вверх по лестнице. На галерее тоже ни души. Да куда же они все

делись?!

– Люди-и-и-и!!! – отчаявшись найти кого-нибудь, заорал я. – Ау-у-у-у!

Ответом мне было лишь гулкое эхо.

Я побрел по второму этажу, заглядывая во все двери подряд. Какая ирония судьбы! Совершить невозможное, то, на что уже перестал надеяться, успеть почти в срок – и терять с таким трудом отвоеванное время, блуждая по пустому дворцу! Наконец за одной из дверей послышались какие-то звуки. Я навалился на створки, открывшиеся неожиданно легко, и ввалился в комнату...

– Это еще что такое?

– Ой, карлик! Я их боюсь!

– Да ладно! Смотри, какой миленький! Какие у него маленькие сапожки, камзольчик! Мы хотим себе такого!

– Фу, противный! Я тебе больше не нравлюсь?!

– Ну что ты, глупыш! Он просто будет прислуживать во время приемов. Представляешь – мы идем, все такие красивые, а сзади карлик в ливрее несет шлейф нашей мантии...

Я замер, совершенно оглушенный мощной волной запахов – духи, притирания, пудры, запахи каких-то восточных благовоний, – все это обрушилось на мой несчастный нос не хуже кулака. На уши не меньшим ударом обрушилось щебетание, воркование и даже, кажется, карканье десятка птиц, развешанных в клетках по всему залу. В общий гвалт органично вплеталось и «щебетание» его величества Пусия Первого Великолепного, примерявшего парик в окружении толпы придворных.

– Ваше величество! – Я стянул с головы шляпу и поклонился. Раздался дружный выдох, не менее дружный стон ужаса и шум падающих тел. – Иезус Мария!

Я уже начал привыкать к эффекту, который вызывает моя внешность, но впервые он был столь массовым. В обморок не упал только сам Пусий и стражники у двери.

– Ну и вот что ты наделал? – капризно скривился король. – Нельзя было как-то более тонко поступить? Подготовить людей... Кто нам теперь поможет напудрить парик?

– Ваше величество, в ваших руках моя судьба и, возможно, жизнь! – Я преклонил одно колено, что для кота, надо сказать, весьма непросто. – Молю вас о помощи!

– Хм... Мы подумаем. – Пусий отвернулся к зеркалу и стал подправлять щипчиками правую бровь. – Ты, конечно, оказал большую услугу нашему кузену и нашей племяннице, так что мы тебе в какой-то степени тоже благодарны. Изложи свое прошение на бумаге и подай в нашу канцелярию... Возможно, мы благосклонно отнесемся к твоей просьбе. Особенно, если ты уговоришь короля Андрэ навестить нас. Напекаю – в этом случае твоя просьба почти наверняка будет удовлетворена...

– Ваше величество! На это нет времени! Сегодня в полночь истекает последний срок!

– Это ты о чем? – Пусий принялся за левую бровь.

– Если до сегодняшней полночи меня не расколдуют, я навсегда останусь котом! Помогите! У вас ведь есть придворный маг?

– Конечно, есть, за кого ты нас принимаешь? Инквизиция, правда, не одобряет магию, но ведь мы не можем отставать от моды?

– Прошу вас, прикажите вашему магу помочь мне!

– Ты хочешь, чтобы он расколдовал тебя? Бесполезно. Мне очень жаль, но мэтр Бахус не очень могущественный маг... На самом деле – но только пусть это останется между нами! – единственное волшебство, которое у него хорошо получается, это выгонка особо чистых спиртов.

– Откуда выгонка? – тупо спросил я, понимая, что вот это и есть самый настоящий конец.

– Не «откуда», а из чего! – назидательно поправил меня Пусий. – Вообще-то из чего угодно. Мы даже не хотим этого знать – нам будет неприятно пользоваться духами, которые мэтр делает на основе этих спиртов.

– Это вся магия, которой он владеет?

– Ну-у-у, кажется, он еще умеет смотреть на большом расстоянии. Как-то он подсмотрел для меня новейший покрой камзола, который как раз придумал личный портной короля...

– Ваше величество! – заорал я в восторге. – Позовите его сюда!

– Ну ладно, ладно... Незачем так кричать. Всех наших птичек перепугал, противный! Не будем мы его сюда вызывать, он... гм... он здесь будет не комильфо. Эй, мальчики, проводите его к мэтру Бахусу.

Я рассыпался в благодарностях и выскочил вслед за стражником из будуара.

Когда метр Бахус изволил наконец открыть на стук стражника, стало очевидно, что Пусий прав. Более того, присутствие мэтра Бахуса было бы «комильфо» в единственном месте – в каком-нибудь непритязательном кабаке.

– Здорово, мэтр, – без малейших признаков трепета, который обычно свойствен простым людям при общении с магами, произнес стражник. – Опять проверял качество продукта? Тут его величество прислали вот этого... человека, приказывают, чтобы ты ему помог в чем-то... Э-эй, мэтр Бахус?! Вы меня слышите?

Пока стражник говорил, мэтр Бахус стоял, молча покачиваясь, причем по лицу его видно было, что маг изо всех сил старается понять, что за звуки он слышит. Стражник, видимо, тоже заметил это выражение и безнадежно махнул рукой.

– Ну... в общем, я тебя проводил, а дальше – сам разбирайся.

Я протиснулся в кабинет вслед за продолжающим молчать магом и огляделся. За последнюю пару месяцев мне довелось видеть несколько рабочих кабинетов магов – кабинеты Эйсмарха, Мэрион, Мордауна... У всех у них были явно разные представления о достаточном порядке, но Бахус превзошел даже старого бергцверга. Сказать, что кабинет представлял собой натуральный свинарник, означало бы погрешить против истины – свинарник в сравнении с кабинетом мэтра Бахуса был сверкающим храмом чистоты и порядка. На ум приходили слова «мусорка», «свалка» и «помойная яма». Смахнув на пол огрызок яблока и банку с какой-то засохшей, но не потерявшей мерзостного запаха субстанции, я устроился на краешке стола. Мэтр Бахус, безучастно наблюдавший за моими действиями, уселся в кресло напротив, подпер ручищей опухшую физиономию и горестно вздохнул. Меня накрыло мощным облаком перегара.

– Мэтр, у меня к вам дело, – выдавил я, пытаюсь справиться с головокружением.

– Ну конечно... – еще печальнее вздохнул маг, обдав меня новой дозой сивушных паров. Пожалуй, под такой разговор мне не помешала бы закуска! – Вот так оно и начинается.

– Послушайте, меня прислал король. Он сказал – вы обладаете даром дальновидения...

– Нет, что-то не сходится.

– Что?

– Все! – отрезал маг, пытаюсь сфокусировать на мне взгляд. – Допустим, копыта у тебя в сапогах. Допустим! Но где рога и нос пяточком? И хвост!

– Вообще-то у меня есть хвост, – растерялся я. – Вот...

– Это неправильный хвост! Он должен быть поросячий. Этим... как его... буравчиком! А у тебя он прямой и пушистый! – уличил меня в попытке «обмана» маг и погрозил толстым грязноватым пальцем. – Ты... ты похож на кота! Вот!

– Ну и с какой стати у меня должны быть рога и нос пяточком? – раздраженно спросил я. – Я и есть кот.

– Говорят же – «допился до чертиков», а не «допился до говорящих котов»...

– А... Да нет, я настоящий.

– Ты в этом уверен?

– Абсолютно!

– Счастливчик! – прослезился от пьяного умиления маг. – Лучшие умы допускают иллюзорность нашего бытия и сомневаются в своем собственном существовании. А ты... ты

– молодец! Давай выпьем за реальность!

– Спасибо, не хочу! – вздрогнул я. Судя по запаху, в кружке был чистейший спирт.

– Правильно, – покладисто согласился мэтр Бахус. – Я тоже не желаю пить за реальность! Что в ней хорошего? Давай лучше выпьем за иллюзорность!

– Мэтр Бахус, мне нужна ваша помощь.

– Ты кто такой?! – вздрогнул маг, отставляя стремительно опорожненную кружку в сторону. От выпитого он парадоксальным образом слегка протрезвел. – Обалдеть! Говорящий кот!

– Я не кот, я заколдованный человек. Это долгая история, а времени у меня почти не осталось. Пусий сказал, вы владеете даром смотреть через большие расстояния.

– Пусий? Ну надо же – вспомнил! А я думал, ему от меня нужны только новые духи да кремы... Понимаешь ли ты, какое это унижение для настоящего мага – заниматься подобной ерундой?!

– Ну ушел бы на вольные хлеба.

– Силы воли не хватает, – запечалился маг. – Все-таки здесь жалованье хорошее, да и от инквизиции защита.

– Тогда чего ноешь?

– Так ведь теряю квалификацию! – патетически воздел вновь наполненную кружку маг. Браво опрокинул в себя обжигающую жидкость, занюхал рукавом. – И вот – спиваюсь.

– Слушай, я тебе очень сочувствую и выслушаю тебя с удовольствием. И даже компанию составлю, только помоги мне сначала связаться с одним человеком.

– Да легко! – небрежно взмахнул кружкой маг, снося попутно замысловатую конструкцию из колб и реторт. – От... мать! Что это было?.. А, ладно, неважно. Так кого тебе показать?

– Мне нужен Бублинг. Двор короля Хилобока Четвертого... Э-э-э... точнее, если верить Пусию, теперь уже короля Андрэ. В общем, мне нужен этот Андрэ – такой огромный парень с наивной физиономией.

– Бублинг... Бублинг... Так... сегодня у нас какое... первое ноября, кажется...

– Тридцать первое октября!

– Не сбивай меня, я и сам собоюсь... Дворец, значит... Не то... Не то... О! Этот парень?

Воздух в двух локтях передо мною зарябило, потом в нем появилось мутное изображение. Мое сердце учащенно забилося – это был Андрэ собственной персоной. Судя по новому камзолу и золотому обручу, охватывавшему лоб, Пусий не ошибся и у бывшего оруженосца с принцессой все устроилось отлично.

– Он может меня слышать?

– Ну... наверное, да. Раньше получалось...

– Андрэ!

– А? Кто здесь?

– Андрэ! Это я! Конрад!.. Он меня не видит?

– Сейчас подправлю настройку! – Маг опрокинул еще кружку спирта и страшно вытарашился.

– Господин! Ух ты! – Андрэ уставился на меня. – Как это вы? Где это вы?

– Долго объяснять. Где Коллет?

– Дык это... Значит, она вас не нашла?

– Она отправилась меня искать? – На душе у меня немного потеплело. Как мог я в ней сомневаться! – А куда именно?

– Ну так тут такое дело – Мордаун-то тогда сбежал...

– Да плевать мне на Мордауна! Где Коллет? – Я с тревогой посмотрел на явно настроившегося заснуть мага.

– Дык что теперь уж? Все равно поздно...

– Андрэ! Где Коллет?

– Ну она ведь тогда стояла прямо за вашей спиной и увидела в той дыре, куда вас засосало, ворота Либерхоффе. Она сказала – таких ворот больше нигде нет. И поехала за вами.

– Проклятье! Получается, где-то мы разминулись. Спасибо, Андрэ, увидимся!

– Дык, это...

Я помахал лапой перед глазами мэтра Бахуса.

– Мэтр, пожалуйста, не спите! Мне нужно, чтобы вы нашли другого человека.

– Опять ты? – вздрогнул, приходя в себя, маг. – Я надеялся, ты к этому громиле перейдешь...

– Что значит «перейдешь»? – опешил я.

– Ну просто перейдешь. Суть этой магии довольно проста, нужно только хорошо представлять себе многомерность пространства и времени. Большинство магов не способно отказаться от линейного представления Мироздания, потому эта магия и считается такой сложной. Из всех моих знакомых только прохвост Морган научился ее основам, но и у него не получается полностью отказаться от предрассудков о линейности времени и пространства... А я могу представить обе субстанции как угодно – хоть линией, хоть кольцом, хоть морским узлом. Когда плоскости соприкасаются, открывается окно. Вот я и представляю, как плоскости пространства соединяются – того, где нахожусь я, и того, куда хочу попасть...

– погоди, погоди! Ты хочешь сказать – это не просто картинка в воздухе была? Я мог пройти сквозь нее и оказаться рядом со своим другом?

– Ты тупой? Это я тебе и говорю. А теперь проваливай – я спать хочу.

– Обещаю – я сразу уйду. Только найди мне, пожалуйста, Либерхоффе. Там где-то девушка по имени Коллет...

– Ты очумел? Как я тебе найду девушку в целом городе?

– Попробуй! – взмолился я. – Она приехала туда за мной! Значит, остановилась в трактире. Город маленький, там всего несколько трактиров. Прошу тебя!

– Уф-ф-ф... Ладно. – Маг опять страшно вытаращил глаза, и в воздухе возникло «окно». Не могу даже представить, что подумал хозяин трактира, когда прямо в воздухе перед ним возникла опухшее, дышащее перегаром лицо и довольно грозно спросило. – У тебя живет девушка по имени Коллет?

– Нет, господин! – проблеял побледневший трактирщик.

Напугав таким образом еще троих трактирщиков, мэтр Бахус получил положительный ответ, и картина в окне снова поменялась.

– Коллет!

– Конрад?! – Девушка шагнула ко мне. – Боже, Конрад! Я так надеялась...

– Нет, нет, только сентиментальных сцен мне тут не хватало! – возмутился Бахус. – Я спать хочу! Проваливай к ней!

– Спасибо, мэтр! Вы великий маг!

Я шагнул в окно и попал в объятия Коллет. Это было приятно, черт возьми! Хотя, конечно, куда приятнее будет обнять ее настоящими человеческими руками!

– Ну что ты? Зачем плачешь? Я ведь здесь!

– Прости меня, Конрад! Я искала тебя все это время, представляю, что тебе пришлось пережить...

– Все это пустяки, Коллет! Быстрее преврати меня назад в человека!

– Но... Но уже поздно, Конрад. Мы опоздали. Прости меня...

– Что?! Но ведь еще нет полуночи?!

– Да, недавно пробило пять...

– Значит, Хеллоуин еще не наступил!

– Но сегодня первое ноября! Пять часов вечера первого ноября!

– Не может быть... – И тут я вспомнил, как Бахус сказал «первое ноября». И не захотел слушать, когда я его поправил. Время! Пространство и *время* – он сказал...

– Иезус Мария! Этот грязный пьяница забросил меня в завтра!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой повествуется о том, как благородный Конрад фон Котт возвратился в Бублинг, и в ней нет никаких неожиданностей

– Невероятно! – Коллет покачала головой. – Такое могущество, и в руках этого пропойцы? Я ведь знаю мэтра Бахуса довольно хорошо, все придворные маги и их ученики общаются довольно плотно – переписка, обмен опытом на регулярных конвентах. Мне всегда казалось, что Бофре – это настоящее имя мэтра Бахуса, прозвище он получил именно за свою порочную страсть – довольно слабый маг. Его уже много лет никто не видел трезвым, хотя в те редкие случаи, когда он бывает чуть более трезв, чем обычно, с ним очень интересно побеседовать о философии или о теории магии. Знания у него действительно энциклопедические. Но вот так – запросто – перемещать человека во времени?! С ума сойти!

– Я, конечно, понимаю твое восхищение, Кол-лет, но мне сейчас не до магических парадоксов, – вздохнул я, сворачиваясь калачиком на стуле. – И что ему было не ошибиться на день назад? Отправил бы меня в тридцатое октября или в двадцать девятое... Но с моей удачей по-другому и быть не могло! Проклятье!

– Перестань ныть! Ты что, не понимаешь? Ничего страшного ведь не произошло! Просто нужно немного потерпеть...

– Ты о чем это? – оживился я. – Неужели есть еще способ меня расколдовать?

– Да ты сам подумай – если Бахус так запросто обращается с пространством и временем, мы отправимся в Куаферштадт и просто попросим его опять перенести тебя во времени. Только не вперед, а назад – в эту же комнату тридцатого или тридцать первого октября.

– Иезус Мария! Я и впрямь здорово поглупел! – Мне захотелось вскочить и станцевать джигу. – Ты вернула мне надежду! Лишь бы эта пивная бочка не отослала меня куда-нибудь к Каролингам или вообще во времена Нерона и Калигулы.

– Ничего, мы его перед началом колдовства протрезвим, – зловеще усмехнулась Коллет. – Если понадобится – силой! Есть у меня для таких случаев хороший рецепт...

Мы решили выехать следующим утром. Спешить действительно было особо некуда: либо мэтр Бахус властен перенести меня назад во времени, и тогда все равно, когда мы к нему приедем, либо не властен – и тогда это тем более не имеет значения. Я надеялся, что не все в его словах было пьяным бахвальством – ведь он довольно легко открывал проходы даже в том состоянии, в котором я его застал, но меня снедали нехорошие предчувствия – слишком уж часто удача, казалось бы уже находясь в моих лапах, ускользала.

В тот вечер, когда я столь стремительно перенесся в комнату Коллет в одном из трактиров Либерхоффе, мы просидели далеко за полночь, рассказывая друг другу о том, что произошло с нами за прошедшие три недели. Мой рассказ оказался длиннее, поскольку Коллет выехала из Бублинга на следующий день после моего исчезновения – сразу после венчания Андрэ и Анны и немедленной их коронации. Конечно, это было явное нарушение традиций, но Хилобок заявил, что последние события безумно утомили его и он не желает оставаться на троне ни одного лишнего дня. После этого торжественного, хотя и несколько истеричного отречения пришлось плюнуть на традиции и срочно провести все необходимые церемонии, дабы не нарушать преемственность династии. Так что теперь Анна была законной королевой, а Андрэ – королем. Первым же указом Анны было назначение Коллет придворным магом. Собственно, это было всего лишь утверждение де-юре того, кем де-факто рыжая ведьма являлась последние годы своего «ученичества» у мэтра Мордауна, выполняя все обязанности придворного мага, пока Морган играл в политику. Кол-лет немедленно вытребовала себе грамоту королевского гонца и отправилась в Либерхоффе, меняя лошадей на каждом постоялом дворе. Увы, где-то по дороге мы с ней разминулись – скорее всего, когда мой импровизированный цирк давал представление в одном из

небольших городков, которые Кол-лет с отрядом миновали не останавливаясь. Так что особо рассказывать девушке было не о чем – ничего примечательного с ними в пути не случилось.

Мне, напротив, было что рассказать и даже показать – увлекшись, я исполнил несколько трюков, которыми развлекал зрителей, чем вызвал у девушки смех и даже сорвал аплодисменты. Про то, как Огюст «дрессировал» меня, я рассказывать не стал – не хотелось вспоминать о пережитых унижениях. Как потом оказалось, правильно сделал.

Третье путешествие по дороге Либерхоффе – Куаферштадт оказалось самым комфортным и спокойным. В немалой степени этому способствовало то, что путешествовали мы не одни – Коллет сопровождала дюжина до зубов вооруженных солдат. На подобном эскорте настоял Андрэ – мой бывший оруженосец продолжал меня удивлять, проявляя все большую сообразительность и ясность ума. Как бы не вышло так, что однажды он станет не слишком-то подходящим мужем для такой эмансипированной королевы, как Анна.

Осень закончилась, а с нею – и хорошая погода. Холодный дождь не прекращался ни на минуту, от чего дорога превратилась в липкое, скользкое болото, передвижение по которому одинаково выматывало и лошадей, и всадников. Мы остановились в Думмкопфе на три дня – нужно было отдохнуть. Скудное же это оказалось местечко! Гулять по городу под мелким холодным дождем совсем не тянуло, сидеть по комнатам было тоже не особо весело, так что на третий день мы не выдержали и вечером спустились на первый этаж – в трактир. Я так и путешествовал в одежде, перешитой для меня Мэрион, и хозяин трактира меня немедленно узнал – как выяснилось, в прошлый мой «визит» в Думмкопф он побывал на выступлении моего импровизированного бродячего цирка.

– Эх, маэстро, здорово же вы тогда выступили! – протирая стойку рукавом, предавался толстяк воспоминаниям. – Никогда раньше не видел, чтобы животных таким трюкам научили. Вы к нам не собираетесь еще разок заглянуть? Особенно хотелось на кота вашего посмотреть – такие кунштюки выделявал, чертяка!

– Нет, дружище, – усмехнулся я в предусмотрительно высоко повязанный шейный платок. – Я больше не занимаюсь этим...

– Жаль! – огорчился трактирщик. – А я хотел вас пригласить выступить у меня в трактире. Комнату вам предоставил бы бесплатно. У нас в городе этой зимой ни одного бродячего цирка не осталось – всех его величество Пусий Первый сманил в столицу на Хеллоуин, там они на зиму и осядут, видать. А у нас тут только какой-то синьор Сароз остался, но у него не цирк – слезы.

– Сароз? – невольно вздрогнул я, услышав знакомое имя. – Я слышал о его цирке. Раньше это была известная труппа...

– Ну естественно – вы же небось постоянно друг с другом встречаетесь то там, то здесь, – не заметив моего замешательства, продолжил трактирщик. – Да вы его сегодня можете сами увидеть. Представление у него, конечно, с вашим ни в какое сравнение не идет, но хоть что-то...

И действительно – ближе к вечеру я смог посмотреть выступление «знаменитого цирка синьора Сароза».

Как выяснилось, от прежнего состава остались только братья-акробаты Марк и Матвей. Ну и сам синьор Сароз, естественно. Огюст не выступал, лишь объявлял номера и обходил столики, собирая в шляпу деньги. Когда он остановился напротив нас, я приподнял шляпу и подмигнул ему:

– Привет, Огюст! Как жизнь?

Узнав меня, Сароз побледнел как полотно и чуть не выронил шляпу с деньгами. Нервно оглядевшись, он первым делом спросил:

– А где... э-э-э... Андрэ? Он с тобой?

– Андрэ сейчас очень далеко, не бойся, – усмехнулся я, наблюдая, как на лицо хозяина цирка возвращается естественный цвет. И очень знакомый блеск в маленьких хитрых глазках. – Огюст, Огюст, ты неисправим. Забудь и думать. Андрэ со мной нет, но вот эта прекрасная девушка, что сидит со мной за одним столом, – придворный маг короля

соседнего государства. А вот те крепкие парни, что веселятся за общим столом, – ее телохранители. Ну и заодно – мои.

– Да ладно, я ничего такого и не думал, – стушевался Сароз. – К чему эти подозрения?

– Вот и отлично. Если хочешь, после представления приходи – посидим, вспомним прошлое...

Удивительно, но у Огюста хватило смелости (или наглости) воспользоваться моим приглашением. Впрочем, прислушавшись к себе, я вдруг понял, что никакой злости к нему не испытываю. Тем более что он привел с собой синьору Сароз, что было для меня приятным сюрпризом – я ведь дал себе слово отблагодарить добрую женщину за то, что она привечала меня во время циркового плена. Мне удалось уговорить ее принять кошель с золотыми и пригласил в Бублинг. Андрэ – человек незлопамятный, к тому же синьора Сароз когда-то подкармливала вечно голодного силача, так что, думаю, он будет рад увидеть старых знакомых.

Как выяснилось из рассказа четы Сароз, труппа распалась вскоре после моего бегства. И первым ушел Синяша. Падение – и прямое и образное – отца, долгие годы бывшего для него кумиром, что-то сдвинуло в голове у парня. Синяша заявил, что не собирается всю жизнь таскаться по свету, кривляясь перед толпой и подвергаясь унижениям. Он твердо решил достигнуть успеха и достатка самостоятельно и на более выгодном поприще. Что он имел в виду, так и осталось неясным, но, судя по грустному лицу синьоры Сароз, она догадывалась, что сын решил связаться с ночным ремеслом.

После ухода Синяши из труппы почти одновременно сбежали к более щедрому конкуренту Сароза жонглер и гимнастка, выполнявшая номер «женщина без костей». Последний гвоздь в крышку гроба, в котором покоился финансовый успех цирка, забила Леди Годива, скоропостижно выскочившая замуж за плененного ее скудными прелестями купца. Верными старому хозяину остались только Марк и Матвей. И то – как горько признался быстро захмелевший Сароз – по причине того, что никто этих известных пьяниц к себе брать не хочет. Правда, Сарозу удалось в том же Либерхоффе завербовать несколько бродяг и обучить их каким-то основам, но «знаменитый цирк синьора Сароза» стремительно шел ко дну. Спасло цирк чудачество Пусия Первого, из-за которого Думмкопф остался на зиму совсем без развлечений. Если бы не полное отсутствие в городе конкурентов, к весне синьора Сароза ждало бы разорение.

На следующее утро погода наладилась, с чистого неба светило холодное ноябрьское солнце, и мы продолжили наше путешествие.

Новая встреча, поджидавшая меня через несколько дней пути, оказалась куда радостнее. Мы как раз проезжали мимо избышки, из которой когда-то выкурили разбойников. Какой-то невнятный сентиментальный позыв заставил меня попросить Коллет свернуть с дороги и посетить это место. Девушка не стала возражать – ей было интересно своими глазами посмотреть на места, где разворачивались события, знакомые ей по моим многочисленным рассказам. В сопровождении троих солдат мы осторожно выехали на поляну – вполне могло оказаться, что разбойники вернулись-таки в свою нору или избу заселили какие-нибудь их коллеги. Я принялся – запаха дыма и людей не чувствовалось. Зато... я принялся еще раз... не может быть!

– Иголка!

– Капитан?! – раздалось знакомое ржание, и из кустов высунулась морда моей боевой подруги.

– Ты как здесь оказалась? – Я запрыгнул в седло, болтавшееся на бедняге, словно на заборе. – Иезус Мария, как же ты исхудала!

– Я в прекрасной форме, – слегка покачиваясь, упрямо заявила Иголка. – Небольшой пост способствовал моему духовному совершенствованию. Готова немедленно приступить к службе... А нет ли у вас с собою немного овса?

– Есть, Иголка, конечно есть. – Я чуть не расплакался, увидев, как натерта ее шкура

упряжью, которую, естественно, она не могла сама снять. – Сейчас... Надо только до дороги добраться. Там у нас целый отряд, все как положено – с запасами фуража...

Утолив голод, Иголка поведала, что вскоре после моего «полета» через забор в дворцовый парк ее попытались поймать какие-то бродяги. Видимо, они никогда раньше не имели опыта общения с боевой лошадей и, отведав копыт, убрались ни с чем. Однако Иголка побоялась оставаться на месте, справедливо рассудив, что противник может вернуться с подкреплением. Каким-то чудом ей удалось выбраться из города и спрятаться в лесу. Верная Иголка ждала меня двое суток, пока не поняла – что-то пошло не так и капитан не придет. Лошадь оказалась перед выбором – отправиться в город и позволить себя поймать хотя бы страже у ворот или продолжать ждать господина. Первый вариант ей не нравился – сдаваться в плен не хотелось, второй – был просто невыполним, становилось все холоднее, насытиться увядшей травой не получалось, и от голода лошадь мерзла еще сильнее. Тут-то ей и пришлось в голову укрыться в избушке разбойников. Еще в первое наше посещение она обнаружила в пустующей конюшне запас сена, а непогоду вполне можно было пережить в доме. Как пояснила Иголка, она собиралась «держатъ оборону», пока будет возможность, поскольку верила – если я жив, то обязательно буду искать ее и догадаюсь заглянуть сюда. Ну а если нет – сдаться никогда не поздно.

Лошадь требовала, чтобы я скакал дальше на ней, но мне как-то удалось ее убедить, что подобное геройство сейчас ни к чему, а сам тайком попросил Коллет ехать дальше как можно более неспешно. Учитывая это, а также скверное состояние дороги, до Куаферштадта наш отряд добрался только через неделю. Зато Иголка заметно поправилась, опрелости от сбруи и седла зажили, и лошадь вновь была полна оптимизма.

На этот раз мне не пришлось проникать во дворец Пусия Первого через кухонное окно или маяться на крыльце в ожидании приема. Король сразу принял «делегацию», возглавляемую придворным магом соседнего королевства.

Правда, встреча столь высокопоставленной особы была омрачена совершенно безобразной сценой. Дабы соблюсти протокол, я держался на пару шагов позади Коллет. Однако стоило нам войти в зал, взгляды всех придворных оказались прикованы именно ко мне. Некоторые из них, видимо вспомнив меня по предыдущему визиту, привычно лишились чувств. Пусий Первый также уставился на меня, но чувств не лишился, а, напротив, очень возбудился, побледнел, потом покраснел и заорал:

– Стража! Взять негодяя!

Никак не ожидавшие такого оборота, мы с Коллет застыли. Не знаю, что в этот момент думала моя ведьмочка, а я, грешным делом, решил, что его величество слегка тронулся умом. Но сумасшедший или нет, Пусий оставался королем, и его приказ выполнили немедленно – на меня разом навалилось несколько напудренных стражников в шелковых розовых мундирах. Я чуть не задохнулся от приторного запаха одеколонов и пришел в себя только в тюремной камере.

Все произошло так быстро, что я, собственно, даже не испугался, а остался в недоумении – что нашло на Пусия? Ведь в прошлый раз мы расстались вполне дружелюбно. Оставалось надеяться, что произошло какое-то недоразумение и в ближайшее время меня выпустят.

Где-то к середине дня я начал сомневаться насчет «ближайшего времени» – оно почему-то все не наступало. Угрюмый тюремщик, принесший мне обед – надо отдать должное Пусию, вполне приличный, – разговаривать со мною не пожелал. Мне показалось, что он меня немного побаивается, хотя, впрочем, с чего бы?

К вечеру я уже всерьез забеспокоился и стал припоминать все, что успел натворить в этом королевстве – не было ли в моем прошлом каких-то серьезных преступлений вроде государственной измены? И где сейчас Коллет? Вроде бы, когда меня вязали, ее просто оттолкнули в сторону, так что она должна быть на свободе. Но, с другой стороны, зная ее вспыльчивый характер, не удивлюсь, если она использовала свой любимый аргумент – молнию – и сейчас сидит в какой-нибудь соседней камере... Эта мысль не давала мне уснуть

всю ночь, и рассвет я встретил совершенно разбитым.

К счастью, мои опасения не оправдались.

Где-то около полудня двери моего узилища распахнулись, и в камеру вбежала Коллет.

– Конрад! Как ты себя чувствуешь? Они с тобой ничего не сделали?

– Все в порядке, не волнуйся. – Я заставил себя отстраниться от груди, к которой меня пылко прижимала девушка, и задал мучивший меня вопрос: – Что, черт возьми, нашло на короля?

– Этот Пусий! – сердито фыркнула Коллет, опуская меня на нары. – Расфуфыренный самодур! Пошли, надо убираться отсюда, пока он не передумал...

– Как?! А мэтр Бахус?!

– Из-за него Пусий и взбеленился, – вздохнула девушка. – Боюсь, у меня для тебя плохие новости.

– Он..?

– Трудно сказать, – правильно поняла мое замешательство Коллет. – Его никто не видел уже почти месяц. Если точнее, после твоего визита его видели всего один раз. Считай, тебе повезло – по крайней мере это подтверждает, что ты его не убил и не съел. Не смейся, тебя тут считают кем-то вроде полномочного представителя дьявола, так что подозрения вполне могли возникнуть.

– Значит, Бахус исчез?

– Я бы сказала, это больше похоже на бегство. Поиск себя. Кризис среднего возраста. Или пьяную истерику. В общем, на следующий день после твоего визита мэтр Бахус выразил настойчивое желание поговорить с Пусием. Его величество, вообразив, что маг составил новый запах и хочет продемонстрировать его, обрадовался и приказал немедленно впустить. Однако Пусия ждало жестокое разочарование... Да что там – катастрофа его ждала. Бедняга до сих пор в шоке, так что мне его даже жаль стало... Но и пристукнуть очень хотелось!

– Так что там произошло-то? Не томи! Бахус сказал, куда уходит?

– В том-то и дело, что нет. Он, как обычно, был пьян, но гораздо трезвее обычного, так что можно сказать – почти в своем уме. Хотя все равно свернул подставку с цветами и напугал птиц. Но Пусий бы ему все простил, лишь бы тот вернулся. Бахус заявил, что «визит посланца судьбы открыл глаза на мое ничтожество» и он не собирается больше заниматься парфюмерией. Мол, тратит лучшие годы и талант на глупое занятие, унижающее его как мага и как мужчину, теряет квалификацию мага и к тому же спивается. И что он собирается пересмотреть свои жизненные ценности вдали от суетного мира. После чего открыл проход неизвестно куда и исчез.

– Проклятье! Я так и знал... – У меня не было сил даже разозлиться. – Нет, это уже просто смешно!

– Погоди смеяться. Ты разве не понял, кого Бахус назвал «посланцем судьбы»?

– Меня? О, черт!

– Вот именно! Теперь понимаешь, почему Пусий на тебя так зол? Он вообразил, что это ты убедил Бахуса покинуть дворец.

– Теперь понимаю... – протянул я. – Мы и в самом деле с Бахусом перекинулись парой слов о смысле жизни. И я, кажется, даже что-то такое ему сказал... Вроде «не доволен такой жизнью, так поменяй ее». Надо же, я сам, можно сказать, вырыл себе яму! Но как я мог знать?!

– Это понятно, но Пусию ты не сможешь ничего объяснить. Он тебя и слушать не станет. Ко всем прочим неприятностям, Бахус утащил с собой добрую половину лаборатории, так что даже если Пусий найдет ему на замену каких-нибудь местных алхимиков, им придется долго восстанавливать рецепты. В общем, мне с трудом удалось его убедить, что ты тут ни при чем – пришлось и своим положением при дворе Анны его шантажировать, и даже магию применить.

– Он меня отпускает?

– Да... Но я бы не стала задерживаться здесь дольше необходимого. Его величество

славится тем, что свои решения меняет чаще, чем парики, а парики он меняет три раза на дню. Так что сейчас сразу в конюшню и уезжаем... Если ты, конечно, не хочешь попрощаться с Пусием.

– Не имею ни малейшего желания.

Солдаты из сопровождающего Коллет отряда уже ждали нас на площади перед дворцом. Правда, ждали почему-то не в строю, а сгрудившись вокруг чего-то, что мы не могли видеть за широкими спинами. Из толпы доносились хлопки и восторженные возгласы:

– Давай, давай!

– Еще!

– Молодец!

– Что тут происходит? А ну построиться! – Властный окрик Коллет заставил солдат мгновенно занять места возле своих лошадей. Теперь и мы смогли увидеть, что же их так заинтересовало. Ну... на самом деле их поведение можно понять – не каждый день приходится видеть танцующего петуха.

– Транквилл! Ты?!

– Ну а кто? Ты не мог раньше прийти? Я уже целый час здесь отплясываю! Люди совершенно не умеют ценить время!

– Рад тебя видеть! – Я не смог удержаться от улыбки. – Но чего ради ты устроил представление?

– Я бы и не устраивал, если бы ты не болтался неизвестно где! – сварливо прокудахтал петух, взлетая в седло моей лошади. – К твоему сведению, я все это время скрывался в дворцовом птичнике. Хорошо еще, что у его величества столько разнообразных птиц, что никто их всех не помнит и даже приблизительного числа не знает. Птиц постоянно переносят из птичника в клетки во дворце – его величество любит разнообразие. Так что у нас там всегда самые свежие новости из покоев Пусия Первого. Так я сначала узнал про твой арест, а потом и про то, что Пусий согласился тебя отпустить. Я сразу на площадь кинулся. Но сам подумай: если кто увидит, что перед дворцом разгуливает петух, что предпримет ограниченный человек? Поймает и отнесет на кухню! Вот я и принялся отплясывать, чтобы люди заинтересовались и поняли – я вам не просто сбежавший обед!

– Так ты что же – с нами хочешь ехать?

– А ты хочешь от меня избавиться?! После всего, что мы пережили вместе? Я так и знал! Како-ко-кое ко-коварство!

– Да успоко-ко... тьфу на тебя! Успокойся! Если хочешь, поезжай с нами. Просто ты ведь и так неплохо устроился.

– Да ко-ко-ко-кое там «неплохо»! Ни одной интеллигентной птицы! Поговорить не с кем!

– Ну как пожелаешь.

– Наговорились? – поинтересовалась Коллет. – Это тот самый Гай Светоний Транквилл, про которого ты рассказывал?

– Он самый.

– Передай этой девочке, что она красавица, – прокурлыкал петух, закатывая глаза. – Совсем как моя любимая восемнадцатая несущка...

– Спасибо, он очень галантен! – рассмеялась Коллет, когда я передал ей слова Транквилла. – Ну если все наконец в сборе – пора ехать!

Мы покинули Куаферштадт и через несколько дней уже были в Бублинге. Слух о нашем возвращении опередил отряд, и нас встречали как героев. Увы, встреча имела явный привкус поражения. Анна сделала вид, что ничего особенного не произошло, но простодушный Андрэ, стоило ему меня увидеть, немедленно ляпнул:

– Господин, как же так? Вы теперь навсегда останетесь котом?

– Я не знаю, Андрэ, – честно признался я. – Похоже, судьба не желает, чтобы я вернул свой настоящий облик.

– Только не вздумай сдаваться! – возмутилась Коллет. – Мне плевать, чего там хочет

судьба, – сильные люди сами делают свою судьбу! Мы обязательно найдем выход!

– Найдем, Коллет. Обязательно найдем, – произнес я, честно глядя в глаза девушке и радуясь, что по моей кошачьей морде трудно читать мысли.

ЭПИЛОГ

Вот и вся история – полная и правдивая – восхождения на престол Андрэ Первого Могучего.

Андрэ очень сильно изменился – ум его, попав в благодатные условия, развился, и теперь мало кто узнал бы в короле прежнего деревенского дурачка. Впрочем, несмотря на это, во многих вопросах Андрэ остался очень наивным человеком. Например, он так и не научился врать и хитрить, потому благоразумно предпочитает держаться от политики подальше. Страной управляет королева Анна и, надо признать, у нее это очень хорошо получается. Ну а Андрэ Первый Могучий величественно восседает на троне во время торжественных приемов, пропадает на охоте да развлекает придворных своими простецкими манерами. Ах да, еще – как оказалось – новый король весьма склонен к тем подвигам, от которых по ночам сотрясаются стены дворца. Большинство подданных искренне молятся о том, чтобы отпрыски унаследовали могучую стать короля и государственный ум королевы, а злопыхатели не менее искренне надеются на прямо противоположное.

К слову о злопыхателях – мэтра Мордауна так и не удалось поймать, что, впрочем, и неудивительно – поди поймай конкретную крысу в огромном городе с множеством складов, амбаров, подвалов и развитой сетью канализации. Эти бестии и так удивительно умны и пронырливы, что уж говорить о бывшем придворном маге и опытном интригане?! Хорошо хоть он куда-то пропал и не пытается вредить. Коллет пояснила, что магическая сила не может долго удерживаться в столь неподходящем теле, как тело крысы, и в настоящий момент Мордаун уже не представляет большой опасности – если только не сумеет вернуть себе человеческий облик. «Ключ» его заклинания Коллет выбрала надежный – заклинание рассыплется, если Мордаун будет готов бескорыстно пожертвовать собой ради другого человека. Учитывая, что маг явно не склонен к самопожертвованию, и свой собственный нелегкий опыт, я почти спокоен на этот счет. Верного слугу Мордауна – громилу по прозвищу Бык – поймали. По справедливости, конечно, за все его преступления стоило бы мерзавца повесить, но Анна решила следовать прогрессивным веяниям и отменила в королевстве смертную казнь. Нет, я ничего не говорю – идея в принципе очень хорошая. Но один-то раз можно было бы и повесить? Никто бы и не узнал. А так Быка отправили в горы на каменоломни, где он умудрился благодаря своей чудовищной силе пробить штольню аж на другую сторону горной цепи и сбежал. Его, конечно, искали, но не сказать чтобы очень упорно – без своего хозяина Бык всего лишь еще один безмозглый разбойник.

Жака Кошона тоже поймали, но вынуждены были отпустить – как ни странно, но его совершенно не за что было судить. Его воровское прошлое доказать было трудно, помощь Мордауну – как утверждал сам Кошон – он оказывал, находясь под чарами мага, а за подлость наказание в законах королевства не предусмотрено. Утешало только то, что сразу после суда Кошон покинул столицу и больше мы его не встречали.

Придворных, поддержавших мятеж, Анна благоразумно помиловала.

Во-первых, как было объявлено в официальной версии, все мятежники находились под чарами мэтра Мордауна и не могли здраво рассуждать. Во-вторых, как объяснила королева уже в приватном разговоре со мной, Андрэ и Коллет, – большинство придворных, конечно, дураки и воры, но других пока взять неоткуда. За время правления Хилобока, гораздо лучше разбирающегося в цветах, чем в людях, сложилась такая ситуация, что среди благородного дворянства служить при дворе стало считаться чуть ли не позором. Анне предстояло хорошо потрудиться, прежде чем уважение к династии будет восстановлено. Впрочем, королева не боялась трудностей. «Будем воспитывать!» – оптимистично заявила она, рассказывая о «проделках» казначея.

Второй ее любимый афоризм – «друзей держи близко, а врагов – еще ближе».

Но это просто афоризм, потому что друзей королева держит все-таки ближе, чем врагов. Как я уже говорил, Коллет сейчас придворный маг и пользуется большим влиянием. По сути, она является первым советником королевы и ее ближайшей подругой. И, как бы ни ехидничали злые языки про «бабское двоевластие», плохих советов Коллет не дает. К тому же она действительно могущественный маг, и все идеи и планы королевы получают обязательную магическую поддержку. Достаточно упомянуть хотя бы то, что на территории королевства теперь всегда стоит идеальная для сельского хозяйства погода.

Про меня королевская чета тоже не забыла. Андрэ сгоряча предложил было назначить меня главнокомандующим, но тут уж я сам воспротивился. Конечно, на фоне таких «гениев» военного дела, как благородные сэры Ганджубас Невообразимый и Сахарин Натуральный, даже я был бы вполне приемлемым главнокомандующим – если бы не известное печальное обстоятельство. Право слово – армия под командованием кота, пусть даже и говорящего, неминуемо стала бы объектом насмешек для всех соседних стран. Да и сам я теперь плохо представляю себя в роли главнокомандующего и вообще на военной службе. Все-таки пребывание в кошачьем теле сказывается, и теперь мне было бы трудно подчиняться приказам и соблюдать дисциплину.

Выслушав мои аргументы, Анна согласилась с их разумностью и немедленно придумала мне должность – Личный Друг Королевской Семьи. Должность выглядит (да и является) чистой синекурой, но служит хорошим прикрытием для основной моей деятельности. Мудрая королева сразу поняла, какие широкие возможности для разведки открывает моя способность понимать язык птиц и зверей, так что в настоящий момент я – личный шпион ее величества. Мне даже отвели покои рядом со спальней королевской четы, чтобы у меня была возможность в любое время дня и ночи докладывать о жизненно важных событиях, но я вынужден был сбежать оттуда после двух бессонных ночей. Сославшись на кошачьи инстинкты и оперативную необходимость, я выпросил себе чердак над бывшим кабинетом Мордауна, теперь – кабинетом Коллет. Здесь я и живу и работаю – разговариваю с птицами, мышами, кошками, собаками... Частенько ко мне заявляется поболтать Транквилл – у него звание Личного Петуха его величества и, естественно, пожизненная неприкосновенность. Иногда мы вместе спускаемся в конюшню – к Иголке.

Из людей я общаюсь только с Анной, Андрэ и Коллет. Честно говоря, мне все сложнее общаться даже с ними, я сам себя все меньше воспринимаю как человека. Впрочем, и котом я себя не воспринимаю – так, не пойми что, не человек, не животное. Я все чаще и чаще запираюсь на чердаке и, одурманившись кошачьей мятой, провожу дни и ночи в тупой тоске. Все мои попытки обнаружить Бахуса при помощи моих пернатых осведомителей закончились ничем – даже перелетные птицы, приносящие мне новости из отдаленных уголков земли, ничего не слышали про пьяницу-мага. Насколько я знаю, Коллет также упорно ищет его своими – магическими – путями и одновременно пытается найти противоядие. Я почти каждую ночь слышу со своего чердака, как она роется в библиотеке, звякает алхимической посудой и бормочет ругательства – увы, все ее усилия пока бесплодны. Анна действует через осведомителей-людей и тоже тщетно...

Наверное, мне проще было бы жить, смирись я со своей новой сущностью, если бы...

Если бы не Коллет.